

ЕК
2003

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

81.0
1154

МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В.Н. ТЕЛИЯ

Бібліотека Тернопільського
національного педагогічного
університету ім. В. Гнатюка

649365

МОСКВА
"НАУКА"

1988

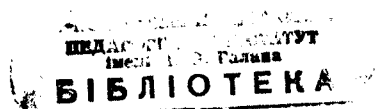
81.0
1154
649365
Метаморфоза в
языке и тексте
1-50
М. 1988
27.03.92
30.03.92
Однимовс
Підписна
649365

Авторы:

В. Г. ГАК, В. Н. ТЕЛИЯ, Е. М. ВОЛЬФ, Е. О. ОПАРИНА,
Т. З. ЧЕРДАНЦЕВА, Х. Д. ЛЕЭМЕТС, А. М. ШАХНАРОВИЧ, Н. М. ЮРЬЕВА,
С. С. ГУСЕВ, Э. А. ЛАПИНЯ, Н. А. КОЖЕВНИКОВА, В. В. ПЕТРОВ

Рецензенты:

доктор филологических наук Е. М. Верещагин
кандидат филологических наук В. И. Постовалова

М 54 **Метафора** в языке и тексте.— М.: Наука, 1988.— 176 с.
ISBN 5-02-010889-8.

Монография представляет собой комплексное исследование природы метафоры и закономерностей ее функционирования в научных и художественных текстах. Исследование проведено с привлечением новейших лингвистических, логических и науковедческих данных. Особый интерес представляет рассмотрение роли метафоры в формировании текста. Исследуются типы метафоризации, характерные для естественного языка, намечены пути дальнейшего исследования метафоры в различных аспектах.

Для специалистов в области общих проблем языкознания, логики и методологии науки.

М 4602000000-311
042(02)-88 313-88—III

ББК 81

ISBN 5-02-010889-8

© Издательство «Наука», 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

В лингвистической науке проблема метафоры — и как процесса, создающего новые значения языковых выражений в ходе их переосмысления, и как уже готового метафорического значения — рассматривалась издавна и всегда скорее как стилистическое средство или художественный прием, реже — как средство номинации, еще реже — как способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении.

В последние десятилетия (условно — с начала 60-х годов) проблема метафоры стала, расширяясь подобно кругам на воде от брошенного камня, волновать специалистов по семантике, логической семантике и науковедению. В их исследованиях, проведенных с позиций этих отраслей знания, были получены новые сведения о роли метафоры в процессах познания и в организации знаковых систем науки, техники, искусства и «рикошетом» — естественного языка. Чем вызван такой широкий интерес к проблеме метафоры? Прежде всего начавшимся еще в конце века изменением научной парадигмы гуманитарного знания, перешедшей, благодаря смене статического воззрения на мир как на жестко упорядоченную совокупность элементов, частиц и т. п. *suí generis*, на рассмотрение мироздания как динамической системы разворачивающихся вокруг человека «атомарных фактов», т. е. событий, явлений, свойств и т. п., «поглотивших» элементарные сущности, как предметные переменные, вовнутрь. В центре внимания оказалась деятельность человека, обеспечивающая ему ориентацию в мире, его практическое освоение, познание и понимание процессов, происходящих во внешнем и внутреннем для него мире. Этот переход на постижение «глубинных» связей и отношений в природе оказал влияние и на методы изучения языковых систем, в которых стали вскрываться «глубинные» структуры, скрытые за ними смыслы и закономерности их трансформаций в ходе организации высказывания, где ведущая роль принадлежит не только говорящему, но и адресату, ибо от его понимания зависят условия удачи коммуникативной деятельности.

Именно в этом контексте научного поиска и возрождается в лингвистике интерес к метафоре, «поверхностный» уровень которой является собой «буквальное» значение, уже не указывающее на реальное обозначаемое метафорического значения. К тому же стало ясно, благодаря исследованию номинативной деятельности и ее продукта — наименований разных типов [см., например, ЯН 1977], что именно метафора является

одним из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства на всех значимых уровнях языковой структуры — на лексическом, синтаксическом и морфемном. Но особенную активность этот способ создания новых смыслов на базе уже существующих и оязыковленных проявляет в пополнении лексикона — как обиходно-бытового, так и научно-терминологического.

Когда метафору стали рассматривать в более широком эвристическом контексте, чем собственно языковедческий, а именно — семиотическом — и особенно — логико-семантическом, она предстала как такой способ мышления о мире, который использует прежде добытое знание. На этой основе возникло представление о метафоре как о модели выводного знания: из некоторого еще не четко «додуманного» понятия формируется новый концепт за счет использования «буквального» значения выражения и сопутствующих ему ассоциаций в когнитивной обработке нового знания при его концептуализации. При этом, поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта, метафора по самой своей природе антропометрична: она соизмеряет разные сущности, создавая новый «гештальт» из редуцированных прототипов, формируя на его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей, что является характерной чертой метафоризации и что позволяет получить «на выходе» этого процесса совершенно новые смыслы (и соответственно — понятия, а на их основе и значения).

Антропометричность метафоры, т. е. соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям этих сущностей (той, которая обозначается посредством метафоры, и той, которая используется как вспомогательный образ) самым естественным образом вписывается в современную антропологическую парадигму научного знания, исходящую из допущения, что человек познает мир через осознание своей предметной и теоретической деятельности в нем. Никакая абстрактная теория не сможет без обращения к человеческому фактору ответить на вопрос, почему можно думать о чувствах как об огне и говорить о пламени любви, о жаре сердец, о тепле дружбы и т. п. И если говорят, что человека отличает от прочих живых существ его способность смеяться, то можно добавить, что способность мыслить метафорически — тоже черта собственно homo sapiens, метка такой творческой потенции человека, которая основана на его способности нарушать границы «естественной таксономии» и преодолевать собой в логических порядках свойств сопоставляемых в метафоре объектов. Осознание себя «мерой всех вещей» придает человеку право творить в сознании антропометрический «порядок всех вещей», верификация которого — дело науки, а не обиходно-бытового сознания и тем более — не искусства.

Другая причина широкого интереса к метафоре со стороны теории познания, логики, когнитивной психологии и языкознания — это все возрастающая актуальность проблемы понимания. Эта проблематика связана в современных лингво-философских, психологических и лингвистических исследованиях прежде всего с тем, что «активная» (или коммуникативная) грамматика оперирует не только говорящим, но еще

и слушающим как адресатом и потенциальным адресантом текста, готовым вступить в диалог при условии понимания сообщения на основе знания данного кода, кумулятивной функции словесных знаков и иных языковых конструкций, а также фонового знания о мире. На основе первых разгадывается подтекст сообщения, а второе несет сведения о затекстовой информации. Для исследования феномена понимания метафора — благодатный источник, самой своей природой свидетельствующий о том, как понимается даже непонятное, логически и лингвистически нерегулярное построение. Механизмы метафоризации могут служить своего рода полигоном, на котором испытывается такая когнитивная деятельность человека, которая основана на его способности разгадывать и понимать языковые выражения, в том числе описывающие и «возможные» миры за счет восстановления по ассоциативно-языковой памяти объекта в его целостности по его фрагментарному предъявлению в метафоре.

Итак, в настоящее время проблема метафоры вышла из ведения риторики, где она изначально бытовала как один из тропов, перешагнула за границы лингвистистики (где изучалась как средство создания экспрессивной окраски текста) и переместилась в достаточно комплексную лабораторию, став предметом исследования указанных выше смежных с лингвистикой дисциплин. Надо отметить также, что наибольших успехов в постижении и описании механизмов метафоры достигли логические ее «грамматики», рассматривающие ее как модель выводного знания (см. работы М. Блэка, основополагающие в этом направлении [Black 1962, 1979]). Эти исследования открыли путь метафоре в науковедение, где она изучается как способ выдвижения гипотез. Наибольший диапазон функций характерен для метафоры в естественном языке, где она творит имена, способные к идентификации уже существующих предметов (типа *носик чайника* и т. п.), к формированию новых значений, отображающих абстрактные понятия (концептуальная метафора типа *поле деятельности, движение материи* и т. п.), к отображению оценки, «склеенной» с дескрипцией (типа *острый ум, тугой слух* и т. д.) и эмоционально-оценочного отношения субъекта к тому, что метафорически отображается (типа *паясничать, подзуживать, стреляный воробей, мылить шею кому-л.* и т. п.). Метафора — атрибут художественной речи, где она участвует в создании индивидуально-авторского видения мира (ср. пушкинский *Мальчишек радостный народ коньками дружно режет лед* или пастернаковское *Мы были музыкой во льду*).

Данная книга задумана как монография, характеризующая метафору в различных ее проявлениях и аспектах рассмотрения — в функционально-языковых ипостасях, в онтогенезе детской речи, в организации научного текста как системы знаний и в закреплении этого знания в форме терминосистем, в формировании художественного текста и, наконец, в ее когнитивной дееспособности. При такой полифонии голоса каждого автора должен быть услышан в полном его звучании. Гарантией же целостности воззрения на метафору является рассмотрение ее в действии, анализ самой динамической природы этого явления.

Одной из основных задач монографии мы считаем создание такого представления о метафоре, в котором отражались бы разные ее свойства,

рассматриваемые с разных «точек зрения», но в единстве взаимодействия сознания, действительности и языка. Неизбежное для любого анализа расщепление целого на части должно синтезироваться совокупным отображением механизмов устройства и функционирования как самого метафорического процесса, так и его результатов в тексте.

Разделы, написанные авторами, работающими в разных научных учреждениях нашей страны, объединяет не формальное соглашение относительно концептуального аппарата: его «разноликость» отчасти объясняется стремлением охватить самые разнообразные проявления метафоры. Авторы объединяет интерес к проблеме метафоры — каждого в своей области, но в русле деятельностного подхода к проблеме языка, мышления и творчества.

Содержание работы отражает и состояние разработки проблемы метафоры в отечественном языкознании. Наибольший удельный вес занимают работы, посвященные метафоре в языке, т. е. разработка вопросов, связанных с механизмами метафоризации, нацеленными на обеспечение номинативного инвентаря новыми единицами, способными выполнять указанные выше функции. Второй круг работ рассматривает метафору в тексте — научном и художественном. Естественно, что специфика и функции метафоры в этих видах текстов различны, но объединяющим началом для этого раздела является роль метафоры — ее функциональная зависимость от содержания текста, с одной стороны (что, в частности, находит отображение в специфике терминосистем, построенных для той или иной области знания), а с другой — текстообразующая функция самой метафоры, ее роль в когнитивной организации текста.

Конечно же, распределение работ по названным разделам — акция скорее упорядочивающая, облегчающая чтение, чем собственно классифицирующая. Так, в книге две работы связаны с проблемой понимания метафоры, но одна завершает раздел о языковой метафоре (статья А. М. Шахнаровича и Н. М. Юрьевой «К проблеме понимания метафоры»), а вторая — раздел о метафоре в тексте (статья В. В. Петрова «Понимание метафор: на пути к общей модели»), хотя обе работы связаны с рассмотрением метафоры с позиций когнитивной психологии. Дело в том, что в первой статье метафора анализируется в детской речи безотносительно к тексту, но в онтологической ориентации: экспериментальный материал показал, что дети возраста 1 год — 7 лет воспринимают метафору как когнитивную аномалию, поскольку их мышлению трудно оперировать с такой абстрактной сущностью, как «отвлечение» признаков от конкретных предметов или действий и конструирование из этих признаков абстрактных понятий. Непонимание метафоры — это показатель недоформированности языкового сознания. Работа же В. В. Петрова имеет как бы итоговый характер: она касается самого сокровенного в метафоре — ее понимания при «соединении в ней невозможного» — закона, который сформулирован для метафоризации еще Аристотелем.

Начинает монографию работа В. Г. Гака «Метафора: универсальное и специфическое», в которой эта проблема рассматривается с точки зрения логической формы, национально-культурных ассоциаций, номинативной нужды или избыточности и т. п. Думается, что концепция автора

привлечет должное внимание к приемам сопоставительного исследования процессов метафоризации и к описанию специфичности этих процессов в языках различных структурных типов.

В связи с вопросами, поднятыми в этой работе, необходимо отметить, что сама идея «корневых» (по Лакову-Джонсону) метафор, т. е. метафор, развивающихся в языке в зависимости от некоторого исходного образа (например, от возможности мыслить спор как войну, отсюда — *выиграть/проиграть спор*, время — как деньги или как поток, отсюда — *тратить время; время течет, иссякло* и т. п.), уже высказывалась в отечественном языкознании еще в конце 60-х годов. Так, в работах В. Г. Гака, а затем в моделях типа «смысл — текст» это свойство метафоры было использовано для построения парадигматического описания несвободной сочетаемости «по образу и подобию» комбинаций, характерных для имен с предметным значением (ср. *терять* какой-л. предмет и *терять время, терпение, веру, способности* и т. п.). В. Г. Гак писал, что такой прием создает как бы «вехи» в описании несвободной сочетаемости по более или менее регулярным смыслам, приводя в пример французские глаголы типа *mettre, dans le, etre* и т. п. как средства, способные выразить «начало активного действия», глаголы *entreprendre, etre en* и др. — «начало среднего действия» и т. п. («Проблемы лексико-грамматической организации предложения». Докт. дисс. М., 1967). В книге Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика. Синонимические средства языка» (М., 1974) приводится список лексических функций, превышающий 50 единиц, которые есть не что иное, как метафорическое переосмысление регулярно выражаемых словообразовательными средствами смыслов — таких, как «начало обычного действия», «конец», «длительность» или «действие само по себе», «ликвидация» и др., включая и смыслы для имен актантов, ср. *впадать в ярость, терять самообладание, поддерживать уверенность; ярость кипит* в ком-л., *разбить любовь; луч надежды, зародыш идеи* и т. д. Парадигматичность такой зависимости метафоры от ключевого слова прослеживается в сочетаниях типа *получать, обретаать надежду; хранить, поддерживать надежду; потерять надежду; надежда пришла* к кому-л., *живет, теплится* в ком-л.; *надежда иссякла, лопнула* и т. д. О том, что абстрактные по значению слова обнаруживают тенденцию к специфическому для данного класса метафорическому распространению (чувства, например, — «текущие» и «горючие» и т. п.), писала в свое время и Н. Д. Арутюнова («Предложение и его смысл». М., 1976). Аналогичный подход к материалу, где прослеживается эта фразеологическая парадигматичность как результат косвенной номинации, в которой выбор метафорического средства для обозначения заданного смысла детерминирован опорным наименованием, разработан в книге В. Н. Телия «Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке» (М., 1981). Мы так подробно остановились на теме, связанной с идеей о регулярности метафорических процессов и их взаимосвязи с семантикой исходного образа, чтобы показать приоритет ее разработки именно в советском языкознании, а кроме того, — данная проблема в настоящей монографии не освещается (поскольку ей уже посвящено немало исследований).

Следующей в монографии представлена работа В. Н. Телия

«Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция». Она посвящена по существу трем темам: лингво-креативной потенции метафоры, рассматриваемой в деятельностно-прагматическом плане, номинативно-функциональной типологии метафорических процессов и особенностям экспрессивно-оценочной функции метафоры. Проблемно-обзорное построение первой половины работы продиктовано необходимостью сопоставить результаты описания метафоры как модели смыслопроизводства, разработанные за рубежом, с подходом к проблеме метафоры в отечественной традиции. В статье предлагается оригинальная версия метафорического процесса, которая, в отличие от интеракционистских концепций (an interaction theory [Richards 1936; Black 1962 и др.]), строится с учетом таких факторов, как аксиологическая ориентация метафоры, антропометричность, роль языковой личности и личностного тезауруса в отборе и организации образных ассоциаций, предшествующих созданию экспрессивной метафоры. Наиболее интересной в этой работе представляется попытка проследить действие «принципа фиктивности» (кантовское *als ob* «как если бы») в метафорах различных номинативно-функциональных типов (ср. коммуникативно-функциональную типологию, разработанную Н. Д. Арутюновой, где прослеживается связь значения метафоры с ее синтаксической позицией в предложении [1978; 1979]).

В статье Е. М. Вольф «Метафора и оценка» рассматривается возможность соотношения оценочных структур с метафорическим процессом. Автор ставит интересную проблему: метафора лишь в своей «вспомогательной» части (в «буквальном» значении) подчинена законам языка, и то регламентируемым картиной мира. Рождение метафоры тесно связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями, с системой оценок, которые существуют вне языка и лишь вербализуются в нем. Такая постановка вопроса наводит на мысль о том, что метафора — прежде всего вербализованный прием мышления о мире, а уже вследствие этого — способ пополнения языкового инвентаря.

Концептуальная метафора — это результат такого метафорического процесса, целью которого было создание нового понятия (концепта). Как и все типы метафор, концептуальная также проходит через стадию образного подобия, переходящего во внутреннюю форму языкового выражения и умирающего в готовом наименовании как только цель достигнута — таково основное содержание статьи Е. О. Опариной «Концептуальная метафора». Можно считать, что сам термин не совсем удачен, но за неимением лучшего и по аналогии с сочетаниями оценочная, экспрессивная, образная метафора (где определение указывает на «итог» метафоризации) этот термин также имеет право на существование. Наибольший интерес в данной статье представляет показ различий в судьбах обиходно-бытовой и научной метафор: если первая может сохранять образность (хотя тенденция к ее аннигиляции выражена столь же явно, как и в научной метафоре), то вторая, требующая верификации, не ладит с образом, который навязывает метафоре «фиктивность». Обиходно-бытовые метафоры анализируемого типа служат целям восполнения понятийных лакун, особенно — в сфере отображения непредмет-

ной действительности (замораживание цен, проблеск сознания, гуща событий и т.п.).

Две следующие статьи «Метафора и символ во фразеологических единицах» (Т. З. Черданцева) и «Компаративность и метафоричность в языках разных систем» (Х. Д. Лезметс) ставят проблемы, каждая из которых могла бы служить темой для особой монографии.

Соотношение метафоры и символа — с одной стороны, а с другой — метафоры и мифа есть соотношение разных способов мышления о подобии: в реальном и в «возможном» мирах. Символ — это реалья, награжденная смыслом, а миф — «сказка», имитирующая реальность. В работе Т. З. Черданцевой рассматривается та ипостась символа, которая порождается употреблением слова в составе фразеологизма (типа *жить за спиной у кого-л.*, где слово *спина* получает символическое значение «защита» и т. п.). Очевидно, что провести четкую границу между символизацией и метафоризацией не всегда легко, поскольку оба приема имеют дело с приписыванием признака, названного словом (или выражением) другой реалии. Но функция символа (в том числе — и вербализованного) — замещать реалию, функция метафоры — формировать новое смысловое содержание имени.

Сопоставление сравнения и метафоры — это соизмерение двух разных способов представления подобия. Хотя часто встречаются утверждения, что метафора — это «скрытое» сравнение, она далеко не всегда сводима к сравнению. В работе Х. Д. Лезметс на большом фактическом материале (полученном, кстати говоря, из машинного фонда эстонского языка «бесбумажным способом») рассматриваются в сопоставительном аспекте тот и другой способы, показывающий, как варьирует от языка к языку языковое воплощение подобия, а также демонстрирующий то, как дополнительность культур и деятельностных форм практического и этического освоения мира приводит к лингвистической дополнителности, обычно связываемой с понятием языковой картины мира. Думается, что исследование процессов метафоризации, примером которого может служить данная работа, прольет свет на соотношение структурного типа языка и продуктивных для него путей метафорических номинаций.

Выше уже отмечалось, что второй раздел посвящен метафоре в научном и художественном тексте. В разделе С. С. Гусева «Упорядоченность научной теории и языковые метафоры» рассматриваются проблемы, связанные с формулировкой научных гипотез, использующих метафору как прием введения нового знания. Автор убедительно показывает, что имеется полная аналогия между языковой метафорой и текстовой (в данном случае — научной): в обоих случаях «буквальное» значение языковых выражений служит средством для формирования некоторого утверждения о мире, выдвигаемого как гипотеза, вводимая (осознанно или бессознательно) посредством использования «принципа фиктивности».

Э. А. Лапина в разделе «Метафора в терминологии микроэлектроники» демонстрирует конкретные способы создания терминов как элементов терминосистем за счет метафоризации. Автор показывает, что языковое сознание не может обойтись в отображении абстрактных понятий (равно как и обозначения новых реалий) без конкретной образно-ассоциативной опоры: восхождение от абстрактного к конкретному нуждается все же

в опоре на зримые образы. По крайней мере на этапе формирования новых терминов это наиболее естественный для сознания путь (ср., например, термины *лавина*, *исток*, *каскад*, *плато* и т. п., которые, хотя и напоминают о ландшафте, но говорят об объектах электроники).

Работа Н. А. Кожевниковой «Метафора в поэтическом тексте» посвящена авторской метафоре. В ней показано, как метафора «вплетается» в текст, выполняя функцию создания образно-поэтической картины мира, которая не создается только метафорой, но последняя — наиболее экономное средство в достижении этой цели.

Как уже отмечалось выше, монография создавалась авторами, имеющими опыт исследования метафоры, а вместе с ним — и сложившуюся концепцию метафорического процесса. Отсюда — некоторые расхождения в интерпретации тех или иных сторон метафоры, которые имеют скорее частный, нежели общеметодологический характер. Например, В. Г. Гак утверждает, что метафора — универсальный способ формирования новых языковых наименований на базе уже существующих, а в работе, посвященной метафоре в детской речи, говорится о том, что способность распознавать и творить метафорические выражения появляется у детей уже после дошкольного возраста. Но в первом случае имеется в виду речевой опыт вообще, а во втором — речевой онтогенез. В работе Х. Д. Лезметс сравнение рассматривается как составляющая метафоры. Метафора всегда начинается с сопоставления, простейшей формой которого является сравнение, но не все метафоры разворачиваются в сравнение — как в силу поверхностно-синтаксических, так и глубинно-синтаксических ограничений. Тем не менее публикация работы в данной монографии, открывающей возможность для дискуссии по указанному поводу, представляется оправданной.

В разделах, посвященных разным аспектам метафоризации, возможны повторы, связанные с обсуждением именно этих аспектов. Идеально было бы отдельно дать общий обзор проблемы, но он без привязки к конкретным данным был бы слишком «отвлеченным», поэтому в каждом разделе сохранены эвристически необходимые для него постулаты о метафоре. Но в целом книга представляет на суд читателя теоретически однородные результаты в рамках единого понимания метафоры, рассматриваемой, как уже отмечалось выше, в русле деятельностного подхода к языку.

Таким образом, читатель получит по прочтении книги достаточно полное представление о метафоре как процессе и как его результате (в последнем случае это само метафорическое значение имени), о смыслопроизводящих и текстообразующих функциях метафоры, а кроме того — еще и о типологии метафоры как во внутриязыковом аспекте (номинативно-функциональном, деривационном и структурно-семантическом), так и в межъязыковом.

«Метафора, — по образному выражению М. Блэка, — это верхушка затопленной модели». Авторы стремились придать ей плавучее состояние в надежде увидеть ее в действии.

В. Н. Телия

МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ

МЕТАФОРА: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

При исследовании языка различаются два аспекта последнего: статический аспект, показывающий устройство языка в определенном синхронном срезе, и динамический, показывающий, каким образом одно языковое явление преобразуется в другое. Преобразование может касаться как плана выражения, так и плана содержания, либо охватывать оба плана вместе. К динамике языка относятся такие явления, как изменение звуков в речевом потоке, словообразование, словоизменительные парадигмы, разнообразные синтаксические трансформации и изменения значения слов. Метафора, как результат отношения между двумя значениями слова, из которых одно выступает как исходное, а другое как производное, является ярким примером динамики в сфере лексической семантики.

Метафора — универсальное явление в языке. Ее универсальность проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и в функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи; она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях. Всеобщий и частотный характер метафоры издавна привлекал к ней внимание наблюдателей и исследователей человеческой речи. Онтология метафоры не раз была предметом анализа [Телия 1977; La Métaphore 1979; Vianu 1957]. Мы отметим здесь лишь некоторые аспекты ее, существенные для дальнейшего изложения.

При изучении метафоры постоянно обращалось внимание на две ее функции: с одной стороны, она служит средством обозначения тому, чему нет названия, с другой — средством создания художественной речи. Традиция, установившаяся еще в эпоху античности, подчеркивала в особенности вторую функцию метафоры. Это ярко выразил Цицерон: «Вначале одежду придумали, чтобы предохранить себя от холода, затем стали надевать, чтобы украсить и облагородить тело; так же и метафора, порожденная недостатком, получила развитие ради наслаждения» [цит. по: Molino 1979, 10]. Таким образом укрепились тенденции рассматривать метафору в телеологическом аспекте, в зависимости от ее цели. Но такой подход не определяет всех употреблений метафоры. Перенос значения слова имеет место и в том случае, когда в языке есть обозначение данной реалии, и в том случае, когда нет особой задачи создания художественного образа. Метафора возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления. Если выразить мысль

несколько иначе, намеренно заостряя ее, то можно сказать, что метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее невозможно обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковая. И поэты уже потом извлекают из нее пользу в своем творчестве, превращая «необходимость в добродетель».

В основе метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся многообразную внеязыковую деятельность. В. И. Ленин подчеркивал, что человеческие понятия постоянно изменяются. Постоянно меняется выбор тех признаков, на основании которого устанавливаются классы объектов, не связанные непосредственно один с другим. Разнородные объекты объединяются по какому-то новому признаку, включаются на основании этого признака в класс, что позволяет использовать наименование одного из них для обозначения другого. Существует точка зрения, что в метафорах сохраняются пережитки нерасчлененного смутного первобытного мышления человека, связывают метафорические переносы с недифференцированными понятиями, с генетически ранними этапами эволюции мышления. Это не подтверждается данными языковой практики: метафоризация не уменьшается, а расширяется с развитием языка. Если какие-то первоначально метафорические обозначения утрачивают свой метафорический характер, то это не свидетельствует об общей демефоризации языка, поскольку и в художественной речи, и в научно-техническом языке, и в повседневной разговорной речи постоянно создаются новые метафоры. Так, утверждалось, что если некогда говорилось о храбром человеке *Он лев*, то это потому, что в первобытное время действительно в сознании людей человек мог отождествляться со львом, впоследствии же это стало восприниматься как «игра», как «притворство». Но этому факту можно дать и иное объяснение. Субстанция «лев» обладает разнообразными объективными или приписываемыми ей атрибутами, в том числе храбростью. Человеческое сознание способно опредмечивать любое качество. Так возникает новое понятие «храбрость»; элементами класса, охватываемого этим понятием, становится и лев, и храбрый человек. Это создает возможность употребления одного слова вместо другого.

Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса — от конкретного к абстрактному, от материального — к духовному. Однако возможны и обратные направления метафорического развития значений. Это подметил в свое время еще Паскаль, критиковавший философов за то, что они «смешивают» духовное и материальное. Он писал: «Мы не можем до конца познать явления однородные, только духовные или только телесные».

Поэтому почти все философы смешивают идеи и предметы и говорят о телесных предметах так, как если бы это было нечто духовное, а о вещах духовных так, как если бы это были вещи телесные. Так, они ничтоже сумняшеся говорят, что тела стремятся упасть, что они влекутся к центру, что они стараются избежать уничтожения, боятся пустоты, что у них есть склонности, симпатии, антипатии, а ведь это все свойственно только духу. А говоря о вещах духовных, они рассмат-

ривают их как бы в пространстве, приписывают им перемещение из одного места в другое, хотя это свойственно лишь материальным телам.

Вместо того, чтобы воспринимать явления в чистом виде, мы окрашиваем их собственными свойствами и наделяем двойной природой то однородное, что нам удастся наблюдать» [Паскаль 1974, 126]¹. В этом постоянном переносе понятий из одной сферы в другую не только проявляется гибкость человеческого разума. Это необходимо для самого постижения действительности. Метафора является средством формирования параморфной модели, позволяющей представить данную систему с помощью системы, принадлежащей к иной сфере опыта [Molino 1979], где данный элемент представлен более очевидно. Не случайно метафора не только широко представлена в обыденной человеческой речи, но лежит в основе фундаментальных понятий многих отраслей науки. Отмечалось, что такие понятия, как «становление», «рост», «развитие», «вырождение» и т. п., — представляют собой группу метафор, основывающихся на модели живого организма. Однако заменить их ничем, если только не другими какими-нибудь метафорами. Метафора является универсальным орудием мышления и познания мира во всех сферах деятельности. Благодаря ей язык представляет систему в постоянном преобразовании, при этом обязательно подчеркивается, что использование метафор — характерное отличие языка от искусственных знаковых систем.

Изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане дает огромный лингвистический материал. Оно позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющую его от общего и всеобщего. Типологически метафору можно сопоставить, как и все другие факты языка, в плане формы, содержания и функционирования.

П л а н ы в ы р а ж е н и я. Формальный аспект метафоры проявляется на уровне морфологии (словообразования) и синтаксиса (словосочетаний, конструкции). В языках формируются словообразовательные средства для создания метафорических номинаций. Такими являются различные способы выражения, уподобления, сравнения, например, в русском языке: *-образный, -видный, -морфный, -формный*. Некоторые падежные формы приспособляются для выражения метафорических значений: *(нести) стрелой, (вить) змей*. В таком языке, как французский, возможно использование заимствованных суффиксов уподобления: *-morphé, -forme*, но собственно французское словообразование подобных средств не использует, замещая их аналитическими конструкциями с предлогами *en, à la, comme, de*. Ср. рус. *У-образная труба* и фр. *tube en U*. Метафорические номинации часто реализуются при транспозиции — переходе слова из одной части речи в другую: *каменное сердце; бычья шея; змеиться* (о дороге) и т. п. Каждый язык имеет здесь свои возможности, определяемые его словообразовательными потенциями.

С точки зрения соотношения формы и значения следует различать два типа метафоры: *полную*, при которой формирование переносного значения не связано ни с какими изменениями структуры слова

¹ В некоторых местах перевод приводимой цитаты уточнен.

(ср. *Он ест мясо*→*Дым ест глаза*; *Сердце бьется*→*в сердце Африки*) и частичную, когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении (*Ржавчина разъедает металл*; *сердцевина, сердечник, середина*).

Анализ материала показывает, что, например, русскому языку в большей степени, чем французскому, свойственны частичные метафоры; метафорическое значение нередко формально отличается в нем от прямого, тогда как во французском языке одна и та же форма слова соотносится с обоими значениями; ср. *manger* ~ *есть* и *разжедать*; *sauter* ~ *сердце* и *сердцевина*; *menotte* ~ *ручка* и *наручник*; *dent* ~ *зуб* и *зубец* и т. п. Нередко в русском языке переносное техническое значение восходит к уменьшительной форме слова, отличающейся от более употребительной общей формы. Ср. *bras* ~ *рука* и *ручка* (кресла), *piéd* ~ *нога* и *ножка* (стула); *dent* ~ *зуб* и *зубчик* (шестерни) и т. п.

В синтаксическом аспекте типология метафор определяется теми конструкциями, в которых они реализуются в речи. Нередко метафора опознается в словосочетаниях благодаря нарушению семантического согласования. Например: *Его душа поет*; *Сердце запрыгало от радости*; *пламя любви* и т. п. В этих случаях синтагмы объединяют разнофункциональные единицы (глагол и существительное, существительное в им. и в род. падеже). Если же метафора образуется однофункциональными словами, то в зависимости от языка используются различные синтаксические структуры, например, именное сказуемое с глаголом-связкой (или без): *Человек — мыслящий тростник*; приложение: *Человек, этот мыслящий тростник...* и др. Сопоставительный анализ подобных фактов представляет несомненный интерес, но мы на нем здесь останавливаться не будем.

П л а н с о д е р ж а н и я. В плане содержания типология метафор включает по меньшей мере два аспекта: а) степень метафоричности и структурно-семантические типы единиц; б) типы метафорических переносов.

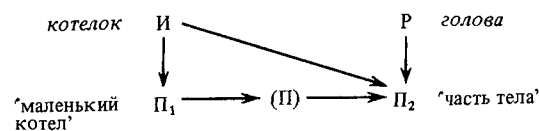
В свое время Ш. Балли изложил общую типологию языковой образности. Он различал конкретно-чувственный образ, ослабленный (эмоциональный) образ и мертвый образ [Балли 1961, 226—229]. Все эти три степени образности свойственны и метафорическим переносам. Первые два типа метафор являются живыми.

Эту общую семантическую типологию можно дополнить структурно-семантическим анализом метафор.

Обычно метафорический перенос представляют как трехчленную структуру [Delamagge 1984, 197], И — П — Р, где И — исходное слово, Р — результирующее слово, а П — промежуточное понятие, общее для И и Р. Критики справедливо упрекали авторов «Общей риторики» [Дюбуа и др. 1986] в слишком конкретном понимании промежуточного понятия (П), например, *березка* (И)→*гибкость* (П)→*девушка* (Р) [Molino, etc., 1979]. Здесь могут выступать в качестве связующего звена и другие свойства двух сопоставляемых объектов, например, стройность и общий вид (вспомним, что С. Есенин сравнивает березку, обдуваемую ветром, с девчонкой, у которой ветер задирает юбку).

И вообще при метафоризации не следует обязательно искать общих схем, свойственных словарным определениям двух слов. Здесь речь идет скорее об общих ассоциациях, зачастую трудно определимых, ибо метафора зарождается на базе расплывчатых понятий, которыми оперирует человеческое познание. Не случайно Дж. Серль подчеркивал, что нет механических правил, алгоритма, которые позволяли бы автоматически переходить от прямого к производному (метафорическому) значению слова. По его мнению, во многих метафорических употреблениях, основанных на синестезии (*мягкий человек, кислое настроение, теплый прием, ледяной прием, горячая любовь* и т. п.), невозможно говорить о сходстве, как основе метафорического переноса, и все же мы понимаем значение этих выражений [Searle 1985, 181—182]. Зыбкое ассоциативное сближение двух предметов, двух понятий не подвергается точному компонентному анализу. И все же Дж. Серль здесь, как мы это покажем дальше, не вполне прав: можно построить вероятностную модель метафоризации, особенно если эта модель имеет экспликативное, а не операциональное назначение. К тому же в основе метафор синестетического характера также лежит сходство, но сходство особого типа.

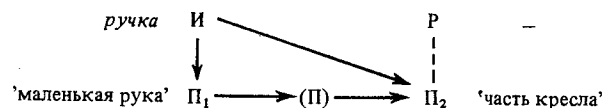
Но вернемся к общей схеме метафоры. Она имеет существенный недостаток, заключающийся в том, что она не учитывает всех отношений, необходимых для понимания метафоры. Видный румынский философ и литературовед Т. Виану правильно отмечал, что «метафора предполагает чередование в сознании двух серий представлений: 1) сходства между действительностью, обозначаемой собственным значением слова, и действительностью, обозначаемой метафорически; 2) различия между этими двумя реальностями» [Vianu 1957, 19]. Для жизнестности метафоры важна возможность раздельного представления объектов и значений слов. Полная структура метафоры может быть представлена следующим образом:

Здесь P_1 и P_2 соответственно предметы, с которыми соотносятся в своих прямых значениях И и Р. Они объединяются промежуточным понятием (П), что обуславливает перенос названия И на P_2 . При этом возникает двойная асимметрия: многозначность И, которое обозначает P_1 и P_2 , и синонимия И и Р, которые обозначают P_2 . Эта двойная асимметрия поддерживает силу метафорического переноса; именно она создает ощущение метафоричности: слово *котелок* вместо предмета 'маленький котел' обозначает предмет 'часть тела', а в свою очередь предмет 'часть тела' вместо обычного наименования *голова* получает другое наименование *котелок*, которое связано в прямом значении с понятием «маленький котел». Оба обозначения И и Р имеют соотнесенность со своими прямыми значениями. Такая метафора может быть названа двусторонней.

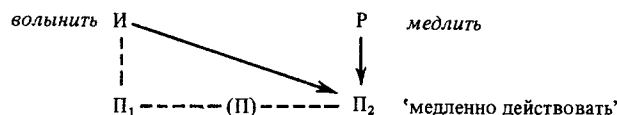
Однако один из компонентов этой структуры может отсутствовать, и в таком случае образуются иные структурно-семантические типы метафор:

— односторонняя семасиологическая метафора. В этом случае предмет P_2 не имеет собственного закрепленного обозначения в языке:

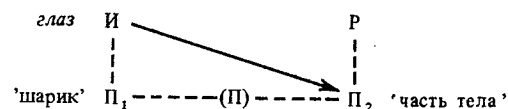
Переносное обозначение И является единственным для предмета P_2 . Метафоризм поддерживается за счет многозначности И, но он не подкрепляется противопоставлением прямых и переносных обозначений для P_2 , поскольку И — единственный способ обозначения P_2 :

— односторонняя ономасиологическая метафора. В этом случае оказалось забытым прямое значение И:

Здесь слово, подвергнувшееся метафоризации, не связывается с каким-либо определенным значением; от его первоначального, уже забытого значения P_1 сохраняется лишь экспрессивная окраска. Отношения полисемии отпали и сохранилось лишь отношение синонимии двух обозначений P_2 , различие между которыми и поддерживает экспрессивность слова *волеинить*. О том, что первоначальное значение слова оказалось стертым, свидетельствует разнობой в словарях русского языка. Словарь в 4-х тт. (М., 1981, т. 1, с. 207) отмечает у слова *волеинка* два значения: 1. Музыкальный инструмент; 2. Затягивание дела. Это позволяет полагать, что авторы словаря производят каким-то образом второе значение из первого. Словарь С. И. Ожегова разделяет эту лексему на два омонима. Таким образом значение 'затягивание дела' уже не интерпретируется как метафора значения 'играть на волеинке'. «Этимологический словарь» под ред. Н. М. Шанского со ссылкой на Словарь русского языка (в 17 тт.) возводит это значение к выражению *тянуть волеинку*, которое, в свою очередь, происходит от слова *волеинка* уже в третьем, ныне забытом значении — «безлинейное нотное начертание довольно продолжительной мелодии» (М., 1968. Вып. 3, т. 1, с. 154).

И наконец, метафора может вообще не противопоставляться прямым номинациям:

Предполагается, что слово *глаз* первоначально значило 'шар', затем оно метафорически стало обозначать глаз, вытеснив слово *око*. Так образуется этимологическая метафора, которая может быть прослежена только в истории языка.

Двусторонняя метафора может сохранять образность в наибольшей степени (конкретная метафора по Балли). В односторонних метафорах образность стирается, причем ономасиологическая нередко сохраняет общий эмоциональный образ (по Балли); семасиологическая часто становится мертвой. Этимологическая метафора утрачивает всякую образность. Однако метафора играет огромную роль в развитии средств наименования. Недаром говорят, что язык это кладбище мертвых метафор.

Структурно-семантическая типология метафор не может лечь в основу классификации языков; все эти типы метафор неизбежно представлены во всех языках, хотя может быть и в разной пропорции. Но она полезна при сопоставительном анализе конкретных фактов разных языков: одна и та же номинация в одном языке может представлять собой одностороннюю метафору, в другом — этимологическую и т. п.

Метафора представляет собой отношение между двумя употребленными (значениями) слова. Семантические виды метафоры определяются исходным значением и новым значением слова. Анализ видов метафорических переносов можно изучать на материале метафор любых семантических типов, как на живых, так и на этимологических метафорах. В структуре метафоры особенно ярко проявляется соотношение между всеобщим, общим и особенным в языке. При рассмотрении видов метафоры следует различать переносы общих семантических категорий и переносы отдельных слов. Переносы отражаются в этимологии слова, в многозначности слов, во фразеологических сочетаниях и в словопотреблении.

В лингвистических и смежных исследованиях в области психологии, антропологии и др. не раз выделялись универсальные категории, порождающие метафоры. Так, С. Ульман [1970, 277—279] отмечает три универсальных типа метафоризации: антропоморфизм, перенос от конкретного к абстрактному и синестезию. Ж. Маторе исследовал пространственную метафору во французском языке [Matogé 1962]. Другие исследователи выделяли метафоры географические (в том числе и пространственные), метеорологические, биоморфные (антропоморфные, зооморфные, ботанические), технические, социоморфные (например, использование в переносном значении терминов родства) и др.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей книге «Метафоры в повседневной жизни» [Lakoff, Johnson 1985] рассматривают ряд видов метафор, в частности метафоры ориентации. 'Верх' и 'низ' лежат в основе переносных оппозиций: 'счастье/несчастье', 'здоровье/болезнь', 'господство/подчинение', 'больше/меньше', 'избранные/масса', 'хороший/плохой' и т. п. Аналогичным образом они рассматривают и метафоризацию других пространственных оппозиций: 'вперед/позади', 'сверху/снизу', 'центр/периферия', 'близко/далеко'. Они выделяют также разновидность онтологических метафор, которые образуются на основании опыта, связанного с физическими предметами, в том числе человеческим телом. Так,

например, инфляции приписываются признаки живого существа, ум сопоставляется с машиной, любовь — с болезнью, идеи — с растениями (их *сеют*, они *созревают*, *укореняются* и т.п.). Универсальным переносом является также перенос: пространство→время→состояние, что в разных языках проявляется в употреблении глаголов и предлогов (*Он пришел в дом*, *Он пришел в пять часов*, *Он пришел в расстройство*).

Было бы чрезвычайно ценно для лингвистики, психологии, теории познания выявить закономерности переноса понятий из одной сферы в другую, отражающуюся в изменениях значений слов. Например, названия животных при перенесении на людей обычно обозначают их внешний вид или черту характера (*лошадь*, *медведь*, *осел*, *мокрая курица* и т.п.), при перенесении же в сферу материальных предметов названия животных обозначают различные несложные механизмы и приспособления (*кошка*, *журавль*, *собачка*, *кóзлы*, *спортивный конь* и т.п.).

Переносы не являются однонаправленными, но все же в одном направлении они осуществляются чаще, чем в другом. В этом отношении показательны синестетические переносы, рассмотренные С. Ульманом [1970, 280]. Если взять шесть чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, температурные ощущения, то окажется, что переносы чаще совершаются от последних трех к первым, чем от первых трех к последним. Это не случайно: первые три чувства более сложны (Ульман называет их «верхними»), они осуществляются вне непосредственного контакта с предметом, на расстоянии. Последние три требуют непосредственного контакта с объектом. Еще Э. Кондильяк отмечал, что осязание (он не отделял от него температурных ощущений) «научает другие ощущения судить о внешних предметах» [Кондильяк 1982, 290]. Здесь проявляется и еще одна общая закономерность: переходя в сферу обозначения другого ощущения, синестетические прилагательные утрачивают свои первоначальные семантические компоненты и реализуют отвлеченные количественные и качественные значения, выражая соответственно интенсивность и оценку. Это общий закон развития значений многих существительных, прилагательных, глаголов, наречий, которые при метафорическом переносе от выражения определенных признаков переходят к выражению более отвлеченных понятий — оценки качественной (приятно/неприятно) или количественной (много/мало). Например, глаголы движения *бежать*, *лететь*, *ползти* и др. при переносном употреблении утрачивают дифференциальную сему «способ движения» и выражают интенсивность движения (быстро/медленно). Поэтому Дж. Серль был неправ, говоря, что перенос синестетических прилагательных не основан на сходстве. Ощущение порождает у человека определенную оценку — приятного или неприятного — и представление об интенсивности — большой и малой, которая сопоставляется с оценкой или интенсивностью, сопровождающими иное явление. Ср. *холодный прием* (=неприятно), *теплый прием* (=приятно); *гдрячая любовь* (=интенсивная); *холодные чувства* (=слабые) и т.п.

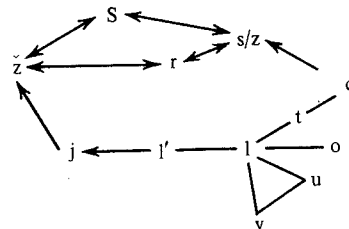
Универсальными могут быть не только переносы значений от целых семантических сфер, но и от отдельных слов. Правда, во многих случаях эти универсалии носят статистический характер, приобретают форму

фреквенталий, т.е. они могут иметь место, но не обязательно реализуются в каждом отдельном языке. Изучение этих частных переносов (или видов метафор) представляет большой интерес, так как они показывают общие возможности направления развития языковых фактов.

В лингвистике наибольшее внимание уделяется выявлению общих закономерностей. Так, в сфере семантики формируются и исследуются общие закономерности и пути изменения значений слов: расширение и сужение, метафора и метонимия, смещение, энантиосемия и др. Но не менее интересным было бы исследование возможных изменений значений отдельных слов-понятий; например, того, какие вторичные значения вообще может приобретать в языке слово *стол*, или слово *собака*, или слово *красный*, или *бежать*? В таких частных закономерностях, касающихся сдвигов в значениях слов, отражаются особенности общечеловеческой культуры, характерные интеллектуальные ассоциации и вместе с тем выявляются специфические черты каждого отдельного языка и культуры, отражаемой в нем.

В сфере семантики и, в частности, метафорических переносов вопрос ставится аналогично тому, как он рассматривался в плане языкового выражения — в сфере звуков и грамматических форм.

В этом отношении основополагающее значение имеет книга Б. А. Серебренникова «Вероятностные обоснования в компаративистике» [М., 1974], где он обосновал понятие фреквенталий, где он обосновал понятие фреквенталий, где он обосновал понятие фреквенталий. В фонетике обычно описываются общие закономерности звуковых изменений — такие, как дифтонгизация и монофтонгизация, озвончение и оглушение, вокализация и консонантизация и др. Однако эти процессы проявляются в трансформациях определенных звуков. Собрав данные по разным языкам, можно определить, какой звук в какие другие может преобразовываться, между какими звуками может быть двусторонняя или односторонняя связь. Обобщив сведения по отдельным звукам, можно составить общую сеть звуковых изменений, которые могут реализоваться вообще в языках мира. Например, *г* в определенных позициях в некоторых языках перешло в *з* или *с*. В свою очередь, *с/з* в интервокальном положении превращается в *г* (ротацизм); *г* также в иных языках чередуется с *л*, переходит в *й* или в *ж*. В свою очередь, *л* подвергается палатализации и может перейти в *й*. С другой стороны, этот звук может подвергнуться вокализации, уступив место гласным звукам *и* или *о*. В отдельных языках наблюдался переход *л* в *в* или в *д(т)*. Отмечаются случаи чередования *т* с *с(з)*, он нередко подвергается палатализации и дает с и т. д. Указанные переходы могут быть представлены в виде схемы:

Возможность перехода от одного звука к другому определяется их артикуляционной близостью, наличием общего дифференциального признака у них. Например, переход $l' \rightarrow j$ осуществлялся в истории французского языка (*fil*), переход $j \rightarrow \tilde{z}$ в аргентинском варианте испанского языка ($yo \rightarrow zo$ 'я') и т. д. Данная схема представляет собой примерный фрагмент возможной полной схемы, которая покажет, какие переходы возможны, а какие исключены. Разумеется, создание полной схемы связано с огромными трудностями: иногда результирующий звук трудно определить и классифицировать, это может быть какой-нибудь призвук, модификатор соседнего звука в речевой цепи и т. п.

В упомянутой книге Б. А. Серебренникова выведены многие трансформации и грамматического типа; они касаются как способа выражения грамматических категорий, так и их значений. Например, причастие может трансформироваться в личную форму глагола; возвратная форма глагола начинает выражать пассив, сочетания с глаголом 'иметь', 'хотеть', 'быть', 'идти' могут образовывать буд. время и т. п.

Аналогичные фреквенталии отмечаются и в лексике, в метафорических переносах значения слов. Давно уже было отмечено, что во многих языках, независимо друг от друга, развиваются сходные метафорические обозначения. Так, еще Р. де Гурмон [Gourmont 1905] писал, что одна и та же птичка в разных европейских языках получила наименование 'маленький король'; ср. рус. *королек*, фр. *roitelet*, ит. *realtino*, греч. *basilicos*, нем. *Zaunkönig*, англ. *kinglet*. Предполагается, что рус. *мышца* восходит к *мышь*, подобно тому как лат. *musculus* к *mus* 'мышь' (движение мускула под кожей напоминает движение мыши); приспособление для поднятия тяжести получило название по сходству с журавлем, ср. рус. *журавль*, фр. *grue*, нем. *Krahn* (сопоставимо с *Kranich* 'журавль') и т. п. С. Ульман [1970, 275] обращает внимание на исследование К. Гальвини, который установил, что в самых различных языках (романских, суахили, китайском, самоанском и др.) зрачок глаза получил метафорическое название по аналогии с маленькой девочкой или мальчиком — фигуркой, отражающейся в глазе. Ср. фр. *pupille*, исп. *píñ* de ojo и др. Такое параллельное семантическое развитие слов свидетельствует о единстве закономерностей мышления и сходстве опыта у народов, говорящих на разных языках. На Лондонском лингвистическом конгрессе в 1952 г. была выдвинута в докладе И. Шрепфера идея составления словаря семантических параллелей. Действительно, сопоставляя многозначность или данные этимологии самых различных языков, можно обнаружить множество совпадений в метафорических переносах. Так, в очень многих языках Евразии — от английского до китайского — прилагательное *теплый* (*горячий*) приобретает метафорическое значение «активный», «страстный», «интенсивный», прилагательное же *холодный* — значение «вялый», «бесчувственный». Этот общий перенос в каждом из языков получает свое преломление: в одном языке в переносном значении подчеркивается оттенок 'страстный', в другом 'напряженный', в третьем 'интенсивный' и т. п. К этим переносным значениям в отдельных языках могут добавиться специфические, не имеющие параллелей в других. Например, в китайском языке есть выражение 'холодные иероглифы', в русском — *холодный сапожник*.

Этот пример показывает возможное соотношение между общим и особенным в метафорических переносах. Общее проявляется в том, что в разных языках слово А приобретает метафорическое значение В. Специфика выражается в том, что внутри общего значения В могут в разных языках акцентироваться различные «подзначения»: b_1 , b_2 , b_3 и т. п., а также в том, что к переносу В могут добавляться дополнительные переносы в иные сферы понятий: $A \rightarrow C$, $A \rightarrow D$ и т. д.

А. Греймас установил, исходя из данных французского языка, что слово *tête* 'голова' порождает два типа метафорического переноса. Первый связан с понятием «оконечность», которое может осложняться понятием «вертикальность» или «горизонтальность» (*la tête de l'arbre* 'верхушка дерева; головной вагон; стоять во главе какого-л. дела'), с понятием «сферичность» ('головка булавки'). В первом случае голова противопоставляется, как нечто более важное, ногам или хвосту, так что выявляется общая сема «превосходство» («*supériorité*») [Greimas 1966, 43—48]. Аналогичные семы при переносе значения слова, обозначающего голову, можно обнаружить в самых различных языках. Так, например, индоевропейский корень **ghebhala* дал в греческом языке *kephalé* 'голова, вершина', в готском *gibla* 'конек крыши' [Delamarre 1984, 99, 101], другой корень **kera-* (**krs-*) отразился в словах перс. *sar* 'голова', брет. *ker* 'вершина'. В некоторых финно-угорских языках реализовался переход голова → окончечность: фин. *pää* 'голова', удм. *пум* 'конец', венг. *fej* 'начинать' [ОФУЯ 1974, 400]. Китайское слово *tou* имеет значение: 1) голова; 2) вершина, верхушка, начало, конец; 3) первый; главный; в сочетаниях оно может значить острие (карандаша), главарь и др. [КРСл 1974].

Индоевропейская основа **ois-* (**ous-t*) дала рус. *уста*; *устье*; лат. *os* 'рот', *ostium* 'вход, устье', лит. *uostas* 'устье', т. е. налицо перенос от понятия 'рот' к понятию 'устье реки, узкий вход в какое-либо пространство' [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 814]. Аналогичное развитие претерпело и ф.-у. **śuwē* 'рот': фин. *suu* 'горло', манс. *sunt* 'устье реки, отверстие сосуда', венг. *száj* 'устье реки' и т. п. [ОФУЯ 1974, 400]. Китайское слово *kou* имеет прямое значение 'рот', переносные 'устье, горловина, отверстие, дыра, жерло' (орудия), в сочетаниях 'вход' или 'выход'. (Кстати, и финно-угорское слово, обозначающее 'рот', развило значение 'отверстие', например мар. *имшу* 'игольное ушко'). Одни и те же образы и метафорические сдвиги постоянно воспроизводятся в языках. Например, фр. *bouche* 'рот' не унаследовало внешней формы лат. *os*, означавшего 'рот' (оно восходит к лат. *bucca* 'щека'), оно не унаследовало системы значений лат. *os*, но приобрело в процессе развития круг метафорических значений, весьма напоминающих значения кит. *kou* 'рот': 'устье, жерло орудия, вход' (например, 'вход в метро').

Сходство образов и параллелизм в метафорических переносах проявляется в пространстве и во времени. В пространстве это проявляется в том, что разные языки, независимо друг от друга, прибегают к одинаковым метафорическим переносам. Временной аспект состоит в том, что в пределах одной группы языков и даже одного языка на разных этапах развития воспроизводятся одни и те же переносы,

от одного и того же И к одному и тому же Р. Мы видели это на примере слова, обозначающего рот. Сходные переносы в индоевропейском и во французском можно рассматривать как параллельное развитие во времени; аналогичные переносы во французском и в китайском — как параллельное развитие в пространстве. Разумеется, во многих случаях не просто установить, с каким типом параллелизма мы имеем дело. Так, приводившиеся выше фр. *goitelet* и ит. *realtino* 'королек' могут рассматриваться как параллельные метафоры, но если учесть, что эта птица носила аналогичное наименование и в латыни *regulus* 'маленький король', то можно предположить, что романские народы унаследовали от латыни внутреннюю форму слова, воспроизведя ее собственными средствами.

Сочетание временного и пространственного параллелизма прослеживается в языках, имеющих общее происхождение. Например, и.-е. **aulos* 'трубка' дало переносные значения греч. *aulós* 'флейта', прус. *aulis* 'берцовая кость', лит. *aúlas* 'голенище сапога' [Delamarre 1984, 117], лат. *tibia* означало первоначально 'берцовая кость', затем 'флейта' (некоторые словари указывают на обратное развитие его значений: 'флейта' → 'кость'). Происшедшее от него фр. *tige* стало обозначать метафорически 'стебель, напоминающий полую трубку', в XVII в. оно приобрело значение 'голенище'. Таким образом, в разные эпохи в разных индоевропейских языках, на материале различных основ реализовались сходные метафорические переносы: 'трубка' > 'берцовая кость' > 'флейта' > 'голенище'.

Индоевропейская основа **taus-* (**tus-*) значила 'успокаивать(ся), молчать' (ср. санскр. *túṣyati*; лит. *tausýtis* 'успокаиваться'). От нее произошел русский глагол *тушить* (свет) [Delamarre 1984, 288]. Исп. *apagar* 'тушить свет' восходит к лат. *ad+pacare* 'успокаивать' (от *pacare* 'мир, покой').

Материал языков одной семьи (например, индоевропейских) не всегда может быть доказательством параллельности развития метафорических значений: здесь возможны взаимовлияния, воздействие общего первоисточника. Более определенные данные дает сопоставление разносистемных языков, взаимное влияние которых является маловероятным. Тем не менее, обращение, например, к словарю китайского языка обнаруживает поразительные параллели метафорического развития значений слов. Приведем некоторые примеры.

*Ming*¹ 'ясный, светлый; отчетливый, явный' при переносе или в сочетаниях дает значения: 'понимать, объяснять, заявлять, просвещенный' и др. Во всех этих значениях физическая ясность, светлость переносится в интеллектуальную сферу. Латинское прилагательное *clarus* 'ясный, светлый' также имеет значение 'отчетливый'. От него произошел ряд слов с переносами, аналогичными китайскому *ming*¹; ср. лат. *declarare* 'заявлять'; фр. *éclairer* 'разъяснять, объяснять'; *éclairé* 'просвещенный'.

Bái 'белый' образует значения: 'поседеть' (ср. фр. *blanc*, англ. *white* 'белый' → 'седой'); 'пустой, голый' (ср. фр. *un blanc*, 'пробел, пустое место в тексте'; ит. *punto bianco* 'перерыв'); 'напрасно, впустую' (в ан-

глийском и французском языках 'белый', в переносном значении 'пустой', определяет объекты, у которых недостает характерного, существенного: англ. *coup blanc* 'холостой выстрел', *nuit blanche*, *white night* 'бессонная ночь', *white war* 'война без кровопролития', фр. *mariage blanc*, ит. *matrimonio bianco* 'фиктивный брак'; ит. *omicidio bianco* 'убийство без убийцы' (например, несчастный случай). Этот перенос сопоставим со значением 'пустой, напрасный, зря' в китайском языке.

*Fú*⁴ 1) кожа; 2) поверхностный, неглубокий. Фр. *épidermique* 'кожный' приобрело метафорическое значение 'поверхностный, неглубокий' (например, о чувстве).

*Bài*¹ самостоятельно или в производных образованиях значит 'разбить, разгромить, испортить, разрушить, испорченный, протухший'. Сходные переходы смысла обнаруживаются у латинского глагола *gimpere* 'ломать, разрываться'. Производный *congimpere* (фр. *congrimpre*) значит 'портить', англ. *congrupt* 'гнить, разлагаться' (ср. *congrupt air* 'испорченный воздух').

*Ān*¹ 'спокойный'. Можно выделить переносы: 1) 'спокойный' → 'устанавливать, монтировать' → 'создавать, основывать'; 2) 'спокойный' → 'успокаивать' → 'безопасный'. Первый перенос обнаруживается также и в русском языке ('спокойный' → 'покой' → 'покоиться, размещаться, основываться на чем-л.'). Он может быть проиллюстрирован и французским языком: *geros* 'покой, отдых' ↔ *geroser* *sur* 'основываться, покоиться на чем-л.'. Второй перенос параллелен фр. *assurer* 'успокаивать; обезопасить' → 'укреплять' → *sûreté* (*sécurité*) 'безопасность'.

*Fēng*³ 'ветер' получило следующие метафорические переосмысления: 1) 'поветрие, нравы, обычаи, мода'; 2) 'манера'; 3) 'слух, новость'. Первый вид переноса обнаруживается и в русском языке: *ветер* → *поветрие* ('мода, новый обычай'); третий — во французском выражении *avoir vent de qch* 'услышать слух, новость о чем-л.'. Второй вид переноса 'воздух' → 'манера' также имел место в истории французского языка [Bloch, Wartburg 1986, 16]. *Air* 'воздух' (из лат. *aër*) употреблялось в выражениях типа *l'air de la cour* 'атмосфера, обстановка двора' (ср. совр. *l'air du temps* 'дух времени'), через *dire d'un certain air* 'сказать в каком-л. духе, в какой-л. манере' приобрело значение 'манера, внешний вид'. С этим можно сопоставить и рус. *дух (воздух)* и в том же духе 'таким же образом, в той же манере'. Таким образом, даже такой, казалось бы, своеобразный переход как 'воздух' → 'манера' проявляется в ряде языков независимо один от другого. В некоторых из рассмотренных выше случаев метафорические переносы соединялись с метонимическими. Факты такого рода можно было бы продолжить, но уже и приведенные показывают, что в сфере метафоры имеются вероятностные закономерности переносов.

Проблемы регулярной полисемии рассматривались обычно на примере метонимических или синекдохических переносов [Апресян 1974, 187]. Они, действительно, проявляются в них более часто и определенно. Но рассмотренный материал дает основание для исследования регулярной полисемии, мотивированной и метафорическими переносами значений слов.

Таким образом, в сфере метафоры универсальное проявляется в нали-

чин всеобщих видов переноса, особенно — в переносах, свойственных только отдельным языкам. Рассмотрим другие аспекты соотношения универсального и особенного в языковой метафоре.

В разных языках с различной интенсивностью используются в качестве исходного материала при метафорическом переносе слова одних и тех же лексико-семантических групп. Иногда это даже нельзя объяснить особенностями культуры данного народа; речь, видимо, идет о каких-то традициях в использовании тех или иных тематических групп слов. Нам приходилось уже отмечать, например, что в русском языке относительно чаще, чем во французском, используются в качестве исходного элемента метафоры слова, обозначающие звуковые впечатления (например, *глухая вода, глухое место, глухое платье*), тогда как во французском чаще используются слова, обозначающие цвета и краски [Гак 1977, 191]. По-разному во французском и русском используются в переносном значении термины родства. В русском языке они шире по значению, чем во французском, особенно в разговорной речи (ср. *тетя, дядя* в детской речи по отношению к взрослым; *отец, мать* — по отношению к старшим неродным людям и т. п.). Во французском языке эти слова шире употребляются в переносном значении, прилагаясь к неодушевленным предметам. Они обозначают отношение последовательности (*père, mère, fille*), сходства (*jumeaux*), технические соответствия (*prise mâle, prise femelle*) и т. п.

Письменность занимает большое место в жизни народов, и представляет интерес сопоставительное изучение метафор, мотивированных алфавитом и другими формами письменности в разных языках. Во французском языке шире, чем в русском, используются алфавитные метафоры, т. е. наименования предметов и их свойств на основании их сходства с той или иной буквой алфавита. В русском языке такие обозначения тоже есть (*Т-образная повязка, Г-образная антенна* и др.) Но во французском их больше, так что при переводе на русский язык обозначения либо калькируются (*tube en U — U-образная труба, moteur en V — V-образный двигатель*), либо используется номинация иной внутренней формы (*fer en I ~ двутавр; fer à T ~ тавр; fer à U ~ швеллер, fer en L ~ уголок*). Во французском языке такие метафорические обозначения встречаются не только в технической речи, но и в спорте (*placement en WM* — вид расстановки игроков в футболе, бывший в ходу в 1932—1950 гг.), в разговорно-бытовой речи (*décolleté en V, pull-over en V* 'декольте, пуловер с угловым вырезом'; *faire des S* 'выписывать вензеля', например, о пьяном). Во французском языке метафорически используется даже наименование знака *accent circonflexe*: *des sourcils en accent circonflexe* 'изогнутые брови'; ср. также известную поговорку *mettre les points sur les i* ~ *ставить точки над i* и др.

Одни и те же слова в разных языках могут получать различные метафорические переосмысления. Так, например, слова *базар, вавилонское столпотворение* в русском языке обозначают переносно суматоху, беспорядок, связанный с шумом. Во французском языке *bazar, Babel* метафорически обозначают беспорядок, путаницу, но не обязательно сопровождаемые шумом. Например: *Babel d'escaliers et d'arcades* (Baudelaire) 'путаница лестниц и аркад'. Слово *danse* 'танец, пляска' и на-

звания отдельных танцев (например, *sarabande* 'сарабанда') метафорически используются для обозначения мелькания, частых изменений (изменения этикеток с ценами; мелькание вывесок и т. п.).

Различия между языками могут проявляться в ономаσιологическом плане: один и тот же референт обозначается различными видами метафорических обозначений, восходящими к разным словам с прямым значением. Например, деталь сковороды по-русски называется *ручка*, по-французски *queue* «хвост». В данном случае французское обозначение более метафорично: оно представляет собой «чистую» метафору, тогда как слово *ручка* в этом случае можно трактовать как результат метонимического переноса; ср. также *brin* букв. 'травинка' и 'жила' (провода).

Ф у н к ц и о н а л ь н ы й а с п е к т. Здесь можно отметить две стороны, связанные между собой: использование метафор в языковой системе как средства номинации и их употребление в речи в различных функциональных стилях. Как известно, существуют четыре способа номинации, создания обозначения для нового объекта: словообразование, переосмысление (в том числе и метафорическое), словосочетание и заимствование. Языки, следовательно, могут различаться по степени использования метафорических обозначений по сравнению с другими способами формирования номинаций. Французский язык нередко прибегает к метафорическому переосмыслению там, где в русском языке используются словообразовательные и иные средства. Например, деталь в вычислительной машине получила название *рисе* букв. 'блоха' (по-русски *кристалл* или *подложка* интегральной схемы), *champignon d'atomiseur* (букв. 'гриб') и *конус распылителя*. Даже если в русском языке используется термин метафорического происхождения, он нередко имеет менее сильные ассоциации с общеупотребительным словом, чем соответствующий французский, ср. авиационно-космические термины *chapeau* букв. 'шапка, шляпа' и его русские эквиваленты *колпак, крышка, кожух*. *Fr. chapeau* одновременно является и обычным широко употребительным словом: *крышка* — прямое обозначение предмета, *колпак* и *кожух* в прямом значении обозначают менее обыденные объекты, чем *chapeau*, и, следовательно, метафорические ассоциации у них слабее, чем у французского слова. Большая легкость переноса значений размывает границы между функциональными стилями.

В речи каждый язык может использовать метафоры специфически: одни чаще прибегают к метафорическим обозначениям, другие — реже, причем это касается не только литературно-художественной речи, где у каждого языка есть свои традиции, но и других стилей речи: публицистического, научно-технического и даже административного. Так французский научный стиль более «метафоричен», чем русский.

Мы рассмотрели основные аспекты сопоставительного анализа метафор, соотношения универсального и специфического в метафорическом переносе. В плане выражения типологические различия проявляются в использовании специальных средств метафоризации, в различии полных и частичных метафор. Семантическая типология наиболее многоаспектна. Она касается степени стертости метафор и, что заслуживает особенно подробного анализа, видов метафорических расхождений. Изучение и инвентаризация этих типов позволит выявить случаи параллельного

метафорического развития слов в разных языках и, следовательно, регулярную полисемию метафорического типа, позволит составить общую «карту» метафорических связей между отдельными словами-понятиями наподобие приведенной выше схемы звуковых переходов.

При семантико-сопоставительном анализе метафор целесообразно различать: 1) типы переноса, отражающие переносы между общими сферами внеязыковой действительности, например, человек→животное, животное→человек, животное→растение, артефакт→человек, животное→артефакт, синтетические переносы и т. п.; типы переносов универсальны; 2) подтипы переносов, ограничивающиеся определенной лексико-семантической группой слов (ЛСГ): метафоры, образованные от глаголов движения, от терминов родства, от наименований посуды, переносы из области спорта, карточной игры, охоты, транспорта и т. п. Эти переносы менее универсальны, для каждого языка можно выявить характерные ЛСГ, поставляющие метафорические номинации, и ЛСГ, получающие таковые; 3) виды метафор, объединяющие два слова, выражающие определенные понятия (например, 'ночь'—'темнота', 'лететь'—'быстро двигаться', 'хвост'—'очередь' и т. п.). Виды метафор наименее универсальны, но здесь, как мы видели, можно обнаружить фреквенталии, регулярности, отражающие общность ассоциаций, свойственных народам, говорящим на разных языках. И, наконец, в функциональном аспекте выявляется различное использование метафор в языке и в речи.

МЕТАФОРА КАК МОДЕЛЬ СМЫСЛОПРОИЗВОДСТВА И ЕЕ ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ

В данном разделе речь пойдет о роли метафоры в создании экспрессивно окрашенных языковых выражений — слов, идиом и фразеологически связанных значений слов, а также о специфике значения, полученного в результате метафорического смыслопроизводства. Иными словами, в разделе рассматривается процесс метафоризации и его результат, т. е. такие наименования, которые, будучи конвенционально закрепленными средствами выражения эмотивности, т. е. чувств-отношений, стимулированных одобрительной или неодобрительной оценкой обозначаемого, придают экспрессивно-эмоциональный эффект всему отрезку текста, который связан по смыслу с высказыванием, содержащим данные единицы. В качестве примера, поясняющего данное положение, приведем отрывок из статьи кинокритика В. Демина «В надежде на талисман» («Искусство кино», 1986, № 11, с. 32—34): «Фильм еще, по сути дела, и не начинался, разворачиваются самые первые эпизоды, движутся по аллеям болдинского парка *вереницы, ручейки* посетителей, перед памятником, «на фоне Пушкина», снимается семейство за семейством, а мы уже *упоенно, с головой окунулись* в то, что можно принять за главную тему картины... Но ни на шаг дальше в постижении этой темы [о роли пушкинских мотивов в сюжете.—В. Т.] мы и не двинемся. *Тщетны* споры, какой все же эмоциональный заряд

несет пушкинский «фон», прописанный столь *плотно, густо, сжато до конденсата*... Общее ощущение: *реторта*. Наблюдение за жизнью в пробирке по специальному биологическому замесу». И далее — об отрицательном герое: «*Становой хребет* не тот, череп с добавочной толщиной костей приспособлен смотреть не прямо, а только снизу, *взглядом шакала*... Вот и остается *ваньку ломать* с *глупейшими* вопросами, *пачкать гнусным* своим прикосновением ваши *святости* и *талисманы*, сморкаться в ваши *инкунабулы*, *гадить вам в душу*, *воровать* ваших жен...»

Текст можно продолжать, но и из приведенного отрывка видно, как работает метафора, создавая экспрессивно окрашенные наименования (выделенные полужирным) и подтекст (выделен разрядкой, ср. также чисто оценочные наименования, выделенные курсивом). Выбор слов *вереницы, ручейки* (посетителей) создает образно-ассоциативное представление о неясности и беспрестанности потока тех, кто чтит память великого поэта, передавая эмоционально-восторженное отношение автора (и посетителей) к поэту. Глубина этого отношения подкрепляется фрагментом *упоенно, с головой окунулись; плотность, густота, сжатость до конденсата* пушкинского фона фильма передают напряжение, названное автором «эмоциональным зарядом», т. е. интенсифицируют уже охарактеризованное выше восприятие фильма. Метафора *реторта* отсылает через ассоциативный ряд скорее к алхимии, колдовству (и вместе с этим — к оценочно-отрицательному восприятию), нежели к собственно «биологическому замесу» (*ирон.*), а сочетание *жизнь в пробирке (саркаст.)* снижает положительную оценку способа изображения сюжета и соответственно — положительное эмоциональное восприятие фильма. Недвусмысленны и потому четко передают отношение автора к отрицательному герою выражения *взгляд шакала, сморкаться в ваши инкунабулы, гадить вам в душу* и идиома *ваньку ломать*, характеризующие «подлинное лицо» этого героя. На фоне выбора этих конвенционально маркированных средств создается в подтексте второй план, образно-ассоциативно растекшийся по тексту, а именно — ироническое отношение к семейству, снимающимся «на фоне» Пушкина, к «замесу» сюжета фильма его режиссером, саркастическое — к отрицательному герою, череп которого с добавочной толщиной костей наводит на мысль о «непробиваемости» того в этом герое, что принято называть совестью и т. п.

Необходимо отметить, что в данном отрывке мы выделяем не образ мира, рисуемый в фильме. В приведенном тексте обращено внимание на те приемы и краски, которые избраны кинокритиком для эмоционального воздействия на читателя, т. е. для такого диалога, который, хотя и односторонен с формальной точки зрения, нацелен на определенный читательский резонанс. Именно поэтому критик выбирает такие средства для эмоционального воздействия на адресата, которые должны найти запрограммированный в этих средствах отклик в его душе, вызвать в ней переживание, а следовательно — и экспрессивный эффект (в отличие от языковых выражений оценочного отношения, которое апеллирует к разуму адресата, к его нормативному настрою). Такой диалог призван изменить систему воззрений реципиента и настроить его на погружение в предлагаемый авторской концепцией мир ценностей и соответствующих

им. поступков и деяний (деятельности). Этот эффект достигается, с нашей точки зрения, передачей того эмоционально окрашенного субъективно-оценочного отношения автора к миру, которое как бы надстраивается над словесно-языковой формой его отображения и обеспечивает осознание сюжета в той же культурно-ценностной палитре, которая характерна и для автора рецензии.

Совершенно очевидно, что это эмоционально-оценочное отношение может быть выражено «напрямую» — глаголами типа *одобрять*, *восторгаться* или, наоборот, *не одобрять*, *презирать*, *порицать* и т. п., т. е. таким, например, образом: *Вот и остается ваньку ломать с глупыми вопросами, что вызывает у зрителя только презрение к такому персонажу* и т. п. или же путем создания выражений, содержащих аналогичный смысл, например: *Он сказал с презрением о том, что...* или *На его лице появилась неодобрительная мина* и т. д. Но в таком случае эмоционально окрашивающий ореол нейтрализуется, поскольку информация поступает в семантически и стилистически нейтральной форме.

Категория экспрессивности — одна из самых «размытых» по объему и потому нечетких по содержанию¹. Это положение дел становится все более очевидным в последние годы, когда у понятия экспрессивности появилось пересекающееся с ним и вместе с тем — конкурирующее понятие прагматической функции языка. Можно сказать, что «прагматингвистика», вобрав в себя и описательную стилистику [см. Балли 1961; Степанов 1965; Скребнев 1975], и риторику, задачи которой генерализуются в настоящее время до полного филологического анализа текста [Дюбуа и др. 1986], как бы поглотила категорию экспрессивности, но обходится в своих построениях без нее. Тем самым смена лингвистической парадигмы (переход от статического представления языковых фактов к динамическому их моделированию) как бы «выбросила за борт» проблему экспрессивности, используя тем не менее понятие об экспрессивной функции языка. Мы полагаем, что прагматическая функция охватывает больший объем свойств, нежели экспрессивная. Первая включает в свою сферу не только способы воздействия, вызывающие исходно эмоциональные реакции и потому влияющие именно на эмоциональную сферу реципиента текста (что характерно для экспрессивной функции), но все средства воздействия, связанные с целеполагающей языковой деятельностью (команды, умалчивание или, наоборот, экспликацию коммуникативных намерений и т. п.).

Определение понятия экспрессивности представляется необходимым еще и для установления ее соотношения с категорией эмотивности.

¹ Понятие «эмоциональная сфера» в данной работе определяется достаточно широко — как любая реакция, вызывающая чувство-переживание или чувство-состояние. Разделяя информационную концепцию эмоций, автор данной работы не является сторонником той точки зрения, согласно которой чувственное и рациональное неразрывно связаны. Высказывание В. И. Ленина о том, что «без „человеческих эмоций“ никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины» [Соч., т. 25, 112], которое часто приводится как аргумент неразрывности чувственного и рационального, касается скорее состояния человека, ищущего истину, нежели самого когнитивного процесса, «вершиной» и целью которого являются поиски средств верификации, а не состояния эмоционального катарсиса.

содержанием которой является сопутствующее денотации отображение эмоций в языковых сущностях [см. Шаховский 1983; 1984]. Эта категория выступает как один из параметров экспрессивной функции, имеющий непосредственное отношение к семантике экспрессивно окрашенных номинативных единиц, а также к их метафорической природе, поскольку эмпирически очевидно, что подавляющее большинство экспрессивно окрашенных наименований — продукт метафорического смыслопроизводства. Менее продуктивны в этом так называемые суффиксы субъективной оценки и звукоимитация в различных его видах: звукоподражание, необычные сочетания, «цветопись» и т. п. Чтобы пояснить, о чем идет речь, можно привести вторичные наименования типа *петух*, *гусь*, *бревно* и т. п. — о человеческих свойствах, *болтаться*, *трепыхаться*, *возникать* и др. — о поведении человека, ср. также фразеологические сочетания *терпение лопнуло*, *черная неблагодарность*, *перст судьбы*, идиомы *носить на руках* (кого-л.), *сердце в пятки ушло* (у кого-л.), *перейти дорогу* (кому-л.) и т. д. Из приведенных слов и сочетаний видно, что все они не нейтральны: в их значениях содержится информация об оценке обозначаемого выражением класса объектов, образное представление (в той или иной степени его прозрачности и осознаваемости), выражение и некоего чувства-отношения (осознанной эмоции) типа презрения, пренебрежения или, наоборот, уважения, восхищения и т. п., а также стилистическая окраска. Все перечисленные выше сигналы — компоненты того, что образует коннотацию языковой единицы как ее сознание [Телия 1986; Лукьянова 1986]. И именно коннотация несет в себе тот семантический комплекс, который выражает не нейтральное (в оценочном, эмоциональном и социальном восприятии) отношение пользующегося языком к обозначаемой действительности, что и составляет, с нашей точки зрения, «остов» содержания категории экспрессивности, т. е. некоей универсалии безотносительно к ее номинативно-тезаурусному (в форме коннотации значения) или текстовому воплощению (в виде подтекста), а равным образом к синхронному или диахроническому аспекту представления объекта или к тому или иному типу языка вплоть до конкретного идиолекта.

Если вернуться к приведенному в начале раздела примеру, то можно утверждать, что эффект экспрессивности этого текста состоит в том, что читатель испытывает по мере чтения (при этом предполагается, что он уже просмотрел фильм) чувства неодобрения, презрения, пренебрежения и т. п. Собственно в этом сопереживании и заключается замысел автора: содержание текста должно вызвать сочувствие или разочарование у адресата (ср. этическую недозволенность экспрессивно окрашенных научных рецензий при допустимости в них оценочных предикатов типа *интересно*, *удачно*, *неубедительно* и т. п.).

Путь к экспрессивному эффекту условно можно представить в некоторой последовательности эмоциональных в своей основе реакций. Адресат воспринимает денотативную (или фактуальную) информацию (вместе с фоновым знанием, или ассоциациями, которые «наводят» сходство между героями фильма и трагедии, финал которой разыгрался на Черной речке). Он оценивает и эти события, и то, как автор фильма (по свидетельству критика) отобразил их. Эта оценочная деятельность не мо-

жет не быть эмоциональной в своей основе и субъективной: она соотносит факты с тривиальными нормами и стереотипами или же экстраординарным критериями, градуируя их по шкале в положительную или отрицательную «сторону» [подробнее см. Ивин 1970; Вольф 1985].

Оценочная деятельность столь же естественна для сознания, как и познавательная: эти виды «разумного» видения мира как бы две стороны одной медали. И оба они соизмеряют мир в практически рассудочном его освоении. Оценка начинает «переживаться», т. е. включаться в сферу чувств, если нарушен их баланс, — это уже стимул для волнений души. Рациональность «нормальной» оценки как бы нейтрализует эмоциональный ее субстрат. Более того, оценка и «объективное содержание» в значении языковых знаков амальгамируется. Это и дает основание для выделения класса оценочных имен типа *негодяй, интересный, осуждать* и т. п., у которых есть достаточно «жесткая» семантическая структура, в отличие от имен экспрессивно-оценочных типа *осел, черная зависть, обезьянничать* и др., для которых вряд ли возможно указать объем класса. Так, встречающиеся в приведенном выше тексте имена *тищетный, святыня, талисман, глупейший* и т. д. содержат в себе и дескриптивный план (то, что обозначено, — «напрасный», «чтимый», «служящий для защиты», «неправильный по форме умозаключения») и одновременно выражают положительное или отрицательное отношение субъекта к описываемому (соответственно — *тищетный, глупейший* — со знаком «минус», а *святыня* и *талисман* — «плюс»). Разъединить эти сигналы возможно только в целях анализа. Отсюда — кореферентность в нотации, отображающей контексты мнения, выносящие суждения о ценности, например: «*тищетный*» — такой X, который не может достичь цели, и говорящий считает, что это (в данном случае качество в целом) «плохо» [подробнее см. Вольф 1985].

Итак, оценочная деятельность сама по себе имеет прагматическую ориентацию: соотнося объект и его ценность для потребностей субъекта, она воздействует тем самым на его деятельность. Но эта ориентация воздействует на восприятие самой деятельности в контексте практического рассуждения, а не переживания. Например, высказывание *Учитель дал плохой урок* содержит только рациональную оценку, а высказывание *Она, к сожаленью, дала плохой урок* добавляет к оценке эмоциональное отношение (порицание), ср. *Она несла на уроке какую-то абракадабру*: это высказывание выражает уничижительное отношение прежде всего к субъекту того речевого акта, в котором оглашаемая бессмыслица — абракадабра. В анализируемом тексте отношение автора к отрицательному герою выражается недвусмысленно. И у читателя формируется такое же отношение. При этом по мере того, как в текст вводятся такие наименования, как *ваньку ломает, пачкает гнусным прикосновением, сморкается в ваши инкунабулы, гадит вам в душу* и т. п., читатель начинает испытывать антипатию, а затем — и презрение.

Именно переключение кодирования сообщения с рационального на эмоциональный регистр изменяет «тембр» текста. В нем появляется эмотивность и вместе с ней — экспрессивная окраска. В литературе уже отмечалось, что оценка имеет форму модальности типа *de ge* [Вольф 1985]. Если в игру вступает некоторый посредник, заставляющий видеть обозна-

чаемое сквозь призму образа, обычно имеющего некоторое эталонное значение для данного национально-культурного социума, то он стимулирует еще одну модальность типа *de ge* [Телия 1986, 22—29]. Так, говоря, что герой смотрит только снизу, *взглядом шакала*, автор текста заставляет читателя «увидеть» как бы в параллельном монтаже «шакалоподобие» отрицательного героя (ср. эффект Кулешова [Ротенберг 1980]), а тем самым — и относиться к герою так, как если бы он был шакалом. Уместно отметить, что образ реалии, названной этим именем, выступает для русскоязычной культуры в качестве стереотипа охотника за падалью (что «плохо» и презираемо в данной культуре), поэтому и сам герой, уподобленный шакалу, вызывает ощущение омерзения и чувство презрения². Добавочная модальность, стимулированная «шакалоподобностью» названного героя, выражает, как уже отмечалось, эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому. Аналогичным образом можно было бы разобрать и другие номинативные средства данного текста, содержащего образную мотивировку.

Из приведенного примера видно, что образность языкового средства также вызывает к жизни модальность типа *de ge*, которой в онтологии соответствует переживание субъектом некоторого представления — образа, символа, стереотипа (ср. соответственно — *медведь, стреляный воробей; березка, фашистский сапог; выжить, лизать пятки* (кому-л.) и т. п.). Тем самым в игру вступают еще две сущности — метафора, оставляющая свой след в готовом наименовании в виде образного представления (внутренней формы) с характерными для него ассоциациями, и возникающее на этой основе чувство-переживание, которое и составляет содержание эмотивности. Вследствие этого возникает необходимость такого модельного отображения коннотации, которое содержало бы в себе оценочный смысл, образ, получаемый на основе тропа (или его звуковой эквивалент), чувство-переживание, или эмотивность, шкалируемую в диапазоне одобрительного/неодобрительного отношения к обозначаемому, а кроме того — еще и стилистические регистры.

Очевидно, что пользующийся языком может создать «платформу» для эмотивности (и тем самым — для экспрессивного эффекта), используя любой троп. Ср., например: *Декабристы, Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Толстой, Ленин... Мы гордимся этим мощным деревом национального самосознания; Ну хорошо. У меня «короткое замыкание». На «плюс» или на «минус» — сейчас неважно. А у вас наоборот. Как быть?* (О. Кучкина. Поэтические истины // Искусство кино, 1987, № 1). Как известно, наименее эмоциональна группа тропов, механизмы которых организованы ассоциациями по смежности, а именно — синекдоха, метонимия и т. п. Эти тропы «порождают» чаще символы, чем образы или некоторые эталонизированные представления. Достаточно напомнить, что такие, например, соматиз-

² Точнее было бы в аналогичных случаях употреблять термин квазистереотип, так как образ некоторой реалии устойчиво ассоциируется с определенным свойством (как правило — несущественным для самой реалии) только в данной лингвокультурной общности, что обуславливает относительность таких тропических средств как стереотипов (ср., например, образ змеи как символ мудрости или дьявольского соблазна в библейском контексте и как квазистереотип коварства в русском фольклоре и т. п.).

мы, как *рука, нога, голова, сердце* и т. п., приводят при переосмыслении к символическому прочтению их вторичных значений (*рука* — символ власти, знакомства, близкого к субъекту расстояния и т. п., подробнее см. раздел «Метафора и символ во фразеологических единицах» наст. изд.).

Итак, экспрессивность языковых фактов, создаваемая эмотивным (эмоциональным в своей основе) отношением говорящего к обозначаемому, а именно — осознанное и опредмеченное в форме чувства-отношения переживание типа одобрения, восхищения, уважения и т. п. — с одной стороны, а с другой — неодобрения, презрения, пренебрежения, порицания и т. д., являясь результатом взаимодействия нескольких факторов, образующих достаточно сложную архитектуру. И одним из этих факторов, непосредственно стимулирующих эмоциональный «всплеск», а затем — и чувство-отношение к обозначаемому, выступает тот образ, который тропеически «наводится» в акте номинации и появляется в поле сознания говорящего и реципиента, возбуждая то оценочное отношение, которое выше было охарактеризовано как добавочная модальность типа *de ge*.

Если принять эту модель «порождения» такого экспрессивного эффекта, который основан на выражении категории эмотивности, то возникает ряд вопросов, небезынтесных как для самой теории тропов и их лингвистического анализа, так и для теории номинации. К числу этих вопросов можно отнести следующие: почему именно метафора, а не другие виды тропов продуктивна в области эмотивного воздействия, что в самой метафоре предопределяет эту продуктивность; каково соотношение изначально гипотетической формы принципа фиктивности «как если бы» и ее модального статуса в готовой метафоре; какова роль метафоры анализируемого типа в создании национально-культурной специфики языка, в формировании языковой картины мира; можно ли считать внутреннюю форму наименования релевантной для его функционирования; существуют ли характерные именно для экспрессивно-эмотивной метафоры функционально-коммуникативные параметры, т. е. специфические только для нее глубинно-семантические и поверхностно-синтаксические формы реализации. Все эти вопросы и определяют цель и задачи данного раздела, из которых на первом месте стоит выявление диалогического начала в метафоре, ее ориентация на восприятие и воздействие, что предполагает также антропометрический взгляд человека на мир, т. е. соизмерение окружающей действительности с эталонами и стереотипами, выработанными в «личностном тезаурусе» носителя данной национально-языковой культуры. В связи с поставленными выше вопросами представляется необходимым вначале изложить наше представление о сущности метафоры как особой технологии смыслопроизводства.

В настоящее время в англоязычной литературе наиболее распространенной является так называемая интеракционистская концепция метафоры (an interaction theory of metaphor), основоположниками которой можно считать ученых, каждый из которых шел к этой проблеме своим путем — психолингвистическим [Richards 1936; 1965] и логическим [Black 1962; 1979]. Критика, которая развернулась по поводу этой концепции, напоминает дискуссионную ситуацию, сложившуюся в свое время вокруг трансформационной грамматики: критика дополняет и развивает основные положения, высказанные Ричардсом и Блэком, не изме-

няя основных постулатов [подробнее см. Metaphor and Thought 1979; Metaphor: problems and perspectives 1982]. Такое положение дел показывает динамичность и открытость, а тем самым — и плодотворность этой теории, рассматривающей метафору как взаимодействие образующих ее элементов и процессов. По существу критика сводится к добавлению в модель метафоры тех или иных компонентов, а также к уточнению их статуса и роли, а вместе с тем — к попыткам ввести в метафорический процесс динамическое начало, идущее от самого субъекта этого коммуникативного в своей основе процесса.

Характеризуя обе упомянутые концепции в самых общих чертах, можно сказать, что их объединяет оперирование двумя взаимодействующими сущностями. По Ричардсу, в метафоре участвуют «две мысли о двух различных вещах. Причем, эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или предложения, значение которых есть результат их взаимодействия» [Richards 1965, 90]. «Основа», т. е. формирующаяся мысль о новом объекте, создает референцию, а «носитель» (языковое выражение с его «буквальным значением») задает смысл — тот способ, каким мыслится новый объект (нельзя не заметить, что эта модель базируется на «семантическом треугольнике», восходящем еще к временам стоиков).

Если концепция Ричардса опирается на понятийную теорию значения, то модель Блэка — на теорию референции. Он считает, что в метафорическом процессе взаимодействуют два разнородных референта. Один из них — та сущность, которая обозначается в этом процессе и поэтому выступает как основная (primary subject). Второй — сущность вспомогательная (secondary, subsidiary subject), которая соотносима с обозначаемым уже готового наименования. Гетерогенность этих сущностей и сопутствующие им ассоциативные комплексы позволяют выходить за пределы и старого и нового представлений, синтезируя принципиально новую информацию. Последняя формируется, по Блэку, как если бы представление об основной сущности проходило через фильтр вспомогательной — ее ассоциативного комплекса. Кроме того, в этом процессе участвует еще и фокусировка творцом метафоры черт, релевантных для метафорического синтеза, создаваемая «рамой» контекста.

Сама идея интеракции как основного порождающего механизма метафоры не может не быть признана плодотворной. Именно благодаря такому взгляду на метафорический процесс в ней предстают как изменяющиеся в сознании субъекта, творящего метафору (или воспринимающего ее), обе взаимодействующие сущности, имеющие, конечно же, форму идеального (гносеологического образа, или «мысли о вещах»). Каждая из них претерпевает качественные изменения, растворяется в новом, метафорическом, отображении обозначаемого. И это очень важно: «мыслимый» объект получает некоторые признаки вспомогательной сущности, поскольку последняя выступает как способ, задающий языковое осмысление первого, при этом «буквальное значение», указывая на новый для него объект, переосмысливается, приспособляясь к указанию на этот новый для него референт.

То, что концепция Ричардса и Блэка имеет уязвимые стороны, связано, в основном, с тем, что в них недостаточно учитывается роль собствен-

но человеческого, субъективно-личностного, фактора. Так, В. В. Петров пишет о том, что, проводя аналогию между метафоризацией и процедурой фильтрации и сравнивая этот процесс с рассмотрением ночного неба «через кусочек закопченного стекла, на котором определенные участки оставлены прозрачными» [Black 1962, 41], М. Блэк не объясняет, как осуществляется взаимодействие, а между тем «трудно представить себе, каким образом воздействует ночное небо на закопченное стекло, когда оно рассматривается через это стекло» [Петров 1985, 201]. Здесь подмечен основной просчет М. Блэка (равно, как и И. Ричардса): совершенно очевидно, что на закопченное стекло воздействует не ночное небо, но на восприятие субъектом ночного неба через это стекло воздействует тот образ неба, который получает специфические контуры, создаваемые стеклом-фильтром.

Еще одно существенное замечание, высказанное в ходе критики блэковской версии метафорической интеракции (в равной мере справедливое и для концепции Ричардса), касается того, что в ней рассматривается взаимодействие слов в контексте высказывания (у Ричардса — в рамках их непосредственного контекста). Следовательно, метафорический процесс моделируется в семантическом представлении, безотносительно к прагматической его интерпретации, которая возможна только в более широком, чем высказывание или ряд высказываний, контексте [см. Петров 1985, 199—204].

Авторы, которые заинтересованы в изучении экспрессивной и эстетической функции метафоры (см. статьи М. Дж. Эптера, Р. Туранго, Ф. Мура, С. Х. Ольсена в *Metaphors: problems and perspectives* [1982]), подчеркивают, что в анализируемых когнитивно-логических «грамматиках» метафоры превалирует «семиотический механизм», отчужденный от антропоцентрического модельного отображения, способного включить и человеческий фактор (вплоть до личностных смыслов).

Процесс метафоризации — это всегда некоторая проблемная когнитивно-номинативная ситуация со многими переменными факторами. Метафорический процесс богаче и разнообразнее, чем он представлен в существующих версиях интеракционистской теории. Этот процесс объемлет целеполагающую интенцию субъекта метафоризации, задающую те когнитивные и/или прагматические функции, которые будет выполнять метафора в коммуникативных актах (обычно протекающих в диалоговом режиме). Он включает и мотив выбора того или иного выражения в зависимости от прагматического замысла и топикального характера текста, т. е. погруженности этого выбора в некоторый прагматический интерес субъекта и определенную предметную область. Так, метафора типа *облако электронов* существенно отличается от *облако печали* не только по идеографической ориентации, но и по функциональной нагрузке — концептуальной в первом случае и эмотивной — во втором. И кроме того, процесс метафоризации неосуществим без некоторого допущения о возможности и самого подобия в реальности несовместимых сущностей. Это допущение, используя «принцип фиктивности» (соответствующий кантовскому *als ob*, см. подробнее [Жоль 1984, 127 и сл.]), приводит к столкновению смыслов, результатом которого является заимствование одной областью познания понятий из другой области. И вместе с тем

именно принцип фиктивности служит тем ключом, который открывает путь к пониманию оязыковленной уже метафоры как переосмысленного значения.

В интеракционистской концепции не находит отражение такое явление, сопутствующее некоторым видам метафоры, которое определено Дж. Эптером как синэргия, т. е. способность метафоры создавать психологическое «напряжение» между «буквальным значением» и значением переосмысленным за счет такой контрастности, которая может вызвать эмоциональный эффект, напоминающий по силе ощущения шок от электрического разряда [Metaphors: problems and perspectives 1982, 55—70]. Синэргия присуща таким метафорам, в которых когнитивная «обработка» протекает на очень сложном подобии, исходящем из почти «немыслимых» абсолютно нестандартных соответствий. В качестве примера синэргии (или синестезии, как называл подобное явление С. Эйзенштейн [1964, 336, 338], можно привести следующие фрагменты из стихотворных текстов: *Мы выросли в эту землю ногами крови* (С. Есенин); *Всадник — беглый луч* (А. Блок); *Я клавишей стаю кормил с руки* (Б. Пастернак) и т. п.

Необходимо отметить при этом, что в теории интеракции проведено самое общее различие между нейтральными и экспрессивными результатами метафорического процесса. Так, М. Блэк разграничивает эфатическую (emphatic) и репродуктивную (resonant) метафоры. Для понимания первой необходимо творческое восприятие, для второй — только стандартные ассоциации «человека с улицы», т. е. рядового носителя языка. При этом выделен класс сильных (strong) метафор, объединяющих в себе оба качества. С точки зрения такого взгляда на необычность/обычность метафоры по ее «внутренней форме» оппозиция живые/стершиеся метафоры представляется Блэку тривиальной [Black 1979]. Думается, что это перемещение аспекта оценки метафоры с диахронического ее состояния на психологическое восприятие субъектом, несомненно, обогащает модель метафоры, вводя в нее человеческий фактор, хотя последнему не придано модельного отображения. И тем не менее, обращение к психологическому аспекту метафоры через процессы моделирования ее когнитивной техники и ее роли в формировании высказывания и текста (см. работы С. М. Тарбейна [Tarbayne 1962], Дж. Лакова и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980₁, 2]) — это тот радикально новый шаг, который был сделан в логических ее студиях, использующих теорию референции, а через нее — и теорию речевых актов (см. работу Дж. Сирля [Metaphor and Thought 1979], где показано, как влияет метафора на тип речевого акта).

Внимание, которое уделено в данном разделе «логической грамматике» метафоры, не случайно. Результаты этого направления исследований могут служить надежным основанием для создания интерпретативной концепции метафоры, в центре внимания которой — человеческий фактор, а именно — способность творца метафоры на основе его этно-социо-психолингвистической компетенции, антропометрической по своей природе, использовать принцип фиктивности для создания новых подобий, их когнитивной и/или эмотивной обработки, которая протекает на фоне ассоциативных комплексов, возбуждаемых в основном в вспомогатель-

ном объекте метафорического процесса, протекающего как взаимодействие замысла (мысли) творца метафоры об основной сущности и знания — о сущности вспомогательной.

В качестве теории для обоснования моделирования метафорического процесса, способного отобразить интерпретативную деятельность субъекта этого процесса и его реципиента, мы используем здесь теорию номинации, поскольку метафоризация — это всегда номинативная деятельность (ср. вторичность «готовых» метафор — автономных: *лиса, лаяться, колебаться* и т. п., косвенных: *луч надежды, терпение лопнуло, черная неблагодарность* и т. д., а также продукты идиоомообразования: *веревки вить* (из кого-л.), *пуганая ворона, на всех парах* и т. п.). Именно языковая номинация, оперирующая не системным значением (как семасиология), не атомарным (как ономастиология), а смысловым содержанием языковой сущности (в ее сигнификативно-денотативной форме) как компонентом номинативного аспекта высказывания (или фрагмента текста) может обеспечить многомерное отображение метафорического процесса: концептуального, референциального и семасиологического его аспектов, тезаурусных параметров, отображающих личностное знание значения и его национально-культурных ассоциаций, а также эмотивно-оценочных параметров и стилистической информации.

Мы предлагаем на рассмотрение такую модель метафоры, где каждый из ее гетерогенных и разномасштабных компонентов может быть интерпретирован как номинативный параметр, т. е. минимальный осмысленный фрагмент, связанный некоторой функциональной зависимостью с тем, что условно можно назвать замыслом метафоры (ее целью) — условно, потому что в спонтанной речи этот замысел скорее всего остается на уровне бессознательного. Тем самым такое модельное отображение сближается с приемами лингвистического конструирования языковых сущностей [см. Караулов 1981]³. Но в отличие от лексикографического конструирования, где параметр может быть интерпретирован и как дифференциальный признак [Там же, 44], параметр в нашем понимании — это качественная (или реже — количественная) характеристика, приписываемая в данной модели компонентам, образующим метафорический процесс. Очевидно, что модель этого процесса и готовой метафоры будут различаться: первый — динамическая данность, объект теории номинации, а вторая — уже системное образование и как такое может служить объектом лексикографического описания. Это пояснение продиктовано тем, что термин «метафора» амбивалентен. В дан-

³ В этой связи хотелось бы присоединиться к мнению Ю. Н. Караулова о том, что многие авторы «учат, как надо делать, но не делают сами, поэтому результата как такового не бывает, новая вещь в итоге такого исследования не получается, создается лишь, как замечает остроумно один известный лингвист, «информационный шум» [1981, 29] и выше: «Можно даже сказать, что в языкознании сегодня наблюдается перепроизводство идей: есть порождающая теория, но нет ни порождающей, ни трансформационной грамматики какого-то конкретного языка, есть теория тезаурусов, но нет тезауруса...» [Там же, 28]. Продолжая эту мысль, можно добавить, что есть различные концепции метафоры, но нет такого описания метафорического процесса, который воспроизводил бы то, как делается метафора, хотя, как известно, такую задачу относительно «конструирования» языковых сущностей выдвигал еще Л. В. Щерба в 1931 г. [1974].

ном разделе речь идет как о процессе (метафоризации), так и о результате (метафорическом значении).

Модель метафорического процесса состоит из сущностей и интеракции между ними, понимаемой как отношение, устанавливаемое субъектом метафоризации между сущностями, точнее — их признаками и ассоциативными комплексами, и нацеленное на синтез релевантных для метафорического замысла признаков и ассоциаций. В качестве сущностей, создающих «остов» метафоры, выступают: замысел, цель, основание, т. е. формирующаяся мысль о мире (предмете, явлении, свойстве, событии, факте), вспомогательное понятие — уже оязыковленная в форме «буквального значения» некоторого выражения мысль о мире. Каждой из этих сущностей сопутствует ассоциативный комплекс — энциклопедическое, национально-культурное знание или собственное личностное представление, а также «языковое чутье», т. е. осознание ассоциативного ореола значения (и звучания), ср., например, энциклопедическую ассоциативную пару *кошка — мышка*, национально-культурные ассоциации *мышка — хлопотливая, незаметная, тихая* и т. п., языковое восприятие мышки как маленького существа (ср. нейтральное восприятие по параметру размера формы слова *мышь*) и т. д. В качестве процессов прежде всего следует выделить 1) допущение о подобии и гетерогенных сущностей, лидирующее во всем смыслопроизводстве, а также 2) процесс фокусировки, в котором участвуют средства, создающие контекст для актуализации тех признаков и ассоциаций в формирующемся понятии (мысли о мире) и «буквальном значении», которые существенны для данного замысла и цели, и 3) процесс фильтрации, т. е. совмещение сфокусированных признаков и ассоциаций нового понятия и «буквального значения», приводящего к созданию нового концепта в ходе его оязыковления.

Конечно же, все эти сущности и процессы действуют не по очереди, а одновременно. Приоритет во временном плане можно отдать только замыслу и цели, которые имплицитно могут «вызревать» в недрах некоторой текстообразующей деятельности задолго до обретения плоти. При этом известно, что, выбрав какую-либо метафору, автор текста (речи) «работает» с ней как с «корневой»: она разрастается в тексте [Lakoff, Johnson 1980, 6] (ср. пассаж, выплеснутый в раздражении героем комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацким: *Муж-мальчик, муж-слуга из женных пажей...*). Примером такого разрастания метафоры из одного «корня» может служить стихотворение Б. Пастернака, из которого мы приведем только метафорически связанные отрывки: *...И ветер, жалуюсь и плача, Раскачивает лес и дачу. Не каждую сосну отдельно, А полностью все деревья... Как парусников кузова На глади бухты корабельной... Чтобы в тоске найти слова Тебе для песни колыбельной...* где исходный образ *раскачивает лес* перекликается с темой раскачивающихся на море парусников (по ассоциации *сосна — мачта*), с колыбельной песней (по ассоциации *колыбельна — качать*), а образ жалующегося и плачущего ветра — с темой тоски и т. п.

Замысел метафоры — это интенция субъекта назвать осознаваемое, но еще «недодуманное» им понятие (или новую вещь) путем использования уже вербализованного понятия. На замысел влияет и та пред-

метная область, о которой «думается». Процесс метафоризации всегда предполагает некоторый смысловой контейнер (или контекст) с его эпистемическими и психологическими установками. Поэтому метафора — всегда производное от этого фона. Если сопоставить метафоры *облако электронов* или же *облако печали* и *облако в штанах* (В. Маяковский), то это будут разные «облака». Несмотря на кажущуюся тривиальность приведенного выше факта, он-то как раз и демонстрирует связь замысла и целеполагающую установку (цель) творца метафоры, который всегда имеет в виду определенную ее функцию. Так, когда А. С. Пушкин пишет: *Несчастью верная сестра, Надежда в мрачном подземелье Разбудит бодрость и веселье — Придет желанная пора...*, то метафора *сестра* прочитывается как 'постоянная спутница (несчастья)'; в названии цикла стихотворений Б. Пастернака *«Сестра моя жизнь»* — иной смысл: речь идет о восприятии жизни как близкого, хорошо знакомого и любимого человека. В одиозном наименовании *звездные войны* осознается зловещий, отчужденный от соразмерности силам человека смысл, а в фразеологизме *звездный час* доминирует смысл 'состояние огромной радости и счастья от достижения блестящего успеха и сбывшейся мечты'.

Очевидно, что замысел без цели не существует. Эта цель может ограничивать замысел нахождением удачного имени, что характеризует метафорический процесс просто как перенос названия, т. е. как выполнение уже готовым наименованием новой для него функции называния (*спутник, грудная клетка, точка замерзания* и т. п.). Так, одно и то же имя *волна* в разных предметных областях получает разные метафорически производные значения (в физике — *радиоволна*, в сфере чувств — *волна желаний*, в социальной сфере — *волна протестов*, в области знания и мышления — *волна информации, слухов, воспоминаний* и т. п.).

Цель может связывать замысел с гносеологической функцией формирования нового понятия. Так, метафоры типа *корень слова, ядро атома, ядерная сема, протекание процесса* и т. п., а также *корень зла, разногласий, ядро отряда, течение мыслей* и т. д. образуются в разных предметных областях, обеспечивая формирование понятий, которые не имели однословного выражения.

Функция оценки также корректирует метафорический процесс, использующий одно и то же имя, но в разных предметных областях. Например, *острый слух* (или *острое зрение*) не то же самое, что *острый язык*: в первом случае речь идет о «чутком» слухе (хорошем зрении), во втором — о склонности человека к «броским», в основном — критическим, подчас злобным высказываниям.

Замысел функционально связан с целью и при формировании эмоционально-оценочных понятий. Если говорящий задумал сказать о смерти, смягчая отрицательную оценку самого состояния умирания, он может выбрать глагол *отойти* или выражение *покинуть мир*; оценивая этот печальный факт и придавая ему положительную окраску, можно выбрать наименование *освободиться* (видимо, от бремени жизни), но если говорящий не огорчен чьей-либо смертью, а наоборот, злорадно воспринимает это, то он может прибегнуть к наименованиям, приведенным И. Ильфом и Е. Петровым, — *откинул копыта, дубу дал* и т. п.

Вообще же замысел при создании метафоры выступает как аргу-

мент, а роль функции играет цель, в зависимости от которой и формируется новое понятие и его окраска. Ср. замысел характеристики глупого человека, преследуя цель выразить презрение к нему, и воплощение этих интенций в наименованиях *баран, осел, пробка, тупица* и т. д., ср. также пренебрежительное отношение, выражаемое идиомами *котелок не варит, без царя в голове*, или просто неодобрительное — *бог ума не дал* и т. п.

Видимо, аналогичное взаимодействие имеет место и при создании образной метафоры. Так, в метафоре *Кура течет атаккой газовой* Б. Пастернак заставляет читателя услышать и шум напористой Куры и увидеть ключья тумана над ней, и передать впечатление враждебности от этого пейзажа.

Выше отмечалось, что допущение о подобии гетерогенных сущностей (основания метафоры и «буквального значения» выражения) — основной нерв любой метафоры. В самом деле, без этого мысленного условия «как если бы» невозможно перейти тот рубеж, который разделяет роды и виды. Даже в самой простой метафоре — индикативной (собственно опознавательной) — есть некий перескок, нарушающий естественный порядок вещей. В метафоре *подошва горы* при общем роде 'основание' совершен перескок из вида в вид (ср. также *сарай, хибара* — о доме и т. п.). Называя слой тумана, закрывающий от взора окружающее, *пеленой*, творец этой метафоры должен был преодолеть несопоставимость понятия о пелене (покрове, ткани) и о тумане (зыбком, воздушном), принадлежащих к разным онтологиям. Это преодоление достигается обычно за счет аналогии — нестрогой эквивалентности, правилом для которой является допущение о том, что если некоторые признаки объектов X и Y совпадают, то возможно подобие X и Y и по другим признакам [см. Уемов 1970].

Сам принцип фиктивности — мощное средство познания: с допущения о подобии начинается формирование любой гипотезы — научной или художественной (последнюю более пристало назвать вымыслом, ср. пушкинское: «над вымыслом слезами обольюсь»). Эпистемический ход «как если бы» вводит в действие механизмы аналогии. Как известно, еще Аристотель, рассматривая метафору *утро жизни*, возводил ее к пропорции: утро для дня то же, что молодость для жизни, поэтому молодость можно уподобить утру (жизни) [Аристотель 1936, 147].

Конечно же, изначальный этап любого познания сводим к сравнению, ибо сравнивать можно кого и что угодно. В принципе фиктивности (и соответственно — модусе «как если бы») тоже есть элемент сравнения: *как* + гипотетичность (*если бы*). На несимметричность сравнения неоднократно указывалось в литературе [см., например, Гусев 1984]. Меньше обращалось внимания на то, что сравнение — такая логическая форма, которая не создает нового и целостного информационного объекта, т. е. не осуществляет смыслового синтеза, приводящего к образованию нового концепта⁴. Сравнение, как пишет Н. Д. Арутюнова, «выдает по-

⁴ Н. И. Кондаков отмечает, что «сравнение — один из приемов ознакомления с предметом в тех случаях, когда определение понятия невозможно или не требуется. Этот прием употребляется в том случае, когда интересное нас понятие можно сопоставить с другими понятиями, похожими на него, и в результате такого сопоставления лучше уяснить данное понятие». «...сравнение применяется... в умозаключениях по аналогии, в индукции, традукции, дедукции» [1971, 498, 497].

добие за вид тождества» [1983, 7]. Правомерность квалификации метафоры как свернутого сравнения опирается на авторитет Аристотеля, который отмечал, однако, что метафора может быть развернута в сравнение [Аристотель 1936, 175]. Итак, сравнение — это только «поиск» подобия, но не его обработка.

В современной литературе все чаще встречаются утверждения, что метафора формируется и используется в контексте «как если бы» [Жоль 1984]. Модус «как если бы», посредством которого вводится любой «возможный мир», снимает многие явные и неявные ограничения, налагаемые онтологией и системой знаний о мире, расширяет возможности перехода от одной системы знаний к другой и т. п. Нарушая границы несовместимого, метафора потому и синтезирует новые концепты, что базируется на принципе фиктивности. Затем модус фиктивности либо выходит из игры, если метафора верифицируется (что характерно для научной метафоры), либо же остается в строю или редуцируется, если метафора удерживает психологическое напряжение, о котором говорилось выше. Метафора разгадывается и понимается именно потому, что ее контекст открывает внесенный в него принцип фиктивности. Часто для этой цели используются кавычки. Ср., например, метафору, основанную на аналогии «распространение знаний все равно что распространение волны»: *Знание подобно волне, которая распространяясь в определенной среде, подхватывает все новый и новый материал, оставаясь при этом одной и той же волной. С этой точки зрения, тиражируя рукопись, мы увеличиваем площадь того «бассейна», на поверхности которого может жить наша волна. Но «волна знания» не может распространяться иначе, чем как знание, понимаемое средой... Так что, используя предложенную аналогию, можно сказать, что ход этой «волны», ее модуляция задаются именно пониманием...* [Гусев, Тульчинский 1985, 14].

Для нас важно отметить, что принцип фиктивности вводит в процесс метафоризации ее субъекта, который и определяет не только возможность подобия, обрабатываемого когнитивно за счет аналогии, но и антропометричность — способность помыслить одну сущность как если бы она была подобна другой, а это значит соизмерить их в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений, а вместе с тем — и с системой национально-культурных ценностей и стереотипов.

Антропометричность — это одно из проявлений антропоцентричности человеческого сознания (и знания) и основание антропоморфности. Антропометричность — это осознание человеком себя как «меры всех вещей». Тем самым мы рассматриваем антропометричность в рамках антропоцентричности, а антропоморфность считаем одним из следствий антропометричности (ср. также зооморфность и т. п.). Так, например, в метафорах *совесть заговорила* (в ком.-л.), *рука помощи*, *Лев — царь зверей* и т. д. легко просматривается антропоморфность, а в метафорах *совесть проснулась* (в ком.-л.), *рост цен*, *Облака плывут* и т. п. осознается более широкий спектр «-морфности»: это может быть любое олицетворение, одушевление и вообще — любое уподобление (ср. *раб страстей*, *червь сомнения*, *колебание настроения*, *разбитое счастье* и т. д. и

т. п.). Весь этот спектр может возникать в сознании и воплощаться в наименованиях только потому, что человек измеряет все формы бытия в масштабе своего опыта и знания и по своему образу и подобию.

Произвол в уподоблении ограничен лишь абсолютно «немыслимым» сходством, он зависит от воображения и опыта «языковой личности» [см. Петренко 1983], обладающей своим «личностным тезаурусом», под которым, по Караулову [1985, 12—18], понимается способность говорящего на данном языке создавать тексты на основе индивидуальных знаний о мире, зафиксированных в значениях слов и их ассоциативных комплексах, в соответствии с национально-психическим складом ума и личной заинтересованностью в интерпретации обозначаемых (или воспринимаемых) фактов.

Введение в модель метафоры параметра антропометричности обязывает рассматривать метафорический процесс как деятельность некоторой «языковой личности», соизмеряющей себя и мир в диапазоне «личностного тезауруса» (который и есть индивидуальная картина мира). В этой связи уместно напомнить гипотезу, высказанную Ю. Н. Карауловым, согласно которой «между семантикой и гносеологией» существует некий промежуточный уровень, который вбирает в себя индивидуальное видение или знание мира данным носителем языка.

Для метафоры как тропа существенно, что синтезирующую функцию в нем выполняет некая «языковая личность», которая независимо от стереотипности или, наоборот, нестандартности мировидения осуществляет свой выбор вспомогательной сущности. Этот выбор и есть интерпретация нового содержания в рамках старого знания (переживания, ощущения), его фильтрация через образное подобие, актуализирующееся в соответствии с модусом «как если бы». А это значит, что метафорический процесс всегда субъективен. Например, даже в таких обычных метафорах, как *лошадь* («крупная и некрасивая» или «здоровая и работающая женщина»), *стреляный воробей*, *ползти*, *переть на рожон*, *до кровавого пота* и т. п., проступает субъективное отношение творца метафоры к выбору вспомогательного объекта, образно-ассоциативный ореол которого характеризует положительную или отрицательную ценность обозначаемой реалии, а вместе с тем еще и «возвышает» либо же «принимает» ее в восприятии слушающего и вызывает у него одобрителную или неодобрителную эмотивную квалификацию. В наибольшей степени эта субъективность творца метафоры проявляется в выборе необычных для данной национально-языковой картины вспомогательных для метафоры средств (что характерно для художественных произведений). Ср., например: *Во мне горит огонь желаний* (при стандартной метафоре *пламень чувств*) или: *Природа — сфинкс...; Не то, что мните вы, природа: Не слепок, не бездушный лик — В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык* (Ф. Тютчев).

Субъективность метафорического порождения новых концептов удивительно гармонично сбалансирована с целями этого процесса. При эстетической нацеленности метафоризации субъективная модальность исходит от автора или лирического героя. При индикативной роли метафоры субъективная свобода выбора подчинена необходимости идентификации обозначаемого адресатом, а потому выбор вспомогательного

средства рассчитан скорее на знание, чем на воображение (*носик чайника, дом обуви, коренной зуб* и т. п.). Если формируется концептуальная метафора, то субъективность ассоциаций ее творца уравнивается контекстом той предметной области, в рамках которой формируется новое понятие (ср. пример *волна знаний*, приведенный на с. 40, а также раздел «Концептуальная метафора» наст. изд.). При функции оценочной субъективное отношение нейтрализуется знанием о ценностной значимости обозначаемого (ср. метафоры типа *острое зрение* — «хорошо», а *острый приступ* — «плохо», см. подробнее наст. изд., с. 55). При эмотивной ориентации метафоры субъективное отношение в ней не только не затушевывается, но, наоборот, именно ради его экспликации и осуществляется весь процесс, а концептуальное основание метафоры воспринимается с точностью до указания на «общее» свойство, состояние или процесс. Ср. обычное для словарей толкование метафорических наименований типа *стадо баранов* (прост., пренебр.) — о неорганизованной толпе, о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л. (Словарь русского языка АН СССР. М., 1981. Т. I, с. 61); *наляпать* 2. Плохо, небрежно, грязно написать, нарисовать (Там же, т. II, с. 369).

Таким образом, антропометричность, проявляющаяся в выборе того или иного вспомогательного для метафоры средства, вносит в метафоризацию субъективный фактор, который проявляется в разных функциональных типах метафор по-разному — в зависимости от ориентации метафорического результата на объективное отображение мира или же на субъективное.

Очевидно, что антропометричность — один из наиболее продуктивных механизмов формирования языковой картины мира. Достаточно сказать, что сфера обозначения непредметных сущностей пополняется в основном за счет метафорического смыслопроизводства, а это последнее «питается» антропометрическим взглядом на «возможный мир» [см. Телия 1987]. Достаточно сказать, что в языке существуют целые парадигмы связанных значений слов, восполняющие дефицит номинации в указанной сфере. И в этих парадигмах прослеживается иррадиация «корневых» (по Лакову-Джонсону [Lakoff, Johnson 1980₂]) метафор. Ср., например, метафору *пламя чувств* и ее «дериваты» — *сгорать от любви, страсти* и т. п., *горячая любовь, жгучая ненависть, испытывать теплые чувства, погасить пламя страсти, желаний* и т. д. и т. п., ср. также представление о мысли как о чем-то живом и метафоры *зародыш мысли, развитие мысли, мысли шевелятся (в голове), скачут, прыгают, уходят, приходят, вылетают (из головы)* и т. д. и т. п. [подробнее см. Телия 1981]. Принцип антропометричности — мощный рычаг познания, когда объект не дан в непосредственных ощущениях. А. К. Жоль пишет: «Человек всегда стремится абстрактное интерпретировать в терминах чувственного опыта, соотнося трансцендентное со своим жизненным опытом посредством аналогии, сопровождая ее (при наличии критического подхода) использованием «принципа фиктивности» (*als ob* «как если бы»). Особенно полный косвенными изображениями по аналогии наш обычный разговорный язык» [1984, 127].

Итак, модус фиктивности «как если бы» — это и есть то «зажигание», которое пробуждает в сознании восприятие мира сквозь призму антро-

пометричности, высвечивающую образно-ассоциативные комплексы, приводит в движение аналогию — когнитивную операцию, вовлекает в интеракцию субъекта метафоры и ее гетерогенные объекты. Эти три кита метафоризации — замысел, цель и принцип фиктивности предопределяют не только отбор объектов, представляющих новое и старое знание, но и интеракцию между ними, проходящую как когнитивная их обработка, т. е. как «вычерпывание» из этих объектов признаков, релевантных для нового концепта, с последующим их синтезом. Если замысел и цель предопределяют основание метафоры, то принцип фиктивности обеспечивает выбор ее носителя или, лучше сказать, донора — того языкового выражения, которое поделится своей «кровью и плотью» с формирующимся понятием.

Что касается основания метафоры, то о нем уже неоднократно говорилось выше. Однако следует отметить, что природа этой сущности остается во многом неясной. Скорее всего это еще не мысль о мире, а формирующееся во внутренней речи (на уровне ее «предметного кода», по Жинкину [1982]) по ходу организации сообщения (текста) представление или гносеологический образ некоторого внеязыкового объекта. Но эта гипотеза должна быть подтверждена специалистами по когнитивной психологии. Тем не менее, то, что основной объект метафоры не мысль, а еще «неоформленная масса мысли», подтверждается ее незавершенностью, а потому — «несказанностью», пока она не вберет в себя признаков, которые субъект метафоры «переносит» в нее из вспомогательной сущности. Ясно, что основание метафоры может представлять собой гносеологический слепок с уже имеющейся реалии (например, *носик чайника, окно* в расписании и т. п.), или же отвлеченное понятие с еще нечеткими контурами (типа *поле деятельности, возможный мир* и т. д.), или образ, ассоциируемый с некоторым символом, стереотипом (типа *березка, петух, ползти, твердый* и т. п.), а также образ-«картина» (аллегория, иносказание и т. п.), замысел которой определяется целью создания художественного произведения (подробнее о типологии метафор см. [Телия 1987]).

В качестве вспомогательной сущности во всех концепциях метафоры выделяется имя в его «буквальном значении», используемое в качестве носителя для выражения нового значения. Как представляется, реальность сложнее. Если обратиться к самонаблюдению как одному из видов лингвистического эксперимента, то представляется, что, выбирая уже готовое наименование, пригодное для метафорического взаимодействия с основной сущностью, мы тем самым идем от значения этого наименования к его обозначаемому (в актах номинации — к экстенсionalу): ведь путь к отображаемому миру идет через знание значений, на него указывающих. Очевидно, что подобие (как изначальный шаг метафоризации) устанавливается не только по значению, но и по свойствам обозначаемого. Так, если представить себе элементарный метафорический акт типа *Он — осел*, то в нем в качестве исходной вспомогательной сущности используется «буквальное значение» слова *осел*, которое вызывает в сознании «энциклопедический» образ референта, а кроме того — еще и возбуждает тот образно-ассоциативный комплекс реалии *осел*, который отображает стереотипное для данного национально-языкового коллектива

представление о том, что осел — животное упрямо-глупое. Аналогичным образом метафоре типа *колебаться* предшествует как «буквальное значение», указывающее на равномерное отклонение от оси движущегося объекта в каком-либо пространственном измерении, так и один из стереотипных образно-ассоциативных комплексов, выделяющих в этом физическом действии либо отсутствие стабильности (отсюда значение 'быть неустойчивым, непостоянным'), либо сбой в ритме колебаний ('терять прежнее значение, расшатываться'), либо смену «позиций» (значение 'быть в нерешительности, испытывать неуверенность') [Словарь русского языка АН СССР. М., 1982, т. II, с. 71]. Для нас важно отметить эту «частичность» в актуализации признаков переосмысливаемого значения и сопутствующих ему ассоциаций, выборку из самого значения скорее глобального образа, а из ассоциаций — специфических его черт. Так, в метафору *осел* из буквального значения в метафорическое перешел признак одушевленности (и только!), в метафору *колебаться* — признак 'отклонение'. «Насыщение» же метафор шло по пути ассоциативных подобий. Так что роль «буквального значения» в метафоре не столь велика, как принято думать: это значение — скорее актуализатор ассоциативного комплекса, чем собственно метафорический источник.

Следующий шаг в формировании метафоры — это фокусировка существенной для метафоры информации в сообщении (тексте), что осуществляется в смысловых контейнерах разной протяженности. Минимальным контейнером может служить словосочетание (типа *бремя славы, железная воля*), но, как правило, в этом качестве выступает высказывание (*Он колебался в выборе решения; Авторитет начальства поколебался; Погода все время колеблется* и т. п.).

Условием для «протяженности» контейнера является возможность «разгадать» метафору за счет актуализации ассоциаций, формирующих ее смысловое содержание. Так, метафоры *У него острый слух, Он стреляный воробей, Это не женщина, а ломовая лошадь* и т. п. не нуждаются в широком контексте: их понимание обеспечено стереотипностью вспомогательных сущностей. Совершенно очевидно, что метафоры этого типа функционируют в обиходно-языковой сфере. В области научной или художественной метафора нуждается в «наведении». В первом случае она должна восприниматься и интерпретироваться в определенной концептуальной парадигме знания, а во втором — в рамках того образа мира, который изображает автор. Так, метафора *член* (предложения) уместна в синтаксической концепции, которая усматривает в предложении главенство одних и второстепенность других элементов (как если бы они были членами некоторого сообщества); метафора *поверхностная структура* зародилась в рамках другой концепции предложения — в трансформационной грамматике и т. п. Аналогичным образом, пушкинская метафора *звезда пленительного счастья* обрела вторую жизнь после того, как стихотворение «К Чаадаеву» (1818 г.) было опубликовано в альманахе «Северная Звезда» (1929); только в контексте поэмы «Мертвые души» заполняется содержанием этот метафорический заголовок и т. д.

Итак, говорящий, создавая текст, фокусирует внимание на тех признаках вспомогательного значения, которые отвечают условиям подобия.

Само же значение «сужается» и начинает играть роль фильтра, через который просматривается новое понятие. При этом в процессе фокусировки к «буквальному значению» подключаются ассоциации, релевантные относительно актуализированного образа (понятия, представления) вспомогательного референта (как, например, к редуцированному до категориально-грамматического компонента значения слова *осел* подключаются признаки, характеризующие это существо как глупо-упрямое и т. п.). Вследствие этого в аналогии как способ когнитивной обработки «массы мысли» о новом объекте втягиваются и редуцированное «буквальное значение», и сопутствующие ему в данном смысловом контейнере ассоциации. Именно эта редукция черт вспомогательного референта и его ассоциативного комплекса за счет актуализации в них черт, сфокусированных в метафорическом процессе, и создает предпосылки для нивелирования различий в логических порядках нового концепта и вспомогательной сущности, которые, как отмечалось еще Аристотелем, непременно принадлежат либо к разным родам, либо видам.

Поясним еще раз примерами изложенное предположение. В метафоре *волны протеста* «периодические и сильные подъемы (протеста)» в качестве вспомогательной сущности выступает не весь объем «буквального значения» мн. числа слова *волна* «1. водяной вал, образуемый колебательными движениями водной поверхности» [Словарь русского языка АН СССР. М., 1981, т. I, с. 204], а только тот его фрагмент, который указывает на признаки подъема и колебательного характера движения, т. е. признаки, которые отвечают замыслу и цели метафоры. В приведенном примере эти признаки фокусируются опорным наименованием *протест* (ср. *волна гнева*, где не фокусируется признак периодичности). Признак «подъем» (протеста) «заимствуется» из ассоциативного фонда — из знания того, что волна — это всегда некоторая «возвышающаяся» относительно горизонтального уровня масса воды. При этом высота в реальности может быть и незначительной. За счет чего же создается впечатление «мощи» той волны, которая обозначает периодический рост протеста? Как представляется это впечатление — результат интеракции основного и вспомогательного объектов метафоры: в замысле уже было заложено представление о силе протеста, а в самом понятии протеста содержатся признаки «решительности», т. е. сосредоточия воли, что и создает количественный «прирост» к метафоре *волны* (ср. метафорические значения слов *волны страха, ужаса*, где актуализируется не столько мощь этих чувств, сколько чередующийся в них спад и подъем). В отрывке из стихотворения Б. Пастернака «Пока мы по Кавказу лазаем...» создается образ Куры, стиснутой горами и рассматриваемой сверху: *И в задыхающейся раме Кура ползет атаккой газовой К Арагве, сдавленной горами*. Здесь совмещаются основной объект метафоры «Кура течет в ущелье, наполненном туманом» и объект вспомогательный, который состоит не из «буквального значения» высказывания в целом, а только из указания на бесшумность движения Куры, на ее подобие газовой атаки, а кроме того — еще и из ассоциаций, придающих этому пейзажу зловещий и смертоносный характер, что достигается фокусировкой признаков «ползет», «задыхающаяся», «сдавленная» и т. п.

Таким образом, в метафоре происходит не простое уподобление (типа сравнения), а своего рода «перетасовка» признаков в процессе интеракции основной сущности и двух вспомогательных — признаков, актуализирующихся в «буквальном значении», и признаков, ассоциируемых с представлением о референте этого значения, рассматриваемом, однако, с точки зрения замысла метафоры и ее цели. Все эти признаки «запускаются» в синтез посредством их выравнивания на основе аналогии, завершающей когнитивную их обработку в рамках целостного концепта.

Резюмируя анализ метафорического процесса, можно сказать, что метафоризация — это процесс, приводящий к получению нового знания о мире в ходе его оязыковления путем использования уже имеющихся в языке наименований. В этом процессе взаимодействуют следующие сущности (или актанты): субъект метафоры и его новое знание о мире — с одной стороны, а с другой — его знание языковых значений и их ассоциативных комплексов (личный тезаурус); субъект метафоры и его замысел относительно объема нового понятия и цели метафорической интеракции, что включает в этот процесс и фактор адресата. Кроме этих сущностей, в метафоре взаимодействует ряд процессов и отношений. К числу отношений, объединяющих субъекта метафоры и ее вспомогательные средства, относятся модус фиктивности «как если бы *X* тождествен *Y*», модус антропометричности, который соизмеряет свойства *Y*-а со стереотипами в масштабе знаний человека о мире или языковой картине мира; оценочный модус, сопоставляющий ценность *X*-а некоторой шкале, на которой распределена система оценок, принятая в данном социуме; эмотивный модус, содержанием которого является выражение чувств-отношений, шкалируемых в диапазоне одобрения/неодобрения, стимулированных тем, что *X* предстает в ипостаси (образе) *Y*-а. Последние два модуса не являются облигаторными для метафоры — они используются с целью выражения оценочной или эмотивной функций. Не является облигаторным и эстетический модус, соотносящий образ *Y* с прекрасным или безобразным. Видимо, следует как особый модус рассматривать и стилистический «режим» метафорического процесса.

Характерными для метафоры процессами являются: фокусировка и фильтрация признаков вспомогательных объектов — «буквального значения» и образно-ассоциативного представления о его референте, рассматриваемом уже с точки зрения основного объекта. Это рассмотрение и является фильтрацией прежнего знания (языкового и ассоциативного) с учетом нового через форму значения переосмысливаемого имени. Затем следует процесс выравнивания признаков, характерных для основного объекта метафоры и ее вспомогательных средств, и синтез этих признаков, закрепляемый посредством оязыковления, или вербализации, концепта, протекающего как акт номинации.

Как уже было отмечено выше, «каждая метафора — это верхушка затопленной модели» [Black 1979, 31]. Выше была предпринята попытка рассмотреть как раз «затопленную» часть модели метафоры, а именно — как такое средство создания новых наименований, в котором используется исключительно семантическая и потому «скрытая» лингвокреативная, по Серебрянникову [1983, 106—109], техника.

Остается только удивляться тому, что в то время как словообразо-

ванию посвящены многочисленные монографические исследования и отдельные разделы в общих курсах, метафора изучается эпизодически и скорее как стилистическое средство, нежели универсально-лингвокреативное. Очевидно, причина этого кроется в том, что механизмы метафорического процесса «скрыты», а лингвистика начала оперировать «глубинными» структурами только в последние десятилетия.

Нет сомнения в том, что метафоризация как один из тропических способов смыслопроизводства займет в теории языка еще более заметное место, нежели словообразование, поскольку метафора когнитивно обрабатывает не только номинативные единицы языка — слова и сочетания слов, но и строевые элементы языка, а также любые осмысленные отрезки текста — начиная от высказывания и кончая целым текстом. Так, в явлении транспозиции (или номинализации) метафора «работает» в грамматическом компоненте словообразования, «опредмечивая» состояние, отношение или процесс, обозначаемый словами, путем придания им категории предметности или качества (ср. *устареть* — *устарение*, *красивый* — *красота* и т. д.). В словах типа *толпища*, *литературищина* и т. п. эффект экспрессивности — интенсификации или качественной характеристики — достигается за счет так называемых суффиксов субъективной оценки, которые есть не что иное, как продукт метафоры (ср. также *домище* «большой дом» и *дружище* — обращение к близкому другу; *платочек* «маленький платок» и *дружочек* — ласковое обращение к хорошо знакомому человеку и т. п.). Метафоры-высказывания (если даже отвлечься от таких стандартных для фольклора способов иносказания, которые представлены в пословицах и поговорках) — наиболее естественная форма смыслопроизводства, поскольку именно в высказывании и осуществляется метафорическая номинация (ср. разделы «Упорядоченность научной теории и языковые метафоры» и «Метафора в терминологии микроэлектроники» наст. изд.), где описаны способы «автономной» метафоризации, ориентированные на дескрипцию референта).

Ядерными для метафоризации конструкциями являются, конечно же, предложения тождества типа *Лев — царь зверей*; *Депутат — слуга народа* или предложений с глаголами-сказуемыми типа *Поезд пролетел мимо городка*; *В воротах выюга вяжет сеть из густо падающих хлопьев* (Б. Пастернак) и т. п. В предложениях этого типа псевдotoждество может быть «разоблачено» путем экспликации принципа фиктивности (в полной или редуцированной его форме), ср. *Лев — как бы царь зверей*; *Поезд как стрела/как бы стрелой пролетел мимо городка*; *Вырываясь с моря, из-за почты, Ветер прет на ощупь, как слепой* (Б. Пастернак).

Роль контейнера для метафорического смыслопроизводства может выполнять любое высказывание, потому что независимо от «расстояния» между его поверхностной и глубинной структурами метафора угадывается по «сбою» в логическом порядке выбора лексико-грамматических средств организации предложения. Именно это «упреждение» и дает простор для метафорического смыслопроизводства. Ср. пример из уже цитированной научно-популярной книги [Гусев, Тульчинский 1985]: *Понимание выступает как бы «эфиром», пронизывающим все формы познания и сопутствующим им... Не является ли понимание научной роскошью, без которой можно вполне обойтись?* (где выделены

метафорические фрагменты); широко известны примеры метафорических заголовков, которые обязывают воспринимать весь текст как метафору («Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «История города Глупова» М. Е. Салтыкова-Щедрина и т. п.), ср. также известный прием «театра в театре» (сцена с бродячими актерами в «Гамлете» В. Шекспира и т. д.). Но эти приемы уже выводят анализ возможностей метафорических способов смыслопроизводства за пределы изучения собственно лингвокреативной их техники.

Итак, метафора — это способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющих в данной семиотической системе. И при этом для метафоры существенно, что она изначально настроена на диалогическую форму развития ее содержания и понимания, благодаря модусу «как если бы», который ориентирован на «внутреннее» соглашение принять это условие фиктивности (и убедить в ней адресата). Вводя метафору, этот модус обеспечивает возможность выбора имени, сколь угодно отдаленного по содержанию и родо-видовым различиям; этот же модус обеспечивает субъективность включаемых в интеракцию ассоциативных комплексов; только благодаря принципу фиктивности оказывается возможным нарушить логический порядок текста с тем, чтобы обогатить его новыми смыслами.

Понять метафору — значит разгадать, какие из свойств обозначаемого объекта выделяются в ней и как они поддерживаются за счет ассоциативного комплекса, имплицитного основным и вспомогательным объектами метафоры. Неоднозначность прочтений присутствует в метафоре, поскольку ее основной объект скрыт за вспомогательным, но оба они в конечном счете образуют единый сплав — новое значение.

Метафора «начинается» с принципа фиктивности, живет им и умирает, если этот принцип перестает осознаваться во внутренней форме наименования.

Возвращаясь к экспрессивно-оценочной функции метафоры, мы опишем ее с применением тех параметров, которые были разобраны выше, полагая, что некоторая схематизация описания будет возмещена деталями, обычно не попадавшими в поле зрения исследователей.

Экспрессивно-оценочная, или эмотивно окрашенная, метафора обладает наиболее сложным построением (по сравнению с другими языковыми метафорами, если отвлечься от метафоры художественной)⁵. Все, что характерно для архитектоники оценочной метафоры, включается и в описываемую метафору, однако модус фиктивности имеет здесь другую судьбу: он сохраняется во всей полноте (хотя в поверхностно-синтаксическом представлении его не всегда удается «развернуть», ср. *Он петух* ⇔ *Он как бы петух* ⇔ *Он ведет себя так, как если бы был петухом*; *Она возносит до небес достоинства своей дочери* ⇔ *Она так*

⁵ Заметим, что название рассматриваемого типа метафоры еще не получило канонической формы. Мы называем ее экспрессивно-оценочной, имея в виду «вершинность» в ее семантике экспрессивной функции, однако при рассмотрении в иерархическом срезе, идущем от денотации, можно говорить об оценочно-экспрессивной метафоре, поскольку она всегда «наслаивается» на оценочный смысл; употребляя термин «эмотивно окрашенная метафора», мы фиксируем ее онтологию.

возвышает достоинства своей дочери, как если бы возносила их до небес и т. п.). Это сохранение в готовой метафоре модуса «как если бы» и служит причиной эмотивности данной метафоры. При этом мы считаем, что «местом» для выражения эмотивности в семантике языковых единиц является коннотация, т. е. тот макрокомпонент значения, который включает в себя, наряду с образно-ассоциативным комплексом, переходящим во внутреннюю форму, эмотивную модальность и стилистическую маркированность (подробнее о коннотации см. [Телия 1986]).

Эмотивность — это и есть то основное содержание, ради которого «делаются» такие метафоры. Чтобы эмотивность была действенной, т. е. вызвала бы у реципиента метафоры эмоциональное отношение к ее обозначаемому, необходимо сохранение в метафоре психологического напряжения, а именно — осознание «двойственности» ее планов и прозрачности образа, который по сути дела и вызывает то или иное эмоциональное отношение. В свою очередь, чтобы образ «работал», необходимо сохранение модуса фиктивности — допущение о том, что *X* должен рассматриваться так, «как если бы» он был *Y*-ом. Такое положение дел невозможно ни для индикативной, ни для концептуальной метафоры, ибо их результат должен получить «твердую десигнацию», т. е. прямую связь с денотацией. Оценочная метафора потеряет свою аксиологическую ориентацию, если в ней сохранится принцип фиктивности. Метафора художественная также должна избавиться от осознания в ней фиктивности, чтобы быть «правдоподобной». И только эмотивно окрашенная метафора, сам замысел которой заключается в возбуждении у реципиента программируемого в этой метафоре эмоционального отношения, может отвлекаться как от условий истинности и нормативности, так и правдоподобия. Для нее достаточно, чтобы адресат понял на основе образа, представленного в «буквальном значении» и дополненного ассоциативным комплексом, одобряет или не одобряет субъект метафоры то, что ею в реальности обозначается. Именно поэтому образ (или внутренняя форма как мотивирующее основание метафоры) и удерживается в метафоре этого типа «до последнего», т. е. не только в процессе метафоризации, но и в ее продукте — в метафорическом значении имени. Так, когда кто-то сообщает кому-то о том, что некий *X* — *рыцарь*, то на первый план выходит не дегустация («такой человек, который обладает благородством») и не оценка («и это «хорошо»»), а то, что «*X* по-рыцарски благороден, и это вызывает у реципиента положительно-эмоциональное расположение к *X-y*» (ср. также выражение *рыцарь чести*, где релевантна информация о преданности чести, или *раб страстей*, где в фокус сознания попадает смысл безвольности, которая и вызывает презрение к *X-y* у реципиента и т. д.).

Приведенные выше примеры показывают, что эмотивно окрашенная метафора уже на уровне замысла нацелена на то, чтобы за счет образной окраски (представления, вызываемого стереотипом, характерным для данного национально-культурного социума, или каким-либо «уникальным» образом, или просто звуко-символического оформления выражения типа *абракадабра* или *тары-бары-растбары*) вызывать эмотивное отношение, которое также имеет форму модальности (как и оценочное отношение) типа *de re*. По содержанию это отношение — достаточно сложный смысл,

который укладывается в диапазон одобрения/неодобрения, но представляет собой целую палитру чувств-отношений, не являющихся «большей» или «меньшей» степенью, ни вариантами одобрения/неодобрения, но социологизированное переживание того, что обозначено в денотации экспрессивно-оценочных наименований [ср. Лукьянова 1986, 45—55]. Так, например, маркеры эмотивности, которые в словарях обычно передаются в форме помет *презрит.*, *пренебр.*, *уничижит.* или *одобр.* (реже — *восторгж.*, *восх.*, *ласкат.*) — это на самом деле достаточно сложные смысловые структуры, которые теснейшим образом связаны с presupпозициями текста (иначе — со знанием говорящего о свойствах всех предпосылок и последствий выражаемого чувства-отношения). В качестве иллюстрации можно привести содержание такого маркера эмотивности, как *презрение* (ср. *Это не рабочие люди, а рвачи, — с презрением сказал кто-то; Он — лизоблюд, — с презрением подумал я; Сколько можно лизать пятки своему начальству, — с презрением к «лизунам» сказал он* и т. п.): *X презирает Y-а за Z по основанию Q* означает, что 'X (лицо или социальный коллектив) считает себя носителем определенного морально-нравственного канона (или представителем престижного социума, или «высокой» расы и т. п.), а Y, по мнению X-а, нарушает либо канон (либо входит в непрестижный социум или в «низшую» расу и т. п.), и это «плохо», и то, что Y проявляет себя, как если бы он был неким референтом «буквального значения» выражения, вызывает у X-а отрицательную эмоциональную реакцию, осознаваемую в форме чувства раздражения, возмущения, гнева и т. п.' Говорящий, выбирая данное имя, хочет возбудить аналогичную реакцию у реципиента (более подробное и тщательное описание семантических предикатов, отображающих отрицательные чувства-отношения типа презрения, пренебрежения и т. п. см. [Графова 1986]).

Совершенно естественно, что в речи каждый раз актуализируется тот или иной состав переменных эмотивных маркеров, а следовательно, и их содержание. Так, говоря, что кто-то *рвач*, субъект речи выступает как представитель определенного морально-нравственного канона и, возможно, выбором этого метафорического (в исходе) имени хочет выразить еще и возмущение, стимулированное тем, что рвачи «позорят» честных людей; говоря, что некто — *быдло*, субъект речи апеллирует к социальной престижности и хочет вызвать у реципиента чувство раздражения по поводу «скотоподобности» объекта презрения и т. д. Видимо, пометы, которыми составители словарей пытаются обозначить эмотивность выражения, не могут быть достоверными без указания сведений того типа, которые были приведены выше, поскольку для семантики эмотивности релеванты «ролевые» сведения, а также те конкретные условия ситуации (в жизни или в тексте), которые «толкают» говорящего к выбору экспрессивно-оценочного наименования благодаря его способности вызвать у адресата эмотивную реакцию.

Итак, экспрессивно-оценочная метафора — это результат такого смыслопроизводства, который сохраняет в «готовом» наименовании исходный модус фиктивности, оценочный модус и добавляет эмотивный модус (который и маркирует данный тип метафорического значения). Обычно кортеж модальностей сопровождается и стилистической окраской,

поскольку такое наименование не может оставаться нейтральным относительно отношения к собеседнику или к условиям речи. Например, в высказывании *Этот чиновник — стреляный воробей* вершиной является модальность неодобрения, которая наслаивается на оценочную модальность ('то, что он — имеет опыт в чиновничьей «политике» — «плохо») и на модус фиктивности ('как если бы он был стреляным воробьем'), что имплицитно просторечно-разговорный характер этого высказывания (оно невозможно в официальной речи).

У экспрессивно-оценочной метафоры есть еще одна особенность (помимо ее эмотивности): она фактически не преобразуется ни в чисто оценочные значения, ни тем более — в дескриптивные, оставаясь в строю экспрессивных средств до утраты образности, а в этом последнем случае экспрессивно-оценочное значение просто забывается (ср., например, такие слова, как *татъ*, *буржуй*, *вырожденец* и т. д. и т. п.). Это «запрет» на нейтрализацию эмотивности связан с тем, что в экспрессивно-оценочной метафоре подобие также преобладает над тождеством, как и в других типах метафорических процессов. Однако то, что результат этой метафоры должен вызывать у реципиента не просто отрицательную или положительную оценку, но такие яркие чувства-отношения, как презрение, пренебрежение, унижительное отношение, порицание и т. п. или же восхищение, восторженность и т. п., обуславливает необходимость осознания «как если бы»-подобия, т. е. осознание образной или стереотипной «подоплеки» метафоры. Не случайно, видимо, и то, что экспрессивно-оценочная метафора обычно основана на некотором стереотипном (или эталонном) для данного национально-культурного коллектива образно-ассоциативном комплексе. Так, привычны для русского слуха такие образы-квазистереотипы неуклюжести, как *медведь*, *пень*, *бревно*; глупость привычно ассоциируется с образно-ассоциативными представлениями о баране, осле, дубе, а смелость — об орле, соколе; медленное движение — с ползанием, а быстрое — с летом, все никчемное — с представлением о развале, дряхлости и т. п., отсюда — *развалюха*, *тряпье*, *старье* и т. д.

В таком соположении в метафоре основного объекта и явно стереотипизированного вспомогательного средства тождество и не может свершиться, нивелироваться. Аналогичная яркость контрастов характерна и для «необычных» экспрессивно-оценочных метафор, примеры которых были приведены в начале работы (ср. также *промывание мозгов*, *взвинчивание цен*, *истерия звездных войн* и т. п. публицистические неологизмы).

Внутренняя форма экспрессивно-оценочной метафоры остается функционально нагруженной: она сигнализирует о том, что субъект, использующий метафору, относится к обозначаемому метафорического значения так, «как если бы» оно было тем, что соответствует ассоциациям, актуализируемым данным образом. Ср. *У нее железная воля* 'у нее такая воля, как если бы она была железной'; *Он все время прет на рожон* 'он ведет себя так необдуманно агрессивно, как если бы пер на рожон'; *Не человек — змея* 'он опасен, как если бы был змеей' и т. п. Необходимо обратить внимание еще на то, что характерное для экспрессивно-оценочной метафоры обращение к квазистереотипам и есть проявление принципа антропометричности: квазистереотип не может ввести в за-

блуждение именно в силу того, что он антропометричен, а именно — соизмерен человеческому представлению о некотором референте как носителе определенных свойств, которыми этот референт может и не обладать (как не обладает упрямством осел, глупостью — баран, неопрятностью — свинья, ползти можно и быстро, а парить — не обязательно величественно, твердый не обязательно крепкий — твердое может быть и хрупким и т. д. и т. п.). Именно антропометричность, как уже отмечалось выше, вносит в язык как межъязыковую идиоматичность, так и универсалии (см. раздел «Метафора: универсальное и специфическое» наст. изд.). Но есть и еще одна причина для стереотипности образов, на которых базируется экспрессивно-оценочная метафоризация: она предоставляет материал для обиходно-разговорной стихии речи, а в ней нужна легкая опознаваемость, шаблонность, клишированность.

Экспрессивно-оценочная метафора при всей ее обычности и «обиходности» пополняет все же лексику непредметной действительности, а именно — характеристику свойств личности, ее поступков, в меньшей степени — свойств предметов и абстрактных сущностей. Метафора этого типа не только и не столько необходима для целей расчленения и вербализации действительности, сколько для прагматических целей: она не описывает, а выражает через исходный образ эмотивное отношение говорящего к обозначаемому данного языкового знака, обуславливая экспрессивность тем, что в ней совмещаются по крайней мере три модальности — оценочная, эмотивная и стилистическая, что является достаточно сильным прагматическим слоем в семантике экспрессивно-оценочных значений и что предопределяет условия их функционирования.

МЕТАФОРА И ОЦЕНКА

Связь метафоры и оценки «хорошо/плохо» далеко не однозначна. В самом деле, среди метафорических выражений немало таких, которые содержат оценочные смыслы, ср., например: *Несмотря на все горе, что он ей причинил, все-таки у нее осталось, говорила она, очень светлое чувство* (Т. Толстая) (и это хорошо, оценка «+»); *Дело пахло судом* (Ильф и Петров) (и это плохо, оценка «-»); *А дома — унылые зеленые обои, граненый стаканчик абажура в прихожей, тусклая теснота* (Т. Толстая) (и это плохо, оценка «-»).

Однако не менее, если не более, многочисленны метафоры, значение которых с оценкой никак не связано: *Ворвавшись в подъезд, Иван Николаевич взлетел на второй этаж* (М. Булгаков). Хорошо это или плохо? Очевидно, ни то, ни другое, это выражение безразлично к оценке. Ср. еще примеры: *Осенний ветер играл бумажками* (Т. Толстая); *Пятнадцать семей завернулись в обменной цепи* (Там же); *Проезжал пожарный обоз, и Полесов, взволнованный звуками трубы и испепеляемый огнем беспокойства, бежал за колесницами* (Ильф и Петров).

Очевидно, соотношение метафоры с оценкой требует специального изучения. В этой связи встают два вопроса: это вопрос об отношении оценка — метафора, т. е. о том, как ведут себя при метафоризации оце-

ночные слова, и вопрос об отношении метафора — оценка, т. е. о том, как метафорические выражения приобретают оценочное значение и какие здесь существуют закономерности.

Возможность возникновения оценочного смысла при метафоризации связана с самой природой метафоры. Известно, что в построении метафоры участвуют четыре компонента — это два объекта, основной и вспомогательный, соотносённые друг с другом (их называют субъектами метафоры), и свойства каждого из них [Black 1962]. Метафора создается путем предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта [Арутюнова 1979, 171]. Если отсутствуют объекты или признаки, то метафорического переноса не происходит. Отсюда следует, что общеоценочные слова (*хороший/плохой*), в том числе и аффективные (*прекрасный, великолепный, дрянной, отвратительный* и т. п.), не могут иметь метафорических смыслов, так как они не обозначают дескриптивных признаков объектов, а выражают лишь отношение субъекта оценки к ее объекту. Иными словами, здесь отсутствует семантическая основа метафоризации.

Разумеется, общая оценка «хорошо/плохо» обычно выводится на основе дескриптивных признаков объектов, однако самих этих признаков общеоценочные слова в своей семантике не содержат. Ср. *кислый лимон* и *кислое настроение* — перенос признака на нематериальный объект создает метафору; но *хороший лимон* и *хорошее настроение* — переноса признака не происходит, так как дескриптивный признак не назван: *хороший* и в том и в другом случае содержит лишь оценку. Ср. также *великолепный лимон* и *великолепное настроение, отвратительный лимон и отвратительное настроение*.

Иногда общеоценочное *хороший* может входить в состав метафорических выражений: *он — хороший осел*. В побочных случаях *хороший* выступает в функции интенсификатора признаков, которые содержат собственно метафорическое выражение *осел*; ср. также *хорошая же он дубина* и т. п. *Хороший* в таких выражениях не соотносится с *плохой* и не может рассматриваться как собственно оценочное слово. В других случаях оценочные слова, присоединяясь к метафорам, сохраняют свое основное оценочное значение: *Осунувшийся Юра горел нехорошим пламенем, жалко было на него смотреть* (Т. Толстая) — здесь собственно метафора — *горел пламенем*.

Напротив, оценочные прилагательные, которые включают в свой состав дескриптивные семы, т. е. прилагательные так называемой частной оценки, легко приобретают метафорические смыслы: перенос признака с объектов физического мира на другие объекты составляет один из основных способов метафоризации: *кривая линия* и *кривая усмешка, прямая линия* и *прямой ответ, прямой характер, прямой разговор, прозрачное стекло* и *прозрачный намек, светлая ткань* и *светлое чувство* и т. п.

Прилагательные, которые характеризуют предметные объекты по физическим свойствам, сами по себе не содержат оценочных смыслов. Так, например, *прямая линия* не лучше и не хуже *кривой*, *прозрачное вещество* не лучше и не хуже *непрозрачного*, *светлая ткань* не лучше и не хуже *темной*. Между тем, *кривая усмешка* содержит оценочную коннотацию «плохо», а *прямой характер, прямой разговор* — коннотацию «хорошо». Таким

образом, при метафоризации у прилагательных (хотя, как будет показано ниже, далеко не у всех) возникают оценочные смыслы. *Кривая дорожка* — в прямом значении словосочетание не имеет оценочных коннотаций, в метафорическом — получает смысл «плохо», ср. также метафорические сочетания со словами *светлый* и *темный* — *светлое чувство*, *светлая личность*, *светлая голова*, *светлые воспоминания* и т. п. и *темные чувства*, *темная личность*, *темные цели* и т. п.; здесь *светлый* имеет очевидный оценочный смысл «+», а темный — «-», причем *темный* становится почти синонимом *плохой*.

Встает вопрос, оказывает ли исходное значение прилагательного влияние на оценочный смысл и если да, то каким образом. Существуют пары прилагательных, дескриптивные смыслы которых имеют постоянную связь с одним из оценочных знаков. Так, например, в паре *свежий/гнилой* первый элемент связан с оценкой «хорошо», а второй — «плохо»: *свежие фрукты* и *свежая мысль* (знак «+»), *гнилые фрукты* и *гнилой интеллигент* (знак «-»). Особенно четко сохраняется оценка (смысл) отрицательного характера¹. Однако в других случаях оценочные смыслы прилагательных в прямых значениях, указывающих на дескриптивные свойства объектов, определяются местом этих объектов (с соответствующими признаками) в картине мира и не могут рассматриваться как принадлежащие самим прилагательным. Так, светлая комната представляется лучше темной для жилья, так как по нормативным представлениям социума жить в светлой комнате считается хорошо; ср., однако, фотографа, которому нужно проявлять снимки: эта комната слишком светлая, в ней нельзя работать. Иными словами, оценки объектов, которым приписываются физические признаки, определяются нормативной картиной мира данного социума. Ср. также: *Чай уже чуть теплый, налей погорячее* — здесь теплый чай рассматривается как плохой. Однако в метафорах *теплые чувства*, *теплое отношение* *теплый* имеет положительные оценочные коннотации. Следовательно, оценочный смысл метафор не обязательно коррелирует с оценочным смыслом исходных выражений. Тем не менее, многие прилагательные в метафорических сочетаниях приобретают оценочные смыслы, причем эти смыслы оказываются постоянными, ср. уже упомянутые светлый («+»)/темный («-»), теплый/горячий («+»)/холодный («-»), острый («+»)/тупой («-»), высокий («+»)/низкий («-»), широкий («+»)/узкий («-») и др. Можно предположить, что оценочные коннотации свойственны этим прилагательным именно как единицам, образующим метафорический ряд. Иными словами, оценка входит в метафорический концепт таких прилагательных [Lakoff, Johnson 1980², 3 и сл.] Ср. *светлый* — ум, личность, образ, улыбка, чувство, воспоминание, мечты, идеалы, цели, будущее, дорога; *темный* — личность, дела, прошлое, чувства, цели; *теплый* — слова, чувства, отношение, письмо, встреча, прием, обстановка, атмосфера; *холодный* — слова, чувства, отношение, письмо, встреча, прием, атмосфера; *широкий* — сердце, взгляд, душа, понима-

¹ Как не раз отмечалось психологами, отрицательные смыслы отражают отклонение от нормы и требуют некоторых действий по исправлению положения. Информативно они более значимы и поэтому бывают более четко выражены [Батыршин, Шустер 1984, 31].

ние, кругозор; *низкий* — взгляд, интересы, кругозор, понимание (в примерах использованы материалы из Учебного словаря [УСС 1978]).

Таким образом, исходным для оценочного смысла метафоры может быть как определенный оценочный знак, так и нейтральная оценка. Смены знака при метафоризации частнооценочных прилагательных не происходит (так, *гнилой* в метафоре вряд ли получит знак «+»). В то же время общеоценочное *хороший* может менять знак в метафорических аффективных конструкциях: *хорош гусь!* (о жареном гусе) — знак «+» и *хорош гусь!* (о человеке) — знак «-».

Если же в прямом значении выражение не связано с определенным знаком и его оценочный смысл меняется в контексте, расхождения, естественно, возможны; метафора имеет коннотацию «плохо», а прямое значение может провоцировать разные оценочные ассоциации: *холодная вода* и *холодное отношение* (как приятно (как неприятно) купаться в холодной воде). См. также примеры с глагольными метафорами: *как приятно протянуть ноги после долгой ходьбы* — событие хорошее и *протянуть ноги* (умереть) — событие плохое; *чуть не лопнуть*; *Стакан чуть не лопнул от горячей воды, но все же остался цел* — событие со знаком «хорошо» и *Он чуть не лопнул от злости* — аффективная метафора со знаком «плохо». Очевидно, если метафора приобретает оценочную коннотацию, то эта последняя является постоянной. Контекстная оценка в прямом смысле может меняться².

Возникновение оценочного смысла при метафоризации прилагательных, которые не имеют знака оценки в исходном значении, подчиняется определенным закономерностям.

Очевидно, что метафорические концепты прилагательных оценки ориентированы, как и все оценочные смыслы, прежде всего на норму. Как известно, качественные признаки, в том числе и оценочные, расположены по квалификационной шкале, причем противопоставленные признаки — светлый/темный, широкий/узкий и т. п. находятся на противоположных концах шкалы и разделены зоной нормы. Норма предполагает равновесие признаков, находящихся на шкале, и соотносится со стереотипными представлениями о среднем количестве признака, которым должен обладать данный объект. Так, широкая дорога предполагает ширину, превышающую некоторую нормативную для дороги, узкая дорога — наоборот. Как видно из приведенных выше примеров, признак, находящийся на той части шкалы, которая соответствует «+» (больше), при метафоризации приобретает оценочный признак «+» (хорошо), а признак, соответствующий знаку «-» (меньше), — оценочный признак «-» (плохо). Это показывает, что в метафорических концептах признак, расположенный в положительной части шкалы (присутствие или избыток некоторого свойства по отношению к норме), рассматривается чаще всего как хороший, а признак, расположенный на отрицательной части шкалы, — как

² Отметим, что не всегда оценочный смысл метафоры является следствием метафоризации. Ср., например, такую метафору, как *пучина бедствий*: *С завтрашнего же дня я опять окажусь в пучине бедствий* (М. Булгаков). Отрицательный смысл здесь связан с природой денотата, а не со структурой метафоры, где *пучина* выступает как интенсификатор к слову *бедствие*, обозначающего событие, отрицательное в картине мира.

плохой. Это касается как параметрических признаков высокий/низкий, широкий/узкий, теплый/холодный, так и других дескриптивных свойств: острый/тупой и т. д.

Оценочные коннотации приобретают и другие метафоры, которые так или иначе соотносены с нормой. Так, например, глаголы, обозначающие медленное движение, обычно включают оценку «—» (плохо), а глаголы, обозначающие быстрое движение — оценку «+» (хорошо). Очевидно, в картине мира движение со скоростью «+» оценивается как положительное, а со скоростью «—» как отрицательное, что и проявляется при метафоризации: *Поезд шел быстро/медленно* (оценка отсутствует, так как нет метафоры), но: *Поезд мчится/тащится* — возникают оценочные коннотации.

Оценочные концепты, которые актуализируются в метафорах, обнаруживаются в разных семантических зонах. Так, во многих метафорах оценочный смысл «хорошо» связан с понятием верха, а плохо — с понятием низа [Lakoff, Johnson 1980, 16]: *высокий ум, мысль, цель, побуждения и низкий человек, мысль, цель, побуждения*. Существует также систематическая корреляция между эмоциями (например, счастье) и сенсорно-моторным опытом (вертикальная позиция) — это основа ориентационных метафорических концептов (англ. *happy is up*). Эти метафоры позволяют построить концепты эмоций и связать их с другими концептами, в основе которых лежит идея благополучия (здоровье, жизнь и др.) [Там же, 58].

В метафорических концептах отражена ценностная символика цвета; так, обозначения *розовый* и *золотой* образуют в определенной системе ценностей метафоры со знаком «+»: *Обуянный розовою мечтою, Ипполит Матвеевич переваливался на кровати с боку на бок* (Ильф и Петров); *Хорошее было время, золотое детство!* [Там же]. В данных контекстах авторы относятся к системе ценностей героев иронически, соответственно и оценочный смысл метафор оказывается иронически подчеркнутым.

Корреляции оценочных концептов с дескриптивными смыслами нуждаются в специальном изучении. В них отражается связь между ценностной картиной мира как частью концептуального мира социума и собственно языковыми характеристиками.

Следует отметить, что метафорический концепт дает лишь основу для оценочного переосмысления: оценочный смысл приобретает не само прилагательное, а именная группа, в которую оно входит. Так, острый ум, это хорошо, тупой ум — плохо. Но: колкий ответ, хорошо это или плохо? мягкий взгляд и твердый взгляд — какой из них лучше? какая болезнь лучше — острая или хроническая? Для того, чтобы метафора имела оценочный смысл, обозначаемый именной метафорической группой, денотат также должен входить в ценностную картину мира. Чаще всего денотаты с оценкой — это люди с их свойствами и отношениями, даже прилагательные формы приобретают при этом оценочные коннотации, ср. *квадратный стол* и *квадратная челюсть*. Отметим, что квадратная челюсть плохо не сама по себе — это символ человеческих свойств, оцениваемых как плохие.

Таким образом, элементы ценностной картины мира, которые не отражаются в семантике языковых единиц, если речь идет о прямых значениях, могут составлять основу метафорических концептов, которые реализуются в оценочных смыслах метафор (ср. пресуппозицию и коннотацию

метафор в работе В. Н. Телия [1986, 90]). Иными словами, в основе оценочных смыслов метафор лежит ценностная картина мира. Так, например, змея, тем более ядовитая, объект плохой в наивной картине мира: *Его ужалила ядовитая змея* — квази-оценочное высказывание (т. е. событие плохое в картине мира. Ср. возможное продолжение: *Какой ужас! Бедняга!*). Но ср. метафорическое выражение: *Дворник стоял у мастерской еще минуты три, наливаясь самыми ядовитыми чувствами* (Ильф и Петров). Здесь прилагательное в сочетании *ядовитые чувства* включает в свою семантическую структуру отрицательную сему. Отметим, что обозначение реального объекта — ядовитая змея не всегда создает квази-оценочные высказывания со знаком «—»: *Из яда ядовитых змей делают лекарства* — высказывание не имеет оценочного смысла или, если и имеет, то смысл положительный. Тем не менее в наивной картине мира, на которую опирается метафорический концепт, *ядовитый* рассматривается как плохой, и поэтому в метафорических сочетаниях *ядовитый* сочетается с оценкой «плохо». Таким образом, при метафоризации дескриптивные оценочные смыслы, определяемые картиной мира, переходят в оценочные коннотации, присущие лексической единице, т. е. переходят из картины мира говорящих в язык.

Имеются, впрочем, как уже отмечалось, слова, которые содержат постоянные оценочные коннотации и в прямом, и в переносном значениях: *невеселый, глетьворный, людоедский*, ср.: *О, вырвать Гришу из глетьворной среды* (Т. Толстая); *Постояла у невеселых прилавков — говяжьих кости, пюре «Рассвет»* (Там же); *Варфоломееч брал в залог вещи и назначал людоедские проценты* (Ильф и Петров); здесь прилагательные и в прямом, и в переносном значении содержат знак «—». В приведенных метафорических сочетаниях они близки к общеоценочному «плохой», в то время как определяемые сами по себе (среда, прилавки, проценты) не имеют оценочного смысла.

Если же само существительное в метафоре является оценочным, то прилагательное чаще всего служит интенсификатором, усиливая оценочную сему определяемого (разумеется, здесь имеет место совпадение по признаку): ср. *острая нужда, острый кризис*. Отметим, что интенсификация часто строится на метафоре, ср., например, интенсификатор *круглый*: *круглый невежда, круглый идиот; дремучий: дремучий дурак, невежда*. Оценочный смысл во всех этих случаях несет существительное, а метафорическое обозначение лишь его усиливает, согласуясь по знаку. Таким образом, прилагательное в метафорическом употреблении может как само по себе обозначать оценку, так и интенсифицировать оценочное значение существительного.

Другой вид метафорических предикатов — дескриптивные глаголы, имеющие одушевленный субъект и, как правило, указывающие на способ осуществления действия [Арутюнова 1979, 163]; так, например, глаголы *есть, пилить, грызть, заедать* в прямом смысле, когда они обозначают физические действия, оценки не содержат. В метафорах эти предикаты переходят в сферу психических состояний человека, межличностных отношений и т. п. и легко приобретают оценочные коннотации: *Она его ест поедом; Жена его пилит денно и ночью; Его тоска заела*. Все эти предикаты имеют некоторый общий смысл, который лежит в основе метафорического

концепта, нечто вроде 'причинять ущерб'. Этот смысл связан с отрицательной оценкой, которая и актуализируется в метафоре. При предикатных субъектах, относящихся к внутреннему миру человека, наблюдается семантическое согласование по знаку оценки с глаголом, ср. *тоска* («—») *заела* («—»), *боль* («—») *его грызет* («—»); ср., однако: *белка грызет орешки, он грызет гранит науки* — здесь оценка отсутствует (в том числе и во втором метафорическом выражении), так как не обозначается воздействие на человека, приносящее ему ущерб. Часто именно свойства субъекта определяют в подобных случаях оценочный смысл метафоры.

Как правило, не несут оценочных коннотаций в исходных значениях предикаты типа *двигаться, превращаться, расти, бежать, течь* и т. п. — в прямом употреблении они не включают свои актанты в мир ценностей. Однако метафорические сочетания с этими глаголами могут приобретать оценочный смысл, если они отражают свойства интенционального субъекта и в ценностную картину мира входит ситуация в целом. Так, например, Н. Д. Арутюнова заметила, что мысль характеризуется понятием скорости движения и целеустремленностью. «Замедленность движения мысли и отсутствие целеустремленности служат основанием для отрицательной оценки мыслительных усилий, ср. *мысли застыли, не могли сдвинуться с места, толклись, топтались на месте, разбегались, витали, метались из стороны в сторону, перескакивали с одного предмета на другой*» [Арутюнова 1979, 166]. Ср. аналогичный пример с метафорой из другой группы ситуаций: *Вяло тлел роман с дерматологом Аркадием Борисычем, имевшим две семьи, не считая Нины* (Т. Толстая). Очевидно, роман должен не тлеть, а гореть (ср. метафоры *пылать страстью, сгорать от любви* и т. п.), и ситуация в целом оценивается как плохая (в прямом употреблении *Костер тлел до утра* — оценка отсутствует).

Оценочная метафора отражает, как уже подчеркивалось, отношение признака и нормы. Так, например, перемещение, которое осуществляется медленнее, чем «норма», предполагает отрицательную оценку, ср., например, *поезд, автобус ползет; но черепаха ползет*, где нет ни метафоры, ни оценки, а обозначается лишь способ перемещения [Телия 1986, 35].

Связь дескриптивных значений и оценочных коннотаций специфически проявляется в системе существительного, семантика которого подразумевает, как известно, разнообразные сочетания идентифицирующих и предикатных сем. Оценочные концепты, лежащие в основе оценок в метафорах, проявляются в семантике существительного при анализе места денотата в ценностной картине мира. При метафоризации происходит сдвиг в наборе признаков, которые могут актуализироваться. Как отмечает В. Н. Телия, «внутренняя форма, соотносящая новое значение с экстенционалом метафоры, прозрачна для восприятия, поскольку она возбуждает обычные для данного языкового коллектива ассоциативно-образные представления» [Телия 1986, 74]. Например, такое слово, как *болото* — «топкое место со стоячей водой» [Ожегов 1981] в метафорическом значении приобретает смысл «плохо»: *он скатился в болото оппортунизма; это не учреждение, а какое-то болото*. Очевидно, здесь актуализируются признаки денотата: топкое место, где можно утонуть, стоячая вода, нечто неподвижное и т. п.; при этом возникает оценочный смысл «плохо». В исходном значении *болото* оценочных признаков не содержит: *Они по-*

*шли на болото собирать клюкву; кругом тянулись леса и болота*³. Ср. еще одно слово, которое включает исходный концепт с отрицательными коннотациями (нечто, не пригодное для употребления, непригодное для человека): *помой* — грязная вода с пищевыми отбросами после мытья посуды и т. п. [Ожегов 1981]. Соответствующий денотат обладает признаками, которые способствуют включению его в ценностную картину мира: *помой* — не пригодны для еды, они вызывают отвращение и т. п. Эти признаки актуализируются при метафоризации: ср. *Это не суп, а помой; Я не буду есть эти помой*. Слово *помой* в переносном значении приобретает постоянный оценочный смысл «плохо». Напротив, в высказываниях, где это слово используется в прямом значении, оценка как элемент его семантической структуры может отсутствовать: *Свиней кормили помоями (хлебом, супом), и они хорошо прибавляли в весе*.

Четкие и постоянные оценочные коннотации несут метафоры типа животное — человек. Цель этих метафор — приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия животных оценки не содержат, но соответствующие признаки, если они относятся к человеку, почти всегда приобретают оценочные смыслы, приписывая человеку этические, психические или социальные свойства, поведенческие характеристики. Следует при этом отметить следующую особенность метафоры, особенно важную для данного типа: «Из метафорического имени могут быть извлечены только те признаки, которые совместимы с денотатом. Так, если человека назовут лисой, то из этого не вытекает, что у него есть хвост. Из этого лишь следует, что он умеет замести за собой следы, хотя и не пользуется для этого хвостом» [Арутюнова 1979, 160]. Становясь в зависимость от «человеческого фактора», метафора приобретает те ценностные коннотации, которые имеются в мире людей: *А вот из нашей братьи чиновников есть такие свиньи: решительно не пойдет, мужик, в театр, разве уж дашь ему билет даром* (Н. Гоголь); *Конечно, никакого романа у Гришуни с этой унылой тлей быть не могло* (Т. Толстая); *И тут подвалила какая-то жаба — не из персонала, а тоже любитель прекрасного* (Т. Толстая)⁴.

Отметим, что в приведенных примерах признаки, на которых строится метафора, раскрываются в контексте. В первом случае — мотивировкой поступка (*решительно не пойдет, мужик, в театр, разве уж дашь ему*

³ «...болото (тина) ассоциируется с чем-то застойным, затягивающим, отсюда — представление о том, что жизнь обывателей, провинции и т. п. или определенные виды деятельности, связанные с созданием искусственных преград, тормозящих дела, и т. п. — это болото... Именно эти свойства и служат мотивом для оценки, причем «быть застойным» само по себе «плохо», но вторичное наименование *болото* имеет не дескриптивное, а экспрессивно-окрашенное значение, и в нем обозначается не застойность или косность как таковые, а отсутствие живых интересов, стремления к новому и т. п.» [Телия 1986, 79].

⁴ Ср., однако, следующий случай: *Проклятая цапля! Он видно завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для его превосходительства* (Н. Гоголь). Метафора *цапля* основана не на характерологических признаках, а на внешнем сходстве. В этом случае метафора сама по себе оценки не несет: он такой высокий, прямо какая-то цапля.

билет даром); очевидно, такая необычная характеристика «свиньи» создаст иронический контекст. Во втором примере один из признаков, которые лежат в основе метафоры, эксплицируется прилагательным *унылый* (его можно даже рассматривать как интенсификатор). В третьем примере *какая-то жаба — любитель прекрасного* — дополнительный признак, который обычно не ассоциируется с жабой, также создает иронический контекст. В следующем контексте метафора имеет знак «+» (обратим также внимание на игру смыслов, основанную на прямом и метафорическом значении слова *орел*): *Ребята... Вы ж такие орлы... Поработай-те! — а ребята, двое, посмеивались и отвечали ему, что времени у них никак нет и что орлы любят летать, но не работать* (В. Маканин).

Если метафора, основанная на имени животного, относится к вещи, предмету, то оценочных коннотаций обычно не возникает: *желтые жуки чьих-то фар* (Т. Толстая).

Именная группа с прилагательным или существительным в метафорическом употреблении, как правило, занимает позицию предиката: *Он блестящий ученый, Он тупой человек, Он яркая индивидуальность, Он настоящий осел* и т. п. [Арутюнова 1979, 168]. Позиция предиката характерна и для оценочных обозначений — все приведенные примеры содержат оценку. Оказавшись в предикатной позиции, имена актуализируют свои качественные семы и легко приобретают метафорические смыслы, часто с преобладанием оценки: *Ну эти кое-как пойдут, хотя кузова — такой хлам!* (Ильф и Петров); *А остальные моторы — харьковская работа. Сплошной госпромцветмет* (Ильф и Петров); *При наличии отсутствия пропитанных шпал... это будет не трамвай, а одно горе!* (Ильф и Петров). В первом примере оценка содержится в дескриптивной семантике самого имени *хлам*. Во втором примере имя *госпромцветмет*, по природе своей идентифицирующее, в исходном значении не содержит оценочных ассоциаций. Однако в предикативной позиции в сочетании с интенсификатором *сплошной* даже это слово приобретает оценочный смысл; здесь развивается процесс как бы обратный типовому (от дескриптивных смыслов, оценочных в картине мира, к оценочным коннотациям в метафоре) — оценочная метафора индуцирует оценку в исходном, дескриптивном обозначении.

Последний пример содержит конструкцию *это не... а...*, которая может использоваться и для идентификации: *это не кошка, а собака*. Однако если во второй части появляется оценочное слово, то конструкция, точнее ее вторая часть, приобретает метафорический смысл. Иными словами, при соединении идентификации и оценки часто возникает метафора: *Это не лошадь, а какая-то развалина* — здесь оценочные коннотации сопровождают метафору. Впрочем, метафора появляется не всегда: *Это не лошадь, а какая-то кляча*. Оценочное слово *кляча* не является метафорой.

Рассмотрим еще ряд примеров: *это дом, это дворец, это сарай, это халупа* [ср. Телия 1986, 57]. Первое высказывание может быть понято лишь как идентифицирующее, оно не содержит метафорического концепта. Следующие два неоднозначны: они могут трактоваться и как идентифицирующие обозначения, и как оценочные, первое со знаком «+» (по признакам большой, красивый, просторный и т. п.), второе со знаком «—» (маленький, грязный, в беспорядке и т. п.). В случае оценочной трактовки

налицо метафора. Существительное *халупа* само по себе имеет оценочный смысл, который сохраняется и в идентифицирующих, и в оценочных высказываниях. Ср. *Это наша халупа* и *Это какая-то халупа*. В первом случае налицо идентификация, во втором — оценка. Оценочное употребление можно, очевидно, рассматривать как метафорическое — слово *халупа* применяется к денотату, о котором говорящий имеет плохое мнение. Оценочные смыслы выражений такого рода особенно очевидно проявляются в описанных выше конструкциях с *а... не...* *Это не дом, а просто дворец, сарай, халупа* — метафора с оценкой. Но: *Это не дворец, а просто дом* — метафора отсутствует.

Метафорический смысл с оценкой приобретают и другие идентифицирующие выражения, если актуализируются их оценочные признаки: *Да, кстати: я уверен, что прочитав эти строки, многие назовут меня интеллигентом и неврастеником* (М. Булгаков); *интеллигент* и *неврастеник* здесь имеют оценочные коннотации (со знаком «—» с точки зрения говорящего) и употребляются в метафорическом смысле. Таким образом, появление оценочной семы в выражениях идентификации свидетельствует о метафоре.

Оценочное значение метафоры может возникать и в некоторых специальных контекстах, где действуют определенные правила соотношения оценок: так, противительные союзы (*а, зато, только* и др.) показывают на противоположные оценочные знаки; ср. *Мягкий был человек, только дурь в голове* (Т. Толстая); мягкий человек в картине мира может рассматриваться и как «+», и как «—»: здесь метафора имеет знак «+», так как в противопоставленной части фразы, также метафорической, налицо знак «—». Эти закономерности действуют во всех оценочных высказываниях и не специфичны для метафор.

Важно подчеркнуть, что оценочные коннотации метафор часто сочетаются с аффективностью (экспрессивностью). В оценочном значении можно выявить, как известно, два аспекта, это аспект объективный, основанный на свойствах объектов, к которым можно применить соответствующее обозначение, и аспект субъективный, связанный с отношением субъекта оценки к ее объекту. С субъективным аспектом оценки соотносятся и дополнительные значения, которые можно объединить общим свойством «аффективности» [Kerbrat-Orecchioni 1980, 84; Вольф 1985, 43—45]. Они включают отношения субъекта к обозначаемому и являются субъективно-окрашенными. Эти два аспекта выявляются и в оценочных метафорах. Так, в метафорах вроде *высокая мораль, теплое отношение, кривая усмешка, море глупости* оценка основана на свойствах обозначаемых объектов, которые занимают определенное место в ценностной картине мира: высокая мораль, теплое отношение — это «хорошо», кривая усмешка, море глупости — «плохо», аффективность здесь отсутствует. Напротив, в метафорах типа *N — это просто дубина, Он чуть не лопнул от злости* и т. п. имеется дополнительный аффективный смысл. Этот второй вид метафоры (В. Н. Телия называет его экспрессивно-оценочным) включает наименования, способные, наряду с отображением ценностного мира, выражать то или иное субъективное отношение к нему [Телия 1986, 85]. В такой метафоре оценка неразрывно связана с аффективностью. Это особенно хорошо видно при сравнении прямых и метафорических обоз-

начений: умереть («плохо» в картине мира) — *загнуться* (метафора + аффективность); удивиться — *разинуть рот*, *Он неловкий и неуклюжий* — *Он просто медведь*.

Оценочные метафоры, возникающие в тексте, и их комбинации могут быть весьма разнообразными и ограничиваются лишь самыми общими законами метафоризации. При этом оценка возникает в любых случаях, если денотат метафорического обозначения включается в ценностную картину мира. Как уже говорилось, это чаще всего происходит, если денотатом — объектом оценки оказывается человек или сфера человека: *Ее отражение выгодно отличалось от расплывшегося силуэта приятельницы* (Т. Толстая); ср. *расплывшееся пятно* — объект-вещь, оценка отсутствует, и *расплывшийся силуэт* — объект-человек, оценка «плохо» в эстетической картине мира.

Возможны также метафорические квази-оценочные высказывания; их оценочный смысл основан на представлении о ситуации в целом в ценностной картине мира: *В таком лифте жить хочется* (Т. Толстая). Такое выражение можно рассматривать как косвенный речевой акт оценки, где коммуникативное намерение говорящего — высказать свое отношение к объекту [Loewenberg 1975, 335]. Здесь высказывание подразумевает, что лифт очень хороший. Метафора основана на представлении о том, что место, где хочется жить, — хорошее в картине мира; в лифте вообще жить неудобно, очевидно, данный лифт со всеми его признаками (в таком лифте) гораздо лучше стереотипного. Метафоры такого рода включают иронию. Ср. другие выражения, где высказывание в целом обозначает оценку: *От нее невозможно оторвать глаз* — метафора, в которой дается высокая эстетическая оценка объекта. *С ним можно пойти в разведку* — этическая оценка. Все эти оценочные метафоры опираются на ценностную картину мира данного социума. Ср., однако, следующий пример, где описывается ситуация, не связанная с оценкой в картине мира — и метафора соответственно не несет оценочного смысла: *Вон приближается светлая палочка — огни во лбу автобуса, дрожащее ядрышко желтого цвета, живые икринки людей внутри* (Т. Толстая).

В текстах оценочные выражения часто образуют сложные комплексы, куда входят как прямые обозначения, так и метафорические, причем оценка с соответствующим знаком может индуцироваться и в тех элементах комплекса, где оценочные значения изначально отсутствуют. Лежащие в основе оценки смыслы весьма разнообразны. Рассмотрим следующий пример: *И, боже мой, что за берлога, что за комната, желтая, жуткая, заросшая грязью, слепая, без окон!* (Т. Толстая). Весь этот текст содержит оценочный смысл «плохо». Этот смысл реализуется как в собственно оценочных словах, так и в метафорах и в дескриптивных обозначениях, связанных с ценностной картиной мира. Рассмотрим их более подробно: *берлога* — «классическая метафора», обозначение одного объекта через другой; это переносное наименование объединяется с прямым *комната*, которое следует за ним в контексте, по признаку «жилье», но они различаются по признаку «жилье для человека/жилье для животного». При этом «жилье для животного» обладает признаками, которые для человеческого жилья считаются плохими. Они раскрываются

в дальнейшем контексте: *желтая, жуткая, заросшая грязью, слепая, без окон*. Из них *жуткая, заросшая грязью, слепая* также являются метафорами, несущими оценочный признак «плохо». Метафорический смысл *слепая* раскрывается при этом дескрипцией *без окон* (что для комнаты плохо). Все эти обозначения указывают на свойства, которые в ценностной картине мира рассматриваются как плохие. И, наконец, определение *желтый*, которое само по себе оценочного смысла не имеет, индуцирует его в ряду оценочных обозначений⁵. Дескриптивный признак «желтая» объединяется с оценочным рядом «плохой» также аллитерацией — *желтая, жуткая*. Таким образом, весь ряд, включающий метафоры и дескрипции, соотнесен с оценкой, к которой присоединяется аффективность и интенсификация (*жуткая, заросшая грязью*). Аффективность усиливается восклицанием *боже мой!* и конструкцией с *что за!* — сами эти выражения знака оценки не содержат, это может быть и «+», и «—», но, включаясь в ряд со знаком «плохо», они подчеркивают аффективность оценки. Очевидно, что субъектом оценки (здесь героини рассказа) является говорящий, и в оценочную рамку включена ее система ценностей. Автор же при этом выступает как субъект с другими ценностными ориентациями — отсюда и ироническое звучание, которое опирается на общий смысл текста. Отметим, что метафоры вообще типичны для иронических контекстов, они позволяют соотнести ценностные концепты, принадлежащие автору и персонажу, разным персонажам и т. п.

Разберем еще ряд случаев, где по-разному взаимодействуют в контексте метафора и оценка. Так, в примере: *Недолго оставалось Гришуне уродоваться с лопатой и зарывать свой талант в сугробы* (Т. Толстая) имеются две оценочные метафоры, обе со знаком «плохо». Первая *уродоваться с лопатой* сохраняет оценочный знак, присущий прямому обозначению в ценностной картине мира: быть уродом — плохо. Вторая *зарывать свой талант в сугробы* есть трансформация известной метафоры *зарывать свои таланты в землю*, которая также ассоциируется с отрицательной оценкой.

Другой пример: *...и по домам, по домам: в ледяное Зюзино, в жидкое Коровино* (Т. Толстая). Метафорические определения приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с признаком «плохо» в картине мира. Так, *ледяное Зюзино* подразумевает, что там холодно, скользко, воеет ветер, плохо топят и т. п., *жидкое Коровино* предполагает, что там мокро, грязно, надо ходить в сапогах и т. п. Метафора подразумевает целую дескриптивную ситуацию в картине мира, которая оценивается признаком «плохо». Таким образом, хотя прилагательные *ледяной, жидкий* и т. п. обозначают физические свойства и сами по себе оценки не содержат, приобретая метафорические смыслы, относящиеся к сфере человека, такие слова приобретают и оценочные коннотации. Следует подчеркнуть, что оценочный смысл метафор тесно связан с контекстом. Если какие-либо элементы контекста несут оценочный знак, то метафора к ним легко подстраивается: *Уже редела пестрая компания* («+» или «—»?), но

⁵ Ср. выше *розовый* и *золотой*, которые несут оценочные коннотации.

ср. дальше: *...уже приятная тишина стояла вечерами во флигеле* (Т. Толстая). Очевидно, пестрая компания здесь «плохо», так как то, что она редела (движение в сторону меньше), — это хорошо. Ср. обратный пример — обозначения контекста приобретают оценочный знак под влиянием знака метафоры. Ср. *...из лавровых гирлянд лезет книга — источник знаний или высовывает педагогическую ножку циркуль* (Т. Толстая) — метафора *лезет* (о книге) вводит в контекст иронические отрицательные коннотации.

Как можно видеть, соотношения метафоры и оценки весьма неоднозначны. В метафоре приобретают оценочные смыслы слова как имеющие, так и не имеющие оценочных коннотаций в исходном значении. Это связано с тем, что часто метафорический сдвиг сопровождается и сдвиг в природе субъектов и их признаков: от мира вещей — предметного, физического, — к миру человека, психическому, социальному, который входит в систему ценностей.

В формировании оценочных значений метафоры участвуют все четыре элемента метафорической структуры — исходный и метафорический субъекты и их признаки. При этом в самых разных видах метафор могут возникать оценочные коннотации. Это происходит, в частности, при метафоризации прилагательных и именных групп, где обозначение исходного субъекта — предмета и его физических признаков переносится на метафорический субъект — человека и его психические и социальные свойства. Это же общее свойство — возникновение оценочных смыслов при переносе обозначений с неодушевленных субъектов на человека — присуще и метафорам глагольным и именным. Оценочные коннотации возникают и при описании целых ситуаций, связанных с участием человека или влиянием на него. Это вполне естественно, так как ценностная картина мира всегда в той или иной форме включает человека. Оценки появляются и при переходе от обозначений физических свойств к психическим, к описаниям межличностных отношений и т. п. Знак оценки при этом определяется метафорическими концептами и их связями с исходными обозначениями. Так, имеется определенное соотношение между положительными и отрицательными частями параметрической шкалы (много/мало) и шкалы оценок: при метафоризации обозначений, относящихся к положительной части шкалы, как правило, появляется оценочный знак «+», а к отрицательной — знак «-» (высокий/низкий, широкий/узкий и др.). Эта же закономерность наблюдается при метафоризации других обозначений физических признаков (теплый/холодный, светлый/темный). Эта закономерность, однако, не абсолютна (ср. жесткий/мягкий, где знак оценки определяется местом субъекта-носителя признака в ценностной картине мира). Частнооценочные прилагательные, которые обозначают признаки, занимающие определенное место в ценностной картине мира (гнилой, вредный), сохраняют знак оценки. Определяющее влияние на знак оценки оказывает природа метафорического субъекта и его признаков в их соотношении с нормой. Так, от представления о нормативном поведении психических сущностей и их месте в ценностной картине мира зависит оценочный знак соответствующих метафорических обозначений.

В заключение вернемся к метафорам, оценочным и нейтральным,

которые приводились в начале статьи. Очевидно, что метафора *светлое чувство* обозначает оценку «+», так как прилагательное *светлый*, присоединяясь к имени из сферы психической жизни человека, приобретает оценочные коннотации, а находясь в зоне «+» в исходном значении (ср. *светлый/темный*), имеет коннотацию «хорошо». *Дело пахло судом* — само событие имеет знак «-», *пахнуть*, входя в описание ситуации из социальной сферы, усиливает отрицательный оценочный смысл. *Унылые обои* — прилагательное уже в исходном значении имеет оценочную коннотацию со знаком «-», равно как и *тусклый* в сочетании *тусклая теснота*: *тусклый* находится в отрицательной части шкалы признаков и в прямом значении. Отсутствие оценочных смыслов в следующей группе примеров также объясняется общими соотношениями метафоры и оценки: *Иван Николаевич взлетел на второй этаж* — физические действия приобретают оценочные смыслы, как правило, лишь при переходе в сферу действий психических. Ср. также: *пятнадцать семей завертелись в обменной цепи*. Вторая метафора *обменная цепь* относится к миру вещей и оценки также не содержит. И, наконец, в примере *испепеляемой огнем беспокойства* метафора служит интенсификатором для обозначения беспокойства, которое само по себе определенного оценочного знака не имеет.

Таким образом, в основе концептов, определяющих оценочные смыслы в метафорах, лежит ценностная картина мира и семантика единиц языка в их взаимодействии. Путем анализа метафор можно определить те аспекты картины мира, которые непосредственно проникают в структуру языковых единиц, вводя в них оценочные коннотации.

Источники художественных текстов

Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М., 1973.

Гоголь Н. В. Избр. произведения. М.; Л., 1937.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1956.

Макашин В. Где сходилась небо с холмами. Повести. М., 1984.

Толстая Т. Поэт и муза. Факир. Серафим: Рассказы // Новый мир. 1986. № 12.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА

Метафора служит одним из наиболее распространенных способов пополнения лексического и фразеологического инвентаря языка, давая названия объектам, принадлежащим к самым разным сферам действительного мира: *хребет горы, быки моста*, англ. *skin of a carrot* 'кожура моркови' (букв. 'кожа'), *pipes* 'дыхательные пути' (от *pipe* 'труба'). Способность метафоры участвовать в процессах вторичной и косвенной номинации можно определить как ее номинативную функцию, присутствующую в метафорах всех типов.

Помимо номинативной, образной (изобразительно-выразительной) и экспрессивно-оценочной, метафоры выполняют в языке концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий. Наиболее полно

эта роль метафоры выступает в тех случаях, когда она используется для обозначения непредметных сущностей. Например, метафорическое выражение *рамки практической деятельности* обозначает отвлеченную реалью, отображенную в метафорической языковой форме, существующую как оязыковленное понятие только через метафору. Значение метафоры формируется как взаимодействие основного и вспомогательного компонентов или, соответственно, обозначаемого и образного средства [Black 1962; 1980]. Прямое значение вспомогательного компонента *рамка* содержит в себе сему 'предмет, ограничивающий что-либо со всех сторон': *рама окна, дверная рама, рамка портрета*. Метафора образовалась на основе представления о практической деятельности человека как о сущности, ограниченной определенными пределами, в которых какие-то действия и открытия возможны, а какие-то нет: *С раздвижением рамок практической деятельности и вовлечением новых более сложных предметов в орбиту общественного производства, ум человека отделяет случайные для предмета признаки от необходимых, существенные от несущественных*. Признак, обуславливающий метафору, берется из экстенционала значения существительного *рамка* и определяет восприятие основного предмета метафоры. В результате взаимодействия двух компонентов формируется интенционал метафоры — новый концепт, который другим, неметафорическим путем (если только не описательно) не может быть выражен.

Метафора выполняет концептуальную роль при обозначении непредметных сущностей в научной, общественно-политической и обиходно-бытовой сферах. Значительное число функционирующих здесь лексических единиц являются метафорическими по происхождению: *круг понятий, зерно истины, поле деятельности, узел противоречий*, англ. cleft-sentences 'расщепленные предложения', way of life 'образ жизни', generation gap 'возрастная пропасть' (букв. 'дыра, брешь между поколениями').

Направленность на формирование концептов обуславливает совмещение в метафорах, обозначающих непредметные сущности в указанных сферах, двух функций: номинативной и концептуальной [Телия 1986, 82—83]. Номинативная выражается в присвоении имени, основанном на переносе названия с первоначального, вещественного денотата на новый, отвлеченный. Однако если в индикативной метафоре, обозначающей предметные объекты, преобладает «техническая» номинативная направленность, основанная на фиксации зрительного подобия между двумя предметами [Арутюнова 1979; 1983], то при обозначении непредметных сущностей прием переноса имени служит цели вербализации понятия, материализации в языковом значении свойств объектов. Результатом метафоры в данном случае является не только новое языковое значение слова, служащего вспомогательным компонентом, но и расширение смыслового аппарата языка.

Специфика коммуникативной установки, области обозначаемых объектов, сферы функционирования, а также особенности «логической грамматики» и способов развития в языке дают основание выделить концептуальную метафору как особый тип. Концептуальная метафора служит цели вербализации понятий, обозначая то, что не имело до нее

словесного выражения. Преимущественные сферы ее функционирования — обиходно-бытовая, общественно-политическая и научная, включая научно-популярную разновидность, т. е. все основные сферы, где наиболее часто возникает необходимость в обозначении объектов «невидимого мира» с отображением их объективных свойств.

Концептуальная метафора проходит через стадию образа. Ее отличие заключается в конечном результате. Функционируя в обиходно-бытовой сфере и в языке науки, она стремится освободиться от образности. В обиходно-бытовой сфере, а также в научно-популярной литературе образный характер метафорической номинации сохраняется дольше, чем в языке науки, где обозначаемые концепты должны быть верифицированы.

Разграничение образной (в английской терминологии экспрессивной — expressive) и концептуальной метафор прослеживается во многих работах [см., например, Арутюнова 1983; Телия 1986; Metaphor: Problems and Perspectives 1982 (M. Apter; D. Gentner); Maccormac 1976; Soskice 1985].

В данной статье предпринята попытка проследить свойства субстантивной концептуальной метафоры, преимущественно бинарной по составу, типа *калейдоскоп характеров, русло жизни*.

Концептуальная метафора, как и другие ее типы, создается на ассоциативно-образной основе и во время своего возникновения и первоначального функционирования осознается носителями языка как семантически двуплановое образование. В ней присутствует как внутренняя форма экстенционал прямого значения вспомогательного компонента. При этом создание образа не является главной целью автора метафоры. Кроме того, образная номинация, сохраняющая в своем значении двуплановость, не способствует четкому обозначению понятия и может явиться помехой для функционирования лексической единицы. Для многих концептуальных метафор существенным является стремление освободиться от образного компонента в процессе функционирования в языке.

Нацеленность на формирование и обозначение концептов обуславливает специфику данного типа метафоры в плане соотношения элементов подобия и тождества. Каждая метафора начинается с выделения свойств подобия в гетерогенных объектах и фиксирует это подобие в языковой форме тождества [Арутюнова 1983]. Однако в различных типах метафор эти аспекты представлены по-разному. В индикативной метафоре преобладает подобие, установленное, как правило, на базе зрительного восприятия предмета: *луковица церкви* 'как луковица растения, так как она напоминает ее по форме'. Сама реальность, где данные конкретные предметы наглядно существуют как чем-то сходные и в то же время различные, не дает оснований для отождествления. Четкость указания на один из предметов обеспечивается ситуацией или языковым контекстом.

В образной метафоре взаимодействие двух систем представлений носит динамический характер и может быть определено через введенный М. Эптером термин «синергия» (synergy) [Metaphor: Problems and Perspectives 1982]. Синергия — это эффект совмещения несовместимого, которое способствует в метафоре тому, что один и тот же предмет

предстает одновременно в двух ипостасях. Обладающая этим свойством метафора, как и другие явления синергии, способна оказать сильное эмоциональное воздействие.

В концептуальной метафоре нет нацеленности на полное отождествление объектов, однако отождествление имеет в данном случае не только формальную сторону. В некоторых видах концептуальной метафоры, например, в сфере научной терминологии, отождествление может иметь место на стадии создания термина как отправная точка для рассуждений о природе и свойствах изучаемого предмета.

Концептуальная метафора, как и другие типы метафор, является выражением свойства сознания познавать объекты на основе аналогии, по принципу *als ob* («как если бы»), позволяющему перешагивать в уподоблениях через границы естественного категориального членения действительности. В субстантивной концептуальной метафоре непредметный объект представлен так, «как если бы он был предметом другого рода», на основании сходства по ограниченному числу параметров. При этом присутствует осознание фиктивности отождествления различных по своей природе объектов. В принципе *als ob* заложена идея моделирования как приема познания сложных сущностей, в том числе объектов, недоступных непосредственному наблюдению. Метафорический научный термин способствует рассмотрению исследуемого объекта как аналогии другого. Модель дает возможность строить предположения на основе некоторых известных общих признаков. Такого рода метафоры, основанные на модели и способствующие развитию научной мысли, в наибольшей степени продуцируют знания и являются инструментами познания.

Постановка вопроса о метафоре как средстве формирования концептов стала возможной в теории интеракции (*interaction theory of metaphor*), рассматривающей метафору как взаимодействие двух участвующих в ней сущностей — обозначаемого и образного средства. Эта теория, разработанная первоначально И.-А. Ричардсом и М. Блэком, пытается ответить на вопрос о том, каким образом их взаимодействие приводит к формированию нового смыслового комплекса. В отличие от этого, теория замещения подходит к метафоре как к готовому результату замены прямого и узуального способа выражения непрямым и образным. Утверждается, что метафора имеет обозначаемое, которое может быть выражено другими средствами. Теория, трактующая метафору как сокращенное сравнение, допускает, что она может вносить что-либо новое в понимание объекта в результате необычного уподобления. Однако в сравнении уподобляемые системы существуют параллельно, достаточно независимо друг от друга. Результатом сравнения не является единый понятийный комплекс или новое языковое значение. Взаимодействие компонентов метафоры, как подчеркивают сторонники теории интеракции, несводимо к механической сумме. М. Блэк, исследуя преимущественно мыслительные операции, лежащие в основе метафорического наименования, для объяснения механизма взаимодействия ввел термины «система ассоциированных общих мест» и «фильтр» (*system of associated commonplaces: filter*) [Black 1962; *Metaphor and thought* 1980]. Предполагается, что ассоциативная система вспомогательного компонента мета-

форы выявляет в ее обозначаемом изоморфную себе структуру. Фильтр «просеивает» и допускает в метафорическое значение только те признаки обоих компонентов, которые согласуются друг с другом.

Достоинство теории интеракции заключается в том, что она рассматривает метафору как процесс, т. е. в динамике. Однако в трактовке М. Блэка (этот аспект его теории был замечен, например, В. В. Петровым [1985]) определяющим для значения метафоры является вспомогательный компонент.

Однако, рассматривая механизм взаимодействия в формировании метафоры, необходимо учитывать роль обоих ее компонентов. Языковая номинация осуществляется для обозначения внеязыкового объекта, поэтому в процесс метафорической номинации включаются понятийный аспект, аспект языкового значения и внеязыковая сторона. Необходимое для формирования метафоры любого типа условие — наличие внеязыковой реалии, которая ищет обозначения.

В сфере непредметных сущностей, с которыми связана концептуальная метафора, можно выделить: человеческую сферу, т. е. обозначения эмоций, мыслей, видов деятельности, свойственных человеку (*червь сомнений, волна гнева, цепь рассуждений*); сферу явлений и процессов общественной жизни (*гонка вооружений, замораживание цен, челночная дипломатия*); явления и процессы, изучаемые наукой, в том числе и гуманитарными науками (*организм языка, семантическое поле, полифонический роман, потолок скорости*), причем обозначаемое метафоры не является тождественным ее второму, эксплицитно выраженному элементу, это каждый раз — новая грань класса непредметных сущностей. До стадии метафоризации вербализованного понятия не существует, но существует определенное предварительное знание, позволяющее представить приблизительно объем понятия. Это предварительное знание находит выражение в представлении — «обобщенном образе предметов и явлений действительности, сохраняемом и воспроизводимом в сознании и без непосредственного воздействия предметов и явлений на органы чувств» [ФС 1981, 293]. Естественно, такое предварительное знание об обозначаемом играет активную роль в выборе языкового средства, задавая определенные смысловые параметры в зависимости от содержания понятия и намерения говорящего. Например, создаваемые человеком логические обобщения, группирующие объекты по определенным признакам, должны выделять главные, центральные элементы. Представление о «центре» выражается в номинациях (*ядро лексико-семантической группы, ядро теории, корень слова*). Человеческие способности и навыки имеют начало, которое обозначается метафорически как *корни человеческого интеллекта, корни речи у животных, истоки мышления*; они также находятся в процессе развития на каком-либо его этапе, что требует «обозначения маршрута» — *путь интеллекта, линия развития, траектория исканий, ступени процесса познания*.

Вспомогательный компонент, со своей стороны, имеет два аспекта: денотат, т. е. класс объектов, и их языковое обозначение. В этом отношении вспомогательный компонент метафоры является познанным и отображенным в языковой форме элементом внеязыкового ряда, имя которого используется для обозначения элемента гетерогенного внеязыкового

ряда. Свойства реалии, ищущей имя, связываются сознанием путем ассоциации с реалией, уже поименованной.

В индикативной метафоре ассоциация часто бывает предметно ориентированной, обусловленной внеязыковой стороной вспомогательной сущности. Так, луковица церкви имеет сходство по форме с луковицей растения, зебра — разметка на дороге — напоминает раскраской зебру — животное. В индикативной метафоре в роли обоих компонентов — и обозначаемого и образного средства — выступают конкретные предметы, непосредственно воспринимаемые органами чувств. В концептуальной метафоре ситуация представляется иной. Вспомогательный компонент здесь не только дает имя обозначаемому, но и является основой для его осмысления, для выделения и включения в новое значение важных, с точки зрения говорящего, сторон объекта. Этот фактор обуславливает направленность ассоциации на понятийную сторону вспомогательной сущности, отображенную в языковом значении, на все те знания, которые с данным языковым понятием связаны. Так, в метафоре *поле деятельности* существительное *поле* избирается не по основному предметному признаку 'равнина, не покрытая лесом или застройками', а по признаку 'пространство, подлежащее обработке'. Можно предположить, что при формировании концептуальной метафоры ведущую роль в выборе слова играет языковое значение вспомогательного компонента, включая его разные стороны. Во-первых, семы, входящие в ядро лексического значения, составляющие минимум, необходимый для выделения денотата, а кроме него — те компоненты значения, которые расширяют этот минимум и связаны с более полным отображением свойств объекта в языковом понятии — сигнификате.

Тип концептуальной метафоры, как уже говорилось, функционирует в разных сферах языкового общения, в связи с чем принципы выбора вспомогательного компонента могут различаться. Так, метафоры, обозначающие непредметные сущности в обиходно-бытовой, общественно-политической или научно-популярной сферах, чаще основываются на образном компоненте, содержащем оценочные семы в денотативном ядре значения. Это в целом делает такие метафоры более эмотивными, образными, связанными с культурным фактором: *раб корыстолюбия, пожар войны, жало сатиры, червь сомнения, сын народа*. С другой стороны, метафоры в сфере науки довольно редко основываются на лексических единицах, содержащих оценочные семы. Характерной чертой метафоры в науке является метафоризация через графы — деревья, матрицы, схемы, построенные по образцу электрических цепей. С. Элерт [Elert 1985], отмечая удобство различных видов графов для наглядной передачи особенностей структур и процессов, указывает на их широкое распространение в лингвистике XX в. Графы представляют собой вторичную метафоризацию: сначала абстрагированная форма конкретного предмета была введена для отображения научного понятия, в дальнейшем же по принципу аналогии этот способ изображения был заимствован для наглядного представления других научных объектов, сходных по определенным параметрам.

Распространение графов может рассматриваться как частное проявление более общей тенденции концептуальной метафоры: использования в

роли вспомогательного компонента единиц более отвлеченного значения по сравнению со словами дескриптивной семантики, т. е. единиц, тяготеющих к аналитическому типу значения, например, *атмосфера страха, климат доверия*. Ни атмосфере, ни страх нельзя непосредственно ощутить органами чувств — это обобщения природных явлений, имена которых не только функционируют в повседневной речи, но и входят в терминологическую систему соответствующей науки. В *стихии инфляции, стихии капиталистического рынка и стихии фарса* в роли вспомогательного компонента выступает название природного явления, отличающегося могущественной силой, выявляя признак обозначаемого 'не поддающийся регулирующей силе'. В *недрах общественной жизни* в роли вспомогательного средства выступает название реалии, известной не столько из ее непосредственного воздействия на органы чувств, сколько из знания, связанного с геологией: недра — это место под земной поверхностью и то, что там находится. В метафоре также присутствует признак 'важность, полезность недр', идущий от научных знаний. На первый план выходит понятийная сторона вспомогательной сущности и в тех случаях, когда метафоризации подвергается имя информационного объекта. Так, например, образованы метафоры *иероглиф человеческого лица*, где *иероглиф* — знак идеографического письма, обозначающий понятие или слог + возможная коннотативная сема, связанная с представлением европейцев о трудности иероглифической письменности; *геометрия современного города*, где для характеристики вида города используется название науки, изучающей пространственные и плоскостные формы тел и связанной с представлением о правильных, схематических формах и их расположении.

Распространенным является «заимствование» из одной сферы знания в другую. Это относится не только к приведенным примерам, когда научные термины используются метафорически при обозначении концептов в обиходно-бытовой и общественно-политической сферах. Возможен и обратный процесс (*банк данных*).

При обозначении понятий в области искусствоведения номинации переходят из одного вида искусства в другой. Например, *рисунок роли, палитра актера, краски образа*. Эти средства выражения можно считать метафорическими, так как они основаны на именах объектов, гетерогенных по отношению к обозначаемому. *Рисунок, палитра, краски* — слова, относящиеся в прямом значении к живописи, актер использует для создания образа не краски, а голос, мимику, жесты. Так же слово *полифония* — в прямом значении относится к музыкальному искусству, обозначая вид многоголосия, основанный на одновременном звучании нескольких мелодий, поэтому в выражениях *полифония романа, полифония цвета* это слово функционирует метафорически.

Можно сделать определенный вывод, связанный с образной и эмотивной сторонами концептуальной метафоры. В лингвистическую литературу введены термины *глубина метафоры* и *резонирующая сила метафоры*, под которыми понимаются богатство ассоциаций, вызываемых метафорой, неожиданность уподобления, количество параметров, по которым может быть проведена аналогия (М. Блэк — [Metaphor and thought 1980]). В метафорах, выражающих индивидуальное видение мира, ведущую роль

играют субъективные, образные и эмоциональные установки говорящего — автора метафоры. Силе образа и эмотивности в этом случае способствуют ассоциативная насыщенность метафоры и удаленность областей, к которым принадлежит ее компоненты, друг от друга.

Утверждается, что для метафоры в сфере науки богатство ассоциаций противопоказано [Д. Гентнер — *Metaphor: Problems and Perspectives* 1982]. Если под словом *ассоциации* понимать только то, что связано с коннотативным аспектом семантики вспомогательного компонента — эмотивной и стилистической сторонами значения, символической стороной, то такое утверждение является справедливым. Справедливость утверждения подтверждается, в частности, большим количеством калек в сфере научной метафоры. Кальки не содержат коннотаций или содержат их в очень слабом виде. Это их свойство используется в метафорических номинациях, связанных с выражением знания, а не эмоций. Кальки широко распространены как вид заимствованной терминологии: *web of metaphor* — *ткань метафоры* и *ткань развернутого тропа*, *time axis* — *временная ось*.

Что касается «богатства ассоциаций» в смысле разветвленности аналогий, то этот фактор, наряду с их системностью, признается важнейшим свойством метафоры в науке, позволяющим прогнозировать качества исследуемого объекта [Metaphor: Problems and Perspectives 1982; Mascogmas 1976; Soskice 1985; см. также Петров 1982; 1985].

В параметре «удаленность областей», из которых берутся компоненты метафоры, также действуют разные тенденции. В метафоре, выражающей гипотезу, неожиданность уподобления может вести к открытию. Однако неожиданность уподобления не является главной целью концептуальной метафоры. Наоборот, близость сфер может способствовать разветвленности аналогии и ее четкому восприятию, что было показано на ряде примеров. То же выражение *краски образа* применяется успешно к словесному образу или образу, созданному актером, потому что средства, используемые в этих видах искусства, выполняют функцию, подобную функции красок в живописи: это материальные средства создания образа.

Глубину концептуальной метафоры можно охарактеризовать как способность высвечивать важные для обозначаемого концепта признаки.

Любая метафора на стадии формирования представляет собой образ, так как образным является принцип ее формирования и способ выражения. Однако развитие образа в процессе узуализации метафоры в языке также различно для тех сфер, где действует концептуальная метафора. В сферах обиходно-бытовой, общественно-политической, научно-популярной прослеживается стремление автора не только выразить понятие, но и сделать высказывание эмоционально действенным. Поэтому нацеленность метафоры здесь может быть двоякой: с одной стороны, концептуальной, а с другой — образной и эмотивной, например *пути привычки*, *воз новостей*, *пресс цензурных запретов*, *тиски Голливуда*. Сочетание эмоционального и эстетического прослеживается в концептуальных метафорах в литературоведческих и искусствоведческих работах (этому свойству способствует тематика).

Частое употребление в метафорических контекстах ведет к появлению соответствующих коннотаций у слов, функционирующих в роли вспомога-

тельного компонента подобных концептуальных метафор — слово несет на себе след своих метафорических контекстов. Так, существительные *искра*, *заря*, *печать* в прямом значении являются нейтральными или же содержат оценочные семы только в денотативном ядре значения (*заря* ассоциируется с утром нового дня, что вызывает положительную реакцию на слово). В результате частого употребления в метафорических выражениях типа *искра таланта*, *заря будущего*, *заря новой жизни* слова обрели коннотативный аспект значения: *заря* — ассоциируется с зарождением, ранней порой жизни; *искра* — не только горящая частица раскаленного вещества, но также ассоциируется у носителей русского языка с проблеском, частичей положительной эмоции или чувства; *раб* имеет значение, не только связанное с эпохами Античности и Гражданской войны в США и содержащее оценочные семы в денотативном ядре значения; это слово имеет коннотативный признак 'безвольность, неспособность противостоять жизненным обстоятельствам по объективным или субъективным причинам' (*раб страстей*, *рабы техники*, *раб капитала*).

Таким образом, семантические характеристики слова, выбираемого на роль вспомогательного компонента концептуальной метафоры, зависят от намерения автора и связаны со спецификой сферы функционирования. Концептуальная метафора с эмоциональным и эстетическим зарядом является одним из средств формирования коннотативного аспекта значения лексических единиц.

Оценочный характер концептуальной метафоры определяется, естественно, не только семами вспомогательного компонента, но и самих обозначаемых. Во многих случаях одно и то же образное средство в сочетании с единицами различной семантики формирует метафорические значения разного оценочного или нейтрального характера. Например, номинации *круг величин*, *круг зрителей*, *круг раздумий* вообще не содержат оценочных сем в значении. Оценочный характер концепта возникает при введении в метафору распространителей: *широкий* — *узкий круг зрителей*, *круг горьких раздумий*. В номинации *круг самоповторений* оценочный характер концепта определяется семантикой слова *самоповторение*. Сходное явление наблюдается в метафорах *печать времени*, *печать порока*, *след цинизма*, где оценочный или нейтральный характер значения обусловлен семантикой существительных *порок* и *цинизм*, с одной стороны, и *время* — с другой. Кроме того, сам характер метафоры, а именно присущая ей внутренняя форма, может повышать эффект оценочных сем в ее компонентах. Так, в метафоре *воз новостей* на первый план выходит признак 'очень большое количество', который в прямом значении является периферийным.

Многие метафоры данного подтипа, имеющие эмотивный или эстетический заряд, принято обозначать термином «стершаяся метафора». При этом необходимо отметить, что сами по себе эти номинации, хотя они и сохраняют в языке известную долю образности, не являются образно-поэтическими. Образно-поэтическая метафора функционирует в художественной речи. Она входит в образный контекст и в нем реализует свои креативно-образные потенции, обусловленные ее коммуникативной направленностью — выражением субъективного видения мира. Концептуальные метафоры также могут использоваться как средства ху-

дожественной речи и «оживать», т. е. наполняться новым образным содержанием в системе текста. Проследить возникновение и характер развития каждой из таких метафор довольно сложно, однако можно указать на одно их общее свойство: формирование концепта в данном случае опосредовано эмоциональным отношением со стороны говорящего. Коммуникативная установка, совмещающая концептуальную, эмоциональную и эстетическую стороны, способствует сохранению некоторыми концептуальными метафорами доли образности.

Другие характеристики и другой путь развития свойственны концептуальной метафоре, функционирующей в сфере науки. Необходимость метафоры в языке науки вызвана, в частности, тем фактором, что круг предположений всегда шире, чем инвентарь имеющихся языковых средств, так как человек познает все новые объекты непосредственно не наблюдаемой действительности. Если метафору вообще характеризуют как «приглашение к особому видению мира» (proposal about how to see the world [Loewenberg 1975]), то в языке науки предположение, выражаемое метафорой, стремится отобразить объективное положение дел. Метафоры, выполняющие роль научных терминов, выражают гипотезы, которые стремятся к верификации [Петров 1982; 1985; Массогмас 1976]. В этом плане концептуальная метафора в области научной терминологии имеет отношение к критерию истинности. Поэтому ее можно рассматривать как парадоксальное явление: в ней проявляется в наибольшей степени, по сравнению с другими типами метафор, противоречие между способом номинации и содержанием. Способ номинации является с формальной точки зрения совмещением несовместимого, но устанавливаемые таким образом подобия и аналогии претендуют на объективность.

Первоначально метафора в научной терминологии выдвигается одним ученым и является частью его индивидуального языка [Петров 1985]. Гипотетическое начало, выражаемое такой метафорой, составляет ее субъективный аспект, определяемый еще как диафорическое начало метафоры [Массогмас 1976]. В процессе верификации она становится частью языка научного сообщества, превращаясь в выверенную гипотезу. Стремление к верификации, к обретению точного десигната делает ее образность неустойчивой. Однако даже в тех случаях, когда первоначальное предположение не подтвердилось, метафорическая номинация может оставаться в языке науки. Вероятно, удобство метафоры-термина обуславливается не только предпочтением существующего в языке знакомого слова. По ходу выявления подтверждаемых элементов гипотезы метафорические обозначения способны гибко видоизменять свой интенционал, приспособляясь к новому знанию. Например, сейчас в термины *организм языка* и *дерево языков* вкладывается не тот первоначальный, слишком натуралистический смысл, который обусловил возникновение этих метафор. Даже если первоначальные предположения не подтверждаются, то гипотетичность метафоры является фактором, продуцирующим познание. Это является подтверждением способности метафоры, в отличие от других типов переносных значений в языке, не только заполнять смысловые и языковые лакуны, но и создавать их [Soskice 1985]. В наибольшей степени свойством эвристической ценности обладают фундаментальные метафоры, подобные аналогии *строение атома — солнечная*

система или *мышление подобно процессу обработки информации*. Они обуславливают целые направления в научных исследованиях с соответствующей системой метафорических терминов.

Однако не все концептуальные метафоры, функционирующие в сфере науки, являются гипотезами, требующими верификации. Большая часть их не принадлежит к числу научных терминов в строгом смысле. Они выражают наиболее общие понятия, необходимые для научных исследований и выражения знаний, и приобретают конкретный смысл в контексте при уточнениях. Например, номинации *корень теории*, *цепь умозаключений* или англ. train of thought 'ход мыслей' (букв. 'поезд мыслей') могут быть отнесены к основной части любой теории или к способу умозаключений в любой ветви научного знания. Денотатом *цепи умозаключений*, например, является 'такой способ умозаключений, в котором суждения последовательно связаны друг с другом, как если бы это были скрепленные звенья цепочки', так же как *образ жизни* в обиходно-бытовой сфере означает только 'то, как живут' и конкретизируется в контексте *божественный образ жизни*, *американский образ жизни* и т. д.

Концептуальная метафора в лингвистической терминологии также часто не требует верификации, как, например, номинации *корень слова*, *расщепленные предложения* (англ. cleft-sentences), термины, обозначающие принципы взаимодействия компонентов метафоры, *фильтр* — filter, *призма* — prism. Эти номинации построены по принципу *als ob* на ассоциативно-образной основе и выражают предположение о свойствах обозначаемых объектов, однако здесь нет необходимости разворачивать аналогию для того, чтобы узнать, подтверждаются ли гипотезы. Имена в данных примерах формируют концепты, определенным образом углубляя знание, однако не отличаются большой эвристической ценностью. В этом плане они близки к так называемым «педагогическим метафорам», активно используемым для разъяснения научных концепций в процессе обучения, типа *облака электронов*. Однако их ценность для языка науки заключается уже в том, что вербализованное понятие представляет определенный этап в процессе познания.

Г. Лакофф и М. Джонсон на широком языковом материале вскрыли связь языковой метафоры с мировосприятием лингвокультурной общности. Они выделили разряд основополагающих метафор (conceptual metaphors [Lakoff, Johnson 1980]), которые в более поздних работах по этой проблеме предлагается называть концептуальными структурами или схемами, учитывая их понятийную сущность [Closs 1985]. Эти схемы определяют наиболее общие аналогии и направления рассмотрения объектов. Например, время осмысливается в терминах пространства, что находит выражение в предлогах: (физический) верх ассоциируется у нас с положительными явлениями — здоровьем, материальным благополучием и т. д., а низ — наоборот. Наиболее общие концептуальные схемы обуславливают конкретные языковые метафоры.

Далее представлена попытка определения некоторых смысловых групп концептуальной метафоры. Интенционалы метафоры задаются теми признаками концепта, которые говорящий стремится выразить, т. е. тем представлением об обозначаемом, которое существует в сознании в момент образования метафоры. Ограничения, влияющие на выбор слова, опреде-

яются в соответствии с теорией интеракции обоими компонентами метафоры — и обозначаемым, и сигнификатом вспомогательного компонента.

Обозначения проявлений человеческой деятельности, способностей или событий требуют указания на место, где протекает эта деятельность. Значение 'место' для видов деятельности человека выражается посредством слов *поле, область, сфера*: *поле зрения исследователя, держать в поле зрения, задать поле поиска, область мысли, область интересов, сфера речевого мышления, сфера труда*. Общий принцип построения этих метафор — принцип фиктивности *als ob*, по которому непредметные, отвлеченные виды деятельности рассматриваются так, 'как если бы это была физическая деятельность'. *Поле пахут и засевают*, т. е. 'это место, подлежащее обработке', *область* — 'место, где что-либо располагается' с добавлением признака отграниченности от других областей'. С другой стороны, слово *арена* ('место, где даются представления') преимущественно участвует в метафорах для обозначения событий: *арена истории, арена событий, арена действий*.

Смысл 'малая доля эмоционального переживания, свойства натуры или способности' формируется сочетанием существительных *искра, крупица, капля, оттенок*, которые в прямом значении содержат семантический признак 'малая доля вещества', с соответствующими словами аналитического типа семантики. *Крупницы мастерства* (ср. *собрать по крупницам* — 'как если бы это было нечто вещественное, рассыпчатой структуры'); *искра таланта, искра надежды* ('как если бы это была искра огня, которая быстро гаснет'), *оттенок гротеска, оттенок презрения* — некоторое проявление гротеска или эмоционального переживания 'как если бы это был не основной цвет, а его разновидность, с меньшей яркостью'.

Признак 'граница', свойственный существительному *рамка*, используется в метафорах со словами, обозначающими концепции, воззрения, общественные установления, для выражения их границ или ограниченности: *рамки мелодрамы, рамки амплуа, рамки ханжеской морали*.

Смысл 'оборотная, нелцевая сторона явления или события' выражается в метафорах посредством существительного *изнанка*: *изнанка экономического чуда, изнанка светской жизни*; смысл 'окраина, периферийная сторона какого-либо места' выражается посредством слова *задворки*: *задворки города, на задворках Европы*.

Существительные *покров, дымка, шелуха, туман* участвуют в формировании метафор со значением 'покрытие, скрывающее от человека истинную суть чего-либо': *покров тайны, шелуха сплетен и домыслов, дымка забвения, туман вечности, покровы значительности*. Эти существительные, несмотря на несходство их денотатов, имеют в прямом значении общий признак 'покрытие, скрывающее что-либо от зрения или выполняющее защитную роль': *забвение* — 'как бы дымка, за которой теряются очертания предметов'; *покров значительности* — 'вид, создаваемый внешностью и манерой поведения человека, прячет его внутреннюю сущность, как если бы это был реальный покров из ткани'.

Смысл 'целостное явление, совокупность, состоящая из однородных элементов' формируется посредством существительных *ткань, пучок, узел, пакет, сеть*. Они взаимодействуют с именами информационных объектов,

названиями научных категорий: *пучок изоглосс, пучок семантических признаков, ткань художественного языка, художественная ткань картины, пакет предложений, узел противоречий, структурные узлы текста*.

Ряд существительных функционирует в метафорах для обозначения инструмента действия, как например, *орудия науки, оружие тщеславия, ярмо рабства, жало сатиры, яд скептицизма, яд ненависти, тиски нищеты, пути империализма*. Действие, которое производят эмоции и свойства характера человека, условия жизни становятся тем самым 'как бы физическим действием, совершающимся физическим инструментом'. Особенно часто выражается метафорически значение 'орудие разрушительного действия'.

Все явления, события, действия человека имеют определенный способ организации, поэтому при обозначении непредметных сущностей необходимо выражение такого их аспекта, как 'манера, способ'. Самое общее значение передается метафорами *образ мышления, образ правления, образ жизни*. Более конкретизированы частные проявления, например, в обозначениях: *краски жизни* ('переживания и окружающий мир — как бы созданы посредством красок и складываются в живописное полотно'); *стихия импровизации, стихия случайностей, стихия приключенческого фильма, буря негодования, гроза гнева* ('эмоции или действия человека, характеризующиеся силой и отсутствием упорядочивающего, разумного начала, предстают как бы явлением природы, характеризующимся такими же свойствами'), ср. * *стихия дисциплины* или * *стихия классической драмы*.

'Способ организации или действия' — очень широкое значение, поэтому в метафорах, выражающих данный смысл, часто содержатся какие-либо дополнительные параметры. Так, *линии родства* и *линии творчества* содержат признак 'направление развития' ('линия имеет направление и соединяет точки между собой'). *Шквал негодования*, наряду с *лавинной гнев* и *стихий*, включает в себе признак 'силы эмоции и действия', *волна недовольства*, как и *волна света*, содержат дополнительный признак 'квант действия'. *Контуры судьбы, канва сценария, контуры реальных персонажей*, наряду с 'манерой', содержат признак 'неполнота, приблизительность' (задан 'как бы остов, который необходимо заполнить конкретным содержанием'), а также признак 'целое, совокупность'.

Анализ концептуальной метафоры показывает, что ее значение формируется на основе взаимодействия двух компонентов — обозначаемого и образного средства. Обозначаемое метафоры задает ее направление в зависимости от представления говорящего об объекте и коммуникативного намерения; вспомогательный компонент выбирается среди ряда возможных в зависимости от того языкового понятия, которое он выражает и которое согласуется с намерением говорящего — обозначить определенную грань непредметного объекта.

МЕТАФОРА И СИМВОЛ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Последние два десятилетия ознаменовались во многом совершенно новым подходом к изучению различных сторон метафоры и других тропов, поэтической и языковой символики, к акселеологическому компоненту в слове, к коннотации как аспекту значения. В частности, в СССР вышли книги таких авторов, как Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Е. М. Вольф, Г. В. Степанов, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др. В этой связи большое значение приобретает исследование таких маргинальных, хотя и очень важных разделов языка, как фразеология и, в частности, идиоматика.

До сих пор среди значительной части фразеологов бытует мнение о «немотивированности» идиом, связанное с забвением их внутренней формы, а между тем, как верно заметили авторы «Общей риторики», «исходным материалом для образного языка служат не предметы, и даже не понятия: он оперирует уже с готовыми знаками» [Дюбуа и др. 1986, 172]. Немотивированность, а точнее — невозможность во многих случаях вскрыть пути фразеологизации той или иной единицы, привела к отказу от исследования важного аспекта идиоматики, лежащего в основе значения идиом, их семантики и ее развития в ходе функционирования этих фразеологических единиц (ФЕ) в речи. При том, что никто не отрицает вторичности происхождения идиом, их мотивированность фактически игнорируется исследователями, не привлекает их внимания. Между тем фразеология хранит в своем составе многие слова, словосочетания и структуры, которые могут дать исследователю чрезвычайно интересный материал относительно путей развития языка, его стадий и тенденций функционирования. В этом плане рассмотрение такой фигуры, как метафора, в связи с фразеологией имеет особый смысл, поскольку очень часто именно метафора лежит в основе ФЕ — идиомы. Характер этой метафоры в значительной мере отличается от образной, «свободной»: она становится «стандартной», теряет индивидуальность, но все же сохраняет образность, иносказательность (способы выражения которых также изменяются). Механизм образования метафоры, существующей в языке, распространяется на фразеологию и получает здесь свое дальнейшее развитие.

В поэтическом языке, наряду с метафорой и другими образными средствами, достаточно широко используется символика. Поэтическая символика, как и поэтическая метафора, индивидуальна, изменяется от поэта к поэту, но механизм образования символики, существующий в языке, так же как и метафоры, продолжает функционировать вне сферы поэтики, порождая символы совершенно другого рода. Эти символы очень часто получают импульс развития в рамках фразеологии или обозначают определенные социальные явления, факты, которые принято называть реалиями. Такого рода символы лишены образности, хотя, подобно метафоре, могут лечь в основу мотивированности фразеологической единицы — идиомы. Однако если в поэтическом языке метафора и символ близки друг другу, в языке обиходном они находятся на разных полюсах. Рассмотрение

метафоры и языкового символа в рамках фразеологии позволяет достаточно четко понять их особенности и различия, что немаловажно не только для лингвистической теории, но и для практики составления словарей.

Метафора в контексте легко узнаваема, поскольку ее нельзя понимать буквально, она «не согласуется» с другими частями текста. Ч. Стивенсон подчеркивает, что, хотя метафора требует «интерпретации», эту интерпретацию нельзя смешивать с буквальным значением метафорического высказывания. Интерпретируя известную шекспировскую метафору «Весь мир — театр», он показывает, что ни одна из интерпретаций не передает полностью смысла, содержащегося в метафоре. Отсюда он делает правильный, на наш взгляд, вывод о необходимости «определить интерпретацию как предложение, которое должно пониматься буквально и которое дескриптивно значит то, что метафорическое предложение выражает ассоциативно (suggests)» [Стивенсон 1985, 148]. Ч. Стивенсон сам признает, что невозможно дать точный перевод метафоры на неметафорический язык, и мы с ним полностью согласны, так как если бы это было возможно, необходимость в метафоре, по всей вероятности, даже бы не возникала в языке. Неповторимость метафоры была подчеркнута уже Аристотелем, и с тех пор еще никем не была опровергнута. Действительно, если попытаться «интерпретировать» строку из стихотворения Э. Багрицкого «Весна» (Стихи и поэмы. М., 1956, с. 73) *Весна развернула Зеленое знамя*, то можно это сделать, только уничтожив поэзию. Следовательно, в поэтической метафоре главные ее качества — ее нестандартность, невозможность замены необразным эквивалентом, невозможность моделирования. Справедливости ради следует заметить, что поэтическая, художественная метафора в интерпретации не нуждается. Механизм такой метафоры универсален, и потому любая, даже самая сложная художественная метафора будет воспринята носителем языка как таковая. На межъязыковом уровне она потребует искусства переводчика, но именно искусства. Здесь уже речь пойдет не об интерпретации метафоры, а о нахождении другой столь же выразительной метафоры средствами другого языка. Но даже если переводчик окажется недостаточно искусным, буквальный перевод метафоры может быть достаточен для ее понимания и в другом языковом коллективе.

Однако само существование механизма метафоры позволяет с ее помощью создавать новые языковые значения и языковые знаки не только в поэтическом языке. На основе метафоры образуются переносные и другие вторичные значения слов, термины. Такая метафора из фигуры речи переходит в языковой знак и носит совершенно иной характер. Она может быть либо словесной (тогда она ложится в основу мотивированности одного из вторичных значений слова или изначального значения нового слова), либо, если метафора выражена словосочетанием, она, как правило, фразеологизируется. Иными словами, переход метафоры из фигуры речи в языковой знак происходит только тогда, когда метафорическое переосмысление слова или словосочетания приводит к утрате прежней и приобретению новой референции.

Идиома тоже языковой знак, в основе мотивированности которого часто лежит метафора. Она уже утратила свою индивидуальность, и в

отличие от поэтической метафоры нуждается в интерпретации, во «внутреннем переводе», она может определенным образом моделироваться, по крайней мере выстраиваться в парадигму. Идиомы — языковые знаки, находящиеся в компетенции языкового коллектива, который ими пользуется. Основой идиомы является идиоматичность, которая может быть свойственна как слову, так и словосочетанию. Идиома возникает тогда, когда означающее теряет прямые связи со своим означаемым и в силу самых разнообразных причин используется для обозначения нового означаемого (предмета, референта, денотата). Идиоматичность фразеологической единицы — идиомы — выражается в отрыве семантически центрального компонента ФЕ¹ от своего денотата и способности всего словосочетания приобретать новую референцию, не свойственную ни одному из его компонентов. У. Л. Чейф определяет идиому как семантическую единицу, не обладающую собственной непосредственной символизацией, а использующую символизацию другой или других единиц [Чейф 1975, 57]. Такое определение нельзя назвать точным, однако если учесть, что автор вводит понятие ограниченных и неограниченных идиом, указывает на ряд формальных признаков, им присущих и т. д. [Там же, 53—64], то становится понятным, почему он включает образование идиом в общий семантический процесс формирования семантических и постсемантических значений языковых единиц. Заслуживает внимания и замечание, высказанное Чейфом по поводу того, что образование идиом связано с тенденцией порождения более абстрактных и неосязаемых значений из конкретных, осязаемых, и что такая тенденция наблюдается не только на материале идиом.

Взгляды У. Л. Чейфа на идиомы во многом совпадают со взглядами других исследователей. Однако в данном случае особый интерес вызывает очень четко сформулированное положение У. Л. Чейфа о процессах, связанных с происхождением идиом, особенно тех из них, которые образовались в результате метафоризации свободных словосочетаний, прошедших определенные этапы своего развития или сохранившиеся в своем первоначальном виде. Результаты этих процессов мы назвали образной, или фразеологической, мотивированностью идиом [см. также Черданцева 1977; 1985].

Как показывают проведенные нами исследования, метафора, лежащая в основе образной мотивированности идиом, понимается в классическом смысле, т. е. как троп, образующийся в результате употребления слов в переносном значении по принципу сходства денотатов (референтов) и их функций. В отличие от словесной метафоры во фразеологизме перенос значения происходит по сходству целых ситуаций, выраженных чаще всего словосочетанием. Образ, созданный на метафорической основе, устойчив, иначе говоря, для фразеологии характерна образная метафора. Любую идиому, в основе которой лежит образная метафо-

¹ Под семантически центральным компонентом фразеологической единицы понимается тот ее компонент, который семантически организует словосочетание. Например, в идиоме *строить воздушные замки* синтаксически подчиненное слово *замки* семантически организует словосочетание. В данном случае слово *замок* утратило связь со своим прежним означаемым и все словосочетание получило новый смысл 'строить несбыточные планы'.

ра, можно попытаться «расшифровать» путем восстановления сравнения — подобия, через которое проходит идиома, мотивированная на основе метафоры. Восстановление сравнения-подобия можно попытаться произвести с помощью формул 'подобно тому (чему)', 'в положении, подобном кому (чему)', 'как кто (что)'. Даже в тех случаях, когда связь двух сравниваемых ситуаций потеряна в веках, сам по себе факт существования такого сравнения общеизвестен, и это только подтверждает возможность его восстановления. Так, например, идиома *сидеть на мели* прошла через сравнение *подобно кораблю*. Знание картины мира позволяет носителю языка представить себе ситуацию корабля, оказавшегося на мели, перенести ее на человека, и смысл образной метафоры, по крайней мере ее аксеологический аспект, станет ему ясен. Тем не менее, восстановление сравнения предназначено не только для того, чтобы прояснить значение идиомы. Его использование помогает нам выявить среди множества фразеологических единиц те из них, в основе которых лежит метафора, т. е. образы, созданные членами языкового коллектива на протяжении веков и оставшиеся в языке часто как единственные свидетельства отмерших обычаев, преданий, народного творчества и даже художественных произведений. Русской идиоме *сидеть на мели* соответствует ит. *essere al verde* (букв. 'быть на зеленом'). Сравнение, лежащее в основе образа русской идиомы, легко угадывается языковым коллективом, в итальянской же идиоме мы можем с точностью знать лишь об обязательном существовании сравнения, вписывающегося в формулу 'come qc (qd)' — 'как кто-л. (что-л.)/подобно кому-л. (чему-л.)'. Поскольку современное значение идиомы нам известно и прежде всего известна сема отрицательной оценки данной ситуации, это дает нам возможность предположить, что в основе образа лежит нечто, что было зеленого цвета, что свидетельствовало о последних остатках чего-то и что это плохо. К. Лапуччи [Lapucci 1969] утверждает, что зеленым было основание свечей, которые использовались при карточной игре. Когда свеча догорала, оставалось лишь ее зеленое основание.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что метафоры, лежащие в основе идиом, отражают стандартные ситуации в определенный исторический период жизни языкового коллектива. Однако известны еще и такие метафоры, которые образовались на основании сравнения с нереальными вещами и явлениями, точнее с невидимым миром, существующим только в сознании людей, а в некоторых случаях речь может идти вообще о заведомо не существующих «нечто» или «некто». Тогда это свидетельствует о наличии воображения у носителей языка, которое также участвует в коммуникативном процессе. Например, в мире не существует зеленых мышей и белых мух, а белые вороны — большая редкость. Тем не менее, они фигурируют в идиоматике: *белая ворона* в русском, *mosca bianca* и *corvo bianco* (букв. 'белая муха, белый ворон') в итальянском, *mosca blanca* (букв. 'белая муха') в испанском в значении 'большая редкость'. *Far vedere i topi verdi* (букв. 'показать зеленых мышей') в итальянском имеет значение, соответствующее примерно рус. *показать, где раки зимуют* (или еще более грубым выражениям). Заслуживает особого внимания тот факт, что номинации такого типа обычно существуют только в идиоматике. Если лешие, ведьмы, кошей и проч. существуют

в воображении людей, т. е. за этими словами в сознании людей закреплены определенные признаки настолько, что они могут употребляться и в переносном смысле, то белые вороны, белые мухи, зеленые мыши не могут существовать даже в воображении. В сознании людей они вызывают определенную реакцию, которую можно было бы передать с помощью формулы: 'нечто, чего обычно не бывает'.

Словосочетания типа *белая ворона* или *белая муха* отличаются от скорректированных метафор типа *хрустальная грудь* (вм. *хрустальный кувшин*) [Дюбуа и др., 200—203]. В них не только не подчеркивается сходство с чем-то известным, но, напротив, отрицая путем переноса значения прямую (первичную) номинацию, прилагательное *белый* зачеркивает референцию с предметом, обозначаемым словом *муха* или *ворона*. Здесь можно было бы говорить о «коррекции» наоборот, поскольку в приведенных примерах прилагательные имеют только одно назначение — показать, что то, что называют с помощью имени, на самом деле не соотносится с привычным для этого имени денотатом². Создается новая косвенная номинация, расшифровке которой не может помочь контекст. Для оптимального осуществления коммуникативной функции языка существует только один путь — фразеологизация подобного рода косвенных номинаций; переход их в устойчивые единицы языка, значение которых не выводится из суммы сем, содержащихся в словах-компонентах, входящих в эти единицы. К такого же рода образованиям относятся единицы, в основе которых лежат образные метафоры типа: *буря в стакане воды* (ит. *buirrasca in un bicchier d'acqua*) или *piangere sul latte versato* (букв. 'плакать над пролитым молоком') 'сожалеть о том, чего уже не поправить' и т. п. Иначе говоря, и в этих случаях мы имеем дело с фразеологизацией косвенных номинаций, только другого типа.

«Обязательная» фразеологизация характерна для многих образных идиом, а также для ряда других, о которых мы скажем ниже.

Итак, мы затронули здесь очень важную проблему, которая приподнимает завесу при ответе на вопрос: зачем нужна фразеология? Известно, что в природе, а значит и в языке, существует определенный порядок, нарушение которого возможно только в том случае, если в этом есть острая необходимость для создания определенного эффекта. Одним из видов нарушения такого порядка является появление фразеологии. Известно, что только фразеология использует все виды метафоры, в том числе

² Вопрос о сочетании имени существительного с прилагательным заслуживает особого разговора. Здесь только хотелось бы отметить следующее: в зависимости от того, сохраняет ли имя существительное связь со своим означаемым (денотатом), могут возникать языковые знаки разной природы. Например, *белый уголь* — это составной термин, возникший на метафорической основе. Хотя под белым углем подразумевают энергию воды, смысл этого сочетания образован по сходству функций воды и угля. Таким образом, в данном случае можно говорить о скорректированной устойчивой метафоре, которая порождает термин. Сочетание *Золотое кольцо Москвы* (Владимир, Суздаль и др.) имеет скорее символическое происхождение, где слово *золотой* используется с присущей ему коннотацией 'хороший, красивый'. Наряду с этим существуют словосочетания-названия, которые ничего не значат, так как в них нет ни метафоры, ни символики, а есть произвольно выбранное имя собственное для нового денотата (например, фабрика детских швейных изделий, которая носит название «Красный милиционер»).

и «скорректированную наоборот», не встречающуюся, как правило, в других видах номинации. Оказавшись в основе образной мотивированности идиом, «скорректированная наоборот» метафора помогает понять причины появления той или иной фразеологической единицы, что обычно связано с необходимостью создания новых средств для более точной передачи картины мира, осознаваемой не только отдельным носителем языка, но всем языковым коллективом. Такая постановка вопроса снимает, на наш взгляд, «случайность» появления фразеологизмов в языке.

Рассмотрим несколько примеров: *строить воздушные замки* (*строить на песке*), *возносить/вознести до небес* кого-л., что-л., *вправить мозги* кому-л. Все они образно передают ситуацию, выражаемую скрытым сравнением: 'подобно тому, как делать то, чего не бывает'. Наличие скрытого образного сравнения свидетельствует о том, что перед нами метафора. Особенность этой метафоры состоит в переосмыслении не одного слова, а сочетания слов. Сочетание слов в данном случае отличается еще одной особенностью: в нем сочетаются слова «несочетаемые». Так, хотя замок строить можно, прилагательное *воздушный* делает «коррекцию наоборот», превращая словосочетание *воздушные замки* в наименование несуществующего денотата. *Возносить до небес* кого-л. в наше время можно понимать в прямом смысле, если не учитывать, что в прямом смысле глагол *возносить* сейчас ощущается как устаревший. В момент становления этой единицы на основе образной мотивированности возможность вознести или возвестись до небес могла восприниматься только как метафора: т. е. 'так же высоко, как высоко небо — бог'. Наконец, пример *вправить мозги* воспринимается как метафора потому, что данное действие в прямом смысле не могло бы привести ни к чему другому, кроме как к гибели человека. Скрытое сравнение, содержащееся в этой метафоре — 'подобно тому, как вправляют вывихнутую ногу'.

Разберем другую группу примеров: *заглядывать в бутылку* (*в рюмку*), *впитать/впитывать с молоком матери*, *врастать/прирастать корнями*. Все указанные словосочетания существуют в современном русском языке и могут употребляться в прямом значении. Метафоричность, образность этих словосочетаний проявляется в отнесении их к субъекту или объекту, при которых буквальное их понимание становится бессмысленным. Первый пример носит эвфемистический характер (ср. итальянский эквивалент *alzare il gomito* букв. 'поднимать локоть'). В контексте метафоричность этого словосочетания проявляется в отсутствии распространителей (ср. *Он заглядывает в бутылку* и *Он заглянул в бутылку с красным вином*). Второй пример можно понимать буквально 'впитывать с молоком матери витамины', однако метафоричность этого словосочетания проявляется при изменении характера объекта, в частности, когда объект выражен абстрактным именем. Третий пример может быть понят буквально, если его субъектом будут такие имена, как *дерево*, *растение*. Однако если субъектом является имя лица, то данное словосочетание воспринимается как метафора: *он врос корнями в этот город* (подобно дереву). Аналогичные примеры можно продолжить. Однако и те, которые были приведены, позволяют сделать вывод, что для многих ФЕ характерна образная мотивированность на основе метафорического переноса

значения свободного словосочетания. При этом образное употребление такого словосочетания проявляется в его формальных связях с соответствующими распространителями и в его сочетаемостных способностях.

Метафора в области фразеологии, в отличие от художественной метафоры, не индивидуальна. Напротив, в основу образной мотивированности может лечь только тривиальная, стандартная метафора, понятная всему языковому коллективу и в силу этого прошедшая процесс фразеологизации. Процесс фразеологизации связан в языке с определенными механизмами их создания. В качестве таких механизмов выступает способность языковых знаков к формированию вторичных значений на основе переноса первичных значений и производства мотивированных языковых единиц. Становление новых словесных знаков на основе стертых метафор только чисто внешне сходно с процессом фразеологизации. Последний предполагает обязательно сочетание слов, но не одно слово, изменение сочетаемостных возможностей словосочетания, появление определителей («коррекции наоборот»), указывающих на утрату связи между денотатом и его именованьем, наконец, возможность словосочетания нести в себе смысл того первичного контекста, который со временем полностью утрачивается и от которого сохраняется только образ.

Разумеется, среди образных средств не только метафора ложится в основу идиомы. Например, большое место в этом занимает метонимия, поскольку отнесение к лицу, очень часто ведущее к фразеологизации словосочетания, нередко бывает связано с переносом значения по смежности. Идиомы, мотивированные на основе этих фигур речи, ведут себя по-разному в отношении, например, их возможного моделирования или построения парадигмы, в отношении вариантности. Однако этот вопрос выходит за рамки данной работы.

В основе мотивированности идиом лежат не только фигуры речи, но и другие средства, не связанные прямо с образным переосмыслением. Одним из таких средств является, на наш взгляд, символизация.

Термин «символ» по-разному используется в лингвистике и в литературоведении. Дж. Вико, известный итальянский философ и гуманист, живший на рубеже XVI—XVII вв., в своей книге «Основания новой науки об общей природе наций» (Л., 1940) довольно много места уделяет природе языка, в частности образного. Рассматривая историю человеческого общества как движение по спирали, он выделял три витка, соответствующих детству, юности и зрелости человека. Каждому из этих витков, по мнению Вико, соответствовали стадии языка. Так, второму витку, юности человека, которую Вико называл героической стадией с присущим ей героическим (аристократическим) государством, соответствовал символический язык. Ему были свойственны метафоры, сравнения, аналогии. Таким образом, Дж. Вико связывал символы в языке с образной его стороной.

При изучении знаковых систем под символом понимают световые, цветовые, звуковые или другие сигналы, соотносимые с определенным понятием или сообщением, может быть, даже точнее понятием-сообще-

нием. У. Л. Чейф, излагая свою концепцию человеческого языка, под символом понимает фактически означающее (в том смысле, в каком его понимает Ф. де Соссюр, его ученики и последователи). С другой стороны, У. Л. Чейф, иллюстрируя тезис о том, что символизация состоит в превращении мысли (сообщения) в звуковой сигнал, приводит пример превращения $A \rightarrow X$, где A мысль *It is noon* 'Сейчас полдень' выражается через X — гудок сирены. Символизация, по мнению У. Л. Чейфа, «это когда нечто из мира идей или понятий превращается в нечто, способное стать мостиком через пропасть, разделяющую отправителя и получателя, в данном случае в нечто из мира звуков. Идея 'сейчас полдень' символизируется звучанием — гудок сирены» [Чейф, 1975, 31]. Здесь мы усматриваем некоторое противоречие, поскольку, согласно основной мысли У. Л. Чейфа, символизация связана со звучанием человеческого голоса, а не сирены. Однако в приравнивании звучания сирены к символу, доступному для понимания языковым коллективом той информации, которую этот гудок несет, нам видится как раз возможность провести границу между двусторонним знаком-словом и символом, соответствующим только одному означаемому и имеющим еще ряд особенностей. Сторонники теории речевых актов, и прежде всего Дж. Серль [1986], Дж. Л. Остин [1986], а также Р. И. Павилёнис [1986], справедливо указывают на роль прагматики в понимании и использовании конкретных речевых актов и единиц языка. Это имеет самое непосредственное отношение к языковой символической.

Понятие символа Ю. С. Степанов связывает с максимально возможным в слове выявлением сущности и утверждает, что «символ — понятие не научное, это — понятие поэтики; он всякий раз значим лишь в рамках определенной поэтической системы, и в ней он истинен» [Степанов 1985, 85]. Именно так воспринимались символы поэзии французских символистов в конце XIX в. или русских символистов в начале XX в.

Однако наряду с поэтическими существовали и существуют символы, которые можно было бы назвать историческими. Это символика, связанная, например, с греческой и римской мифологией. Подобного рода символика рождалась как концентрированное выражение содержания верований, легенд, преданий, его квинтэссенция. В дальнейшем такого рода символика была характерна для различных жанров фольклора.

Говоря о символах в языке, мы имеем в виду не символика художественных произведений и не исторические символы, хотя функционально они очень близки. Речь идет о символах, порождаемых процессом эволюции языка, о символах — носителях определенного значения, обладающих собственной спецификой. Специфика языкового символа состоит в мотивации языкового знака, связанной не с переносом значения, как это характерно для тропов, а с картиной мира, фоновыми знаниями, прагматикой в широком смысле слова. Несмотря на многозначность слова *символ* и его «занятость», мы не считаем нужным отказываться от него. Символ содержит в себе сему условности именованья и однозначности, а потому вполне удобен для того, чтобы им называли определенную манифестацию значения в языке.

Наряду с фразеологизацией на основе метафоры в языке наблюдается

фразеологизация словосочетаний, включающих слова-компоненты, переосмысленные ранее под воздействием культурологических и других социальных факторов, а также словосочетания, обозначающие жесты, символизирующие определенное состояние человека или действие. На первый взгляд такого рода ФЕ ничем не отличаются от мотивированных на основе метафоризации всего словосочетания в целом. Например, ФЕ с компонентами, обозначающими половые органы, а также некоторые внутренние органы человека или животных. В силу определенных социальных причин, таких, как табуирование, жертвоприношение и др., эти слова получили в каждом конкретном языковом коллективе новые употребления, связанные с символизацией денотатов. Следует подчеркнуть, что речь идет не о новых значениях слов, а именно об употреблении их в определенных контекстах, которые позволяют связывать эти слова с символизацией обозначаемых ими денотатов. Часто такая символизация не совпадала не только у разных народов, но и у носителей разных диалектов и говоров, что не могло не затруднить коммуникативного процесса. Наличие в каждом языке механизмов фразеологизации позволяло включать данные слова в этот процесс.

Фразеологизация этих словосочетаний произошла именно потому, что никому не было дано точно знать, что в функциях этих органов истинно, а что является плодом воображения. Однако, попав в состав фразеологических единиц, т. е. языковых знаков, эти слова как бы были «уточнены». Языковой коллектив не интересовала ложность или истинность функций, приписываемых тем или иным органам. Языковой коллектив удовлетворился тем, что принял как данное, например, что в итальянском храбрость ассоциируется с печенью, а во французском — с желудком и т. д.

Попытаемся показать на примерах «кинетической» идиоматики сложный процесс фразеологизации в языке, связанный как с символизацией денотата, так и с метафорой.

Термином «кинетическая фразеология» мы называем идиомы, в основе мотивированности которых лежит описание жеста, с одной стороны, и реакций внутренних органов и частей тела на внешние речевые и неречевые раздражители, — с другой. Здесь мы опираемся на известное высказывание Р. Якобсона о том, что все, что происходит в мире, может быть вербализовано, поэтому мы имеем в виду прошедшие процесс фразеологизации вербализованные жесты и реакции внутренних органов на внешние раздражители [Jakobson 1963].

Что касается языка жестов и их использования в различных языках, то по этому поводу имеется довольно обширная и известная литература. Особенностью же идиом, мотивированных на основе жестов, является как раз лишь вербальное их описание и связанная с ними символика, которая далеко не всегда совпадает с первоначальной символикой самого жеста. Переведенный на язык вербальных знаков жест символизирует определенное состояние или действие лица, к которому он относится в определенном контексте. Более того, если жест имеет место в реальной ситуации и на него указывают участники ситуации, такой жест не имеет отношения к идиоматике, если он не переосмысливается, например, перекреститься (осенить себя крестом) (перед церковью, как это делают

верующие), итальянский вариант *farsi la croce*. Следует заметить, что жест, связанный с крестным знаменем, относится к числу ритуальных. Ритуальные жесты, как правило, совпадают у разных народов только при общности ритуала, ритуальной церемонии. Так, например, если в русском социуме, чтобы предохранить себя от дурного глаза, было принято плюнуть три раза через левое плечо, то во французском хватаются за дерево (*toucher le bois*); в итальянском делают определенный жест рукой, сложенной в кулак, из которого выпущены мизинец и указательный палец. Рука в таком положении несколько раз опускается вниз (*fare le sogna* букв. 'сделать рога'). Многие ритуальные жесты фразеологизировались еще в Библии: *рвать на себе волосы* (в знак огорчения, горя), *бить себя в грудь* (в знак раскаяния). Они являются общими для многих народов и, соответственно, языков. Жесты в принципе всегда символичны, однако когда жест вербализован, он чаще всего фразеологизируется. Это происходит, видимо, потому, что, хотя опорные компоненты, входящие в описание жеста (в частности, определенная часть тела, определенный орган), воспринимаются всеми носителями языка в их первичном значении одинаково, сам жест может восприниматься неоднозначно. Символизация же требует чаще всего однозначности, которая достигается прежде всего фразеологизацией. Происходит некий «договор» о том, что, например, сложенные на груди или на коленях руки в русском социуме — жест, который может иметь место и тогда, когда человек просто не знает, куда ему девать руки, во фразеологизированном сочетании *сидеть сложа руки* превращается в символ безделья. Этот же символ в итальянском социуме описывается как *tenere* (*stare con*) *le mani in mano* (*con le mani sotto le ascelle* или *alla cintola*, *in grembo* букв. 'руки в руке, под мышками, на поясе, на животе'). Несколько другую, но почти аналогичную картину мы можем наблюдать в других языковых коллективах, по крайней мере в европейских языках. Итальянская лингвистка Г. Алфиери в своих социолингвистических исследованиях большое место уделяет жестам и символам. Г. Алфиери понимает под символами олицетворения сил природы (например, звезды на небе у Дж. Верга символизируют души усопших). Анализируя жесты в романе Дж. Верга «Семья Малаволя» Г. Алфиери делает ряд очень точных замечаний о многозначности жестов. Жест «руки, сложенные на животе» может обозначать блаженное ничегонеделание и беспомощность перед бедой (эпидемия холеры, малярия в романе «Семья Малаволя», последние часы у постели умирающего в романе «Дон Дездемоно»). Жест «руки, сложенные под мышкой» (у мужчин) может обозначать 'нежелание что-л. делать, праздность или, напротив, отдых после труда'. Этот же жест может выражать беспомощность перед необходимостью что-л. сделать, осуществить. Женщины из народа в тех случаях, когда они не хотят произносить такие табуированные слова, как 'смерть', 'беда' и т. п., приходят к потерпевшей, сложив руки на животе (под передником) и не произносят никаких слов и т. д. Г. Алфиери, сравнив значение жестов невербальных, нефразеологизированных с жестами-идиомами, приходит к выводу, что фразеологизированные жесты, как правило, однозначны [Alfieri 1983^{1,2}]. Они символизируют определенное состояние или действие. В дальнейшем, функционируя в речи как язы-

ковые знаки, они могут приобрести многозначность в соответствии с возможностями языковой системы. Однако чаще всего для фразеологизированных жестов характерна однозначность.

К «кинетической» фразеологии мы относим не только фразеологизированные жесты, но и реакции внутренних органов на внешние раздражители, а также гримасы, выражение глаз и пр. Такой подход отражает взгляд на язык в его функционировании как на двусторонний коммуникативный процесс. Оба участника ситуации, независимо от того, в каком языковом социуме они живут, обладают определенными фоновыми знаниями о возможностях своего организма и прежде всего о внешних проявлениях внутренних процессов, связанных с внешними раздражителями. Иначе говоря, они владеют определенной символикой, хотя не все одинаково ее выражают.

Рассмотрим примеры со словом *кровь*: 1. *Кровь бросилась (кинулась, ударила в голову)* кому-л. — реакция на сильный внешний раздражитель; символизирует испуг, злость. 2. *Кровь (краска) бросилась (кинулась) в лицо* — чаще всего реакция на слова собеседника; символизирует смущение, стыд, реже досаду. 3. *Кровь изгадет (кипит, бродит, горит)* в ком-л. — реакция либо на внешнее раздражение и тогда символизирует сильное волнение, вызванное страстью, порывом чувств, либо на внутреннее состояние организма, проявляющееся в избытке энергии; символизирует физическую силу, мощь. 4. *Кровь стынет (застыла), (леденеет, холодеет) в жилах* у кого-л. — символизирует чувство страха, ужаса. 5. *Наливаться кровью* (обычно о глазах) — символизирует гнев, злость. 6. *Сердце кровью обливается* — символизирует горечь, печаль и т. д. Аналогичная символика существует и в итальянском языке, но сформулированы подобные реакции несколько по-другому. Так, русскому примеру 3 соотв. ит. *gli bollì il sangue nelle vene* букв. 'у него кипит кровь в жилах', русскому примеру 4 соотв. ит. *gli si è ghiacciato il sangue* 'у него кровь заледенела'. Русскому примеру 1 соотв. итальянские варианты *Il sangue gli fece (diede) un tuffo (il sangue gli montò nella testa; il sangue gli salì al cervello; il sangue gli andò al capo; il sangue gli andò alla testa)* букв. 'кровь прилила; кровь поднялась ему в голову, в мозг; кровь пошла ему в голову'. В испанском, наряду с указанными русскими и итальянскими идиомами, обозначающими реакции на внешние раздражители, со словом 'кровь' есть единица: *ba gársele (или caérsele, irsele) a uno la sangre a los talones (или a los zancajos)* букв. 'кровь ушла в пятки', символизирует страх (ср. рус. *у него душа ушла в пятки*).

Мы постоянно убеждаемся в том, что, испытывая одни и те же эмоции и оценивая их в основном аналогичным образом, носители разных языков отбирают для их выражения разные, хотя и сходные функционально слова. Видимо, то же самое происходит и внутри одного и того же социума. Об этом свидетельствуют, в частности, примеры из Дж. Верга, приводимые Г. Алфиери³. Среди нескольких жестов с одинаковой

символизацией безделья: руки сложены под мышками, руки сложены на животе — фразеологизировался, вербализовался *stare con le mani in mano* букв. 'быть рука в руке', почти полностью эквивалентный рус. *сидеть сложа руки*.

Выражая свои ощущения, люди не воспринимают свой организм как некую машину, состоящую из органов, выполняющих каждый собственную функцию. Они не могут абстрагироваться от собственного «я» и поэтому, говоря о себе, они приписывают отдельным органам отнюдь не те функции, которые они выполняют, но в определенной мере те, которыми они их сами наделяют. В связи с этим неизбежно затрудняется взаимопонимание, и тогда вступает механизм системы, который и приводит к фразеологизации, т. е. к появлению идиом, мотивированных на основе жестов и реакций наших органов на внешние раздражители. Следует заметить, что уже при вербализации описание жеста, а особенно реакций внутренних органов может быть весьма приблизительным. Процесс же фразеологизации отличается от вербализации прежде всего тем, что между фразеологической единицей — идиомой и вербализованным жестом или реакцией на внешние раздражители прямая связь теряется, т. е. денотат утрачен, общим остается только символ. Символ между тем выражается знаками-словами или словосочетаниями, он по сути своей является знаком знака. Символ — это не образ. Напротив, это результат попытки свести сложное именование к простому, известному и тем самым упростить коммуникативный процесс, сохраняя несколько именовании одного и того же ощущения, восприятия, реакции на то, что происходит в мире и с миром.

Таким образом, между метафорой и языковым символом существуют взаимодополняющие отношения. Метафора передает сходство двух денотатов на основе общих сем (черт и функций денотатов), создает образ, чаще всего эмоциональный. Символ, напротив, не содержит оценки, вернее, обозначая определенное понятие, он не вносит оценочных компонентов в значение, он указывает лишь на замену одного именования другим не только на образной, но и на рациональной основе. Итак, новые именовании в языке, новые значения возникают как в результате образного переосмысления, так и в результате символизации денотатов, жестов и т. д. для оптимальной реализации коммуникативных целей.

На примере «кинетической» фразеологии мы попытались показать некоторые особенности языковой символики в языке. Однако, как всякий языковой процесс, символика развивается и в своем развитии оказывает влияние на эволюцию языка, нередко превращаясь в метафору. Таким образом, между этими двумя явлениями постоянно происходит взаимодействие, что и естественно, так как рациональное и образное начала в сознании, а следовательно и в языке, способствуют гармоническому его развитию.

Очень часто символ, как и образ, зарождается в слове еще до того, как оно получает новое значение на основе этого символа. Такое явление мы наблюдаем постоянно в области фразеологии, особенно связанной с «невидимыми мирами», которые нельзя скорректировать и о которых нельзя судить объективно. Человек обладает способностью творить символы из окружающей его среды, наделять вещи, явления, события

³ Дж. Верга в этом смысле автор особенный. На его произведениях можно проследить становление многих лексических и фразеологических единиц. Мы сами убедились в этом, работая над итальянско-русским фразеологическим словарем.

чертами и свойствами, которые он сам им приписал, в силу их «непонятности», с одной стороны, и их обожествления — с другой. В этом ему помогает потребность в коммуникации, в самовыражении. Чаще и проще всего это идет по линии поэтического и другого творчества, но ведь в природе языка есть и символический принцип, который находится в компетенции человека. Человек использует его, когда воображение не помогает разрешить проблему коммуникации, и тогда на смену воображению приходит рациональное мышление. Назвав нечто словом *душа*, *дух*, человек приписывает его признаки глазам, крови, сердцу, печени и другим органам путем их использования в речи в таких сочетаниях, из которых этот смысл как бы становится ясным. Постепенно многие из таких сочетаний фразеологизируются, становятся привычными, и следующие поколения, уже не задумываясь, употребляют не только идиомы с этими словами, но и, внося свой вклад в развитие языка, создают новые номинации на основе уже «приписанных» смыслов тем или иным словам не потому, что они имеют сходство с их денотатами или сравниваются с ними по смежности, а потому, что кто-то до них приписал этим словам данные смыслы. Круг замыкается, и языковой коллектив, не будучи в состоянии объяснить связь одного слова с другим, принимает эту связь на веру и признает ее символичность. Таким образом, символичность может мотивировать ФЕ, как мы это видели, в частности, в «кинетической» фразеологии. При этом в самом семантически центральном слове-компоненте образуется некое потенциальное значение, которое мы назвали символом, а ранее — фразеологически обусловленным значением, поскольку оно реализуется во фразеологических единицах. Такого рода символы можно было бы также называть потенциальными значениями слов.

При анализе природы и функционирования идиом большинство исследователей правомерно обращает внимание на тот факт, что если опорным или семантически центральным компонентом идиомы оказывается многозначное слово, то нельзя не учитывать частные значения его при образовании идиом. В качестве примера такого подхода можно привести хотя бы статью итальянско-русского фразеологического словаря на вокабулу carta: 1. бумага; документ, письмо; 2. географическая (и др.) карта; 3. игральная карта и т. д. С другой стороны, компоненты идиомы, функционируя в речи в ее составе, способны приобретать новые коннотации разного характера. Если мы вернемся к примерам ФЕ с компонентом *кровь*, то увидим, что в итальянском, испанском и отчасти в русском языке в составе идиом типа: *non avere buon sangue* (или *avere cattivo sangue*) *con qd* (букв. 'не иметь хорошую/иметь плохую кровь с кем-л.') 'недолюбливать кого-л.', *andare a sangue* (букв. 'идти к крови') 'приходиться по душе кому-л.'; *avere il sangue guasto* (*con qd*) (букв. 'иметь испорченную кровь с кем-л.') 'злиться на кого-л.' и ее русский эквивалент *портить себе* (кому-л.) *кровь* приобретает общую сему со словом *душа*: *по душе*, *не по душе* (кому-л.) Здесь можно вспомнить и испанский пример, где в ФЕ, эквивалентной рус. *душа в пятки ушла*, фигурирует слово *sangre* 'кровь': 'кровь в пятки ушла'. В итальянском слово *sangue* в идиомах *fare (farsi) buon sangue* букв. 'делать/сделать

себе хорошую кровь' воспринимается как улучшение физического/психического состояния, символизирует здоровье.

Помимо указанной символики компонент 'кровь' в составе идиоматики приобретает и такие значения, как 'происхождение/родство, жизнь, темперамент'. Итальянский толковый словарь Девото и Оли [Devoto, Oli 1967] в статье *sangue* выделяет такие символы у этого слова, как 'самопожертвование, преданность' (*versare il sangue per la patria* 'пролить кровь за родину'), называя в то же время такие символы, как 'жизнь, физическая энергия' переносным значением этого слова. Что же касается таких символов, как 'род, происхождение', то в словаре сказано, что слово *кровь* — 'естественный элемент, являющийся передатчиком этого качества'.

Мы привели здесь несколько примеров произвольного употребления терминов, так или иначе определяющих тип частного значения слова в вокабуле, которые свидетельствуют о необходимости упорядочить не только терминологию, но скорее сами понятия. Прежде всего хотелось бы уточнить, что символы и коннотация — это не одно и то же. Коннотации, подробно исследованные в хорошо аргументированной работе В. Н. Телия [1986], могут появляться у слова и в связанном и в свободном его употреблении. Коннотации чаще всего характеризуются эмотивностью, образностью и т. д. В противоположность коннотации, символика достаточно редко ложится в основу вторичного значения слова. И в этом случае говорить о переносе значения можно лишь с большими оговорками. Такие слова, как *большевик*, *меньшевик*, и т. п., имеют, по нашему мнению, символическое происхождение и полностью лишены образности. Эти слова не просто связаны с основой 'большинство', 'меньшинство', а с определенными историческими реалиями. Формально значимым в этих словах является только суффикс. Значение слова, его семантика основаны на символе, т. е. в данном случае на общественном договоре о том, что языковой коллектив будет подразумевать под значением этих слов. Слова *позеленеть* (от злости), *желчный* (человек) также имеют символическое происхождение, поскольку оба эти слова связаны с реакцией желчного пузыря на раздражение извне или изнутри. Слово *желчный* стало обозначать 'злой' совсем не потому, что от злости человек желтеет. Интересно, что М. Фасмер [1986] связывает слово *желчь* со словом *зелень*. Это весьма вероятно, поскольку желчь может быть желтой и зеленой. (Известно, что при исследовании функции желчного пузыря первая порция желчи светло-желтого цвета, в то время как после его раздражения вторая порция имеет темнозеленый цвет). Таким образом, становится очевидным «родство» слов *желчный* и *позеленеть*. Вряд ли в данном случае можно говорить о переносе значения, как это, например, утверждается в словаре С. И. Ожегова по отношению к слову *желчный*. На наш взгляд, здесь речь идет о происхождении слов *желчный*, *позеленеть* из фразеологических единиц. Так же, как в глаголе *клюнуть* ('попасться на удочку, поверить обману'), отражается значение всей идиомы, так и слова *желчный*, *позеленеть* стали носителями значений более сложного синтаксического целого.

Итак, если символика лежит в основе некоторых разрядов ФЕ и слов,

обозначающих социолингвистические, социокультурные, политические и другие реалии, то на основе этих же принципов у семантически центральных слов-компонентов ФЕ могут возникать новые потенциальные значения, связанные с внутриязыковыми процессами функционирования ФЕ. Выделение этих потенциальных значений-символов способствует систематизации фразеологии примерно в том же плане, в каком мы систематизируем фразеологию с многозначными словами в словарной статье. В действительности такие слова, как *печень, кровь, глаз* и под., в большинстве языков не имеют вторичных значений. Однако именно слова такого рода оказываются богатыми потенциальными значениями-символами, которые проявляются в разветвленной фразеологии. Классификация этой фразеологии на основе символов ведет не только к упорядочению и систематизации фразеологии с этими словами в качестве семантически центральных, но и позволяет сделать ряд наблюдений, важных для социолингвистики, этнографии, культуры быта и традиций разных народов.

КОМПАРАТИВНОСТЬ И МЕТАФОРИЧНОСТЬ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

Метафора занимает необычайно важное место в мыслительном процессе и в языке, являясь одним из способов отражения языковой картины мира целого народа или — в поэтическом тексте — элементом отражения семантической структуры мира писателя. «Метафора оказалась счастливой находкой, на основе которой очень хорошо исследовать то, что происходит с говорящим и слушающим в процессе говорения-слушания» [Allik 1981, 102].

Сопоставительное описание языковой метафоричности могло бы быть очень плодотворным с точки зрения познания «духа языка», с позиций типологии культуры. Эта задача без большого количества отдельных практических и теоретических исследований трудновыполнима. На данном этапе несколько более реальным нам кажется сопоставительное исследование категории компаративности, как подготовительный этап к сопоставительному исследованию метафоричности.

Строя фразу в процессе общения, любой человек, говорящий на данном языке, постоянно производит мысленный выбор нужного слова. Этот выбор всегда зависит от условий акта коммуникации. Человек выбирает нужное слово, чтобы лучше, яснее передать свою мысль. Искомое слово во фразе бывает обусловлено 1) семантически, 2) стилистически и 3) грамматически. В обычном коммуникативном процессе человек конструирует «правильные» фразы, т. е. им соблюдаются семантические, грамматические и стилистические правила соединения слов, закрепленные языковым узусом. Случаи намеренного нарушения определенных запретов соединения слов, намеренная «девиативность» порождает тропы, в том числе и метафору. С другой стороны, эти нарушения сами подчиняются определенным правилам, которые могут быть описаны. Следует отметить, что эти нарушения должны быть понятны для воспринимającego, т. е. оставаться в пределах языка.

Метафора основывается на сравнении — этот постулат принят большинством исследователей, изучавших и описывающих этот троп.

В последнее время изучение метафоры, особенно языковой, вновь оживилось. Вернее было бы сказать, что интерес к метафоре полностью не исчезал никогда, несмотря на некоторую ее периферийность. Поэтому мы не можем полностью разделить интересную и метафорически выраженную мысль Ю. Аллика о том, что: «Десять лет назад мало было тех, кто в лингвистике и в психологии предсказал бы метафоре лидерство. Метафора прочно занимала второстепенное место среди исследовательских тем. Живой интерес к странноватому свойству человека говорить одно, а подразумевать другое питали лишь те, кто испытывал удовольствие от сумрака и бессистемности, которой проблема была окутана» [Allik 1981, 102]. Периодическое возвращение к темам, на время отходящим на второй план, с позиций новейших достижений науки — для истории науки явление обычное. Естественно, что в последние годы и в СССР и за рубежом делаются попытки осмысления метафоры (и тропов вообще) в свете новых достижений лингвистической науки и теории знаков.

В статье «Метафора и языковой материал» Т. Хелп, опираясь на суждения Ю. Аллика и работы видных зарубежных лингвистов, знакомит читателя с современным состоянием изучения и осмысления метафоры. В статье описывается, каким образом метафора вошла в сферу интересов структуралистов, и делается вывод, что основным недостатком структуралистского подхода является отход от психологически реальных фактов. С другой стороны, признаются достижения психологического направления в области изучения метафоры, но отмечается недостаточно разнообразный характер использования ими языковых фактов [Help 1985].

Американские исследователи Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 1980] приходят к выводу, что метафора занимает в языке отнюдь не периферийную позицию, а гораздо более центральное место, чем было принято считать до сих пор. Библиографию и краткий обзор новейших зарубежных работ по метафоре, свидетельствующий о большом интересе к данной проблеме, можно найти также в рецензии на книгу Лакоффа и Джонсона финского исследователя П. Лейно [Leino 1983].

Взаимосвязь метафоры и сравнения — явление сложное и многоплановое, но она, бесспорно, существует. Компаративность является одной из универсальных языковых категорий, присутствующих в любом языке, а также познавательной категорией человеческого сознания вообще. Способность сравнивать органически входит в процесс человеческого познания и находит отражение в языке.

Компаративность удовлетворяет также требованиям, предъявляемым к функционально-семантическому полю (ФСП) [Бондарко 1984]. Ядром поля компаративности при такой трактовке можно считать степени сравнения прилагательных, которые градуируют степень выраженного начальной степенью прилагательного признака, что позволяет называть соответствующее явление «градацией». Эстонский лингвист М. Эрелт, исследуя синтаксис эстонского адъектива, пишет: «Градацией мы назы-

ваем выражение степеней интенсивности качеств или отношений, обозначаемых прилагательными. Градация по своей глубинной сущности является сравнением, так как степень интенсивности качества какого-либо объекта — лишь ступень по сравнению с интенсивностью соответствующего качества других объектов» [Erelt 1977].

Для нас компаративность представляет интерес начиная с того уровня, где кончается градация и в качестве образа сравнения используется предмет (явление), относящийся к другому классу явлений, чем тот, который сравнивается, т. е. нас интересует область так называемых «образных» сравнений, а еще конкретнее — устойчивые языковые сравнения, состоящие из образа и признака сравнения и элемента сравнения как такового.

Б. В. Томашевский выделял в сравнении три элемента: предмет (то, что сравнивается), образ (то, с чем сравнивается) и признак, на основании которого первые два сравниваются¹. «При этом, — отмечает он. — вся структура сравнения служит для того, чтобы этот признак усилить» [Томашевский 1959, 209]. Эти три элемента, отражая референтную сущность сравнения, оставляют в стороне вопрос грамматического оформления сравнения, где обязательно еще вычленение непосредственного элемента сравнения. Обобщенно и перифразированно структуру сравнения можно представить в виде записи: «X такой как Y» («X ведет себя, поступает, двигается и т. п., как Y»). Элемент «как» следует здесь рассматривать не только как сравнительный союз, но и как показатель его всевозможных грамматических, лексических и структурных замен.

Поскольку мы задались целью рассмотреть сравнения в связи с метафоричностью, сопоставив языковой материал двух генетически неродственных языков — русского и эстонского, мы сужаем наш интерес до языковых несвободных компаративных членов сравнения (КЧС)², представляющих собою часть полной сравнительной конструкции, равную структуре «такой как Y». Мы надеемся, что на этом уровне уже возможна конкретизация столь необходимого для сопоставительных исследований критерия соизмеримости сравниваемого. КЧС могут быть выражены «...как синтаксической, так и морфологической конструкцией, в этом случае показатель сравнения включается внутрь словоформы» [Черемисина 1976, 18].

Наши наблюдения над соответствующими языковыми фактами в практике составления и редактирования русско-эстонского и эстонско-русского словарей позволяют сделать вывод, что в разных языках фигурируют готовые конструкции, представляющие собой несвободные устойчивые языковые сравнения, определяемые (предметы, компаранты) которых известны носителю языка и представляют собой закреплённый языковым узусом «контекст» данных конструкций. Как грамматическая,

так и семантическая структура таких КЧС в разных языках имеет черты сходства равно как и различия, что в свою очередь зависит от структуры и типа языка.

Не претендуя на исчерпанность материала, сопоставим ряд основных КЧС русского и эстонского языков (в структурном отношении).

КОМПАРАТИВНЫЕ ЧЛЕНЫ СРАВНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В морфологических КЧС³, представленных классом имен прилагательных, содержатся выраженный на морфемном (словообразовательном) уровне элемент сравнения (обычно суффиксоид или суффикс) и объект, т. е. то, с чем предмет сравнивается. В синтаксических КЧС в качестве элементов сравнения могут выступать как сравнительные союзы, так и непервообразные предлоги и предложные конструкции. КЧС являются как бы «заготовками» для применения в случаях, когда требуется охарактеризовать соответствующий предмет сравнения.

1. КЧС — имена прилагательные, вторая часть которых является как бы стандартизованным показателем сравнения: *-видный, -образный, -подобный: серповидный, миндалевидный, копьеобразный, зигзагообразный, громоподобный, скотоподобный*. Слов на *-подобный* в ГСРЯ всего 12. Гораздо больше слов на *-видный* (94) и *-образный* (119). Эти последние группы характеризуются явно выраженной терминологичностью. Для них характерна также высокая степень взаимозаменяемости; 45 лексем обеих групп оказались взаимозаменяемыми: *веерообразный — вееро-видный, клешнеобразный — клешневидный* и т. п.

2. КЧС — имена прилагательные, в которых одновременно содержится объект и как бы часть предмета сравнения, которая составляет основу (признак) сравнения; это прилагательные, включающие компоненты *-ногий, -носый, -хвостый, -рогий, -лицый, -зубый, -головый, -крылый: змееголовый* (с головой как у змеи), *шишконосый* (с носом, напоминающим шишку), *вилохвостый* (с хвостом, напоминающим вилы) и др.

3. КЧС — имена прилагательные, в которых показатель компаративности (так называемый суффикс субъективной оценки *-еват/-оват*) одновременно градуирует сходство с образом: *хлыщеватый* (немного похожий на хлыща, чуточку «такой как хлыщ»), *дубоватый, быковатый, бирюковатый* и т. п.

4. Регулярную компаративность можно отметить у прилагательных с суф. *-ск-, -еск-* и притяжательных прилагательных с суф. *-ий* и нек. др. при их переносном употреблении: *гангстерский, шоферский, бригадирский, новаторский, браконьерский, скотский, апостольский, ямицкий, лисий, собачий, медвежий, змеиный, звериный* и др.

5. КЧС — конструкция с твор. падежом: *мяукать котенком, ходить стаей, извиваться змеей, смотреть букой* и др.

¹ В дальнейшем мы будем параллельно пользоваться терминами, принятыми в работе М. Эрелта: предмет сравнения — компарант, образ сравнения — компаратор [Erelt 1977].

² Термин «компаративный член сравнения» с несколько видоизмененным значением заимствован нами из работы М. И. Черемисиной [1976].

³ Весь лексический материал (КЧС с внутрилексемным показателем компаративности) здесь и далее отобран из «Грамматического словаря русского языка» (ГСРЯ) А. А. Зализняка [1977].

6. КЧС типа *величиной с дом, с вишню, с собаку*. Эти конструкции обычно характеризуют величину, высоту, рост, ширину, глубину и т. п.

7. КЧС с предлогами *вроде, наподобие: нахохлился вроде воробья, вытянул шею наподобие гусыни* и др.

8. КЧС типа «им. падеж + инфинитив: *(он) зверь работать*».

9. Конструкции с союзом *как* и синонимичными ему *словно, будто*, которые характеризуют сравниваемый предмет либо по признаку, либо по способу действия: *храбрый как лев, сидеть как истукан, извиваться как змея* и др.

Мы оставляем в стороне вопрос об имплицитности выражения компаративного образа, а также вариативность синтаксических КЧС. Выше перечислены наиболее тривиальные и регулярные конструкции, поскольку весь материал интересует нас лишь с сопоставительной стороны.

Прежде чем перейти к перечислению и описанию КЧС эстонского языка, мы должны кратко охарактеризовать некоторые различия в номинации эстонского и русского языков.

Номинация, являясь общей функцией любого языка, в конкретных языках проявляется по-разному. «Способы объединения и разъединения значений в структуре слова обусловлены семантической системой языка в целом или отдельных его стилей» [Виноградов 1972, 18]. Проблема номинации для такой конкретной пары языков, как эстонский и русский, осложнена целым рядом обстоятельств. Благодаря характерному для эстонского языка «полисинтезизму» [Saari 1981] («семантическим стяжениям»), в нем заложены большие потенциальные возможности однословного выражения понятий, которые в русском языке передаются многословным сочетанием. Эстонский язык в ходе становления и развития довел до совершенства процесс словосложения как способа построения разнообразных единиц номинации — от простых до самых сложных. Словосложение — один из продуктивнейших способов словообразования в эстонском языке. Исторически сложившаяся система словосложения эстонского языка позволяет выразить в одном слове самые разнообразные семантические отношения. Несмотря на продуктивность некоторых моделей русского слово- и основосложения, сложные слова в русских текстах имеют более низкую частотность, чем в эстонских: «... в некоторых эстонских текстах более 40% всех знаменательных слов являются сложными, в то время как в русских научных и научно-технических текстах число сложных слов 4—6% и редко превышает 10%, в художественно-литературных текстах оно колеблется в пределах 1—2%» [Пяль и др. 1962, 81].

Основных причин такого стяжения фраз в слова, на наш взгляд, две: 1) отсутствие в эстонском языке категории грамматического рода и 2) различия в построении синтаксических деревьев [Леэметс 1982]. Отсутствие категории рода в эстонском языке приводит к тому, что согласовательные связи между именами оказываются ослабленными, и стяжение сочетания «определение + определяемое» оказывается «облегченным», ср. *солнечный луч, солнечное затмение, солнечная сторона* и *päikeseline kiir, ~varjutus, ~pool*.

Отсутствие категории рода и ослабление согласовательных связей в свою очередь не способствуют развитию системы имен прилагательных. В эстонском языке достаточно хорошо развита лишь система качествен-

ных (оценочных) прилагательных, тогда как относительные связи выражаются главным образом характеризующей частью сложного слова.

Другим не менее важным фактором развития словосложения в эстонском языке является «левосторонность» ветвления синтаксических деревьев, обуславливающая большую «глубину» структуры предложения. Стремление к уменьшению «глубины» дерева и объема «оперативной памяти» приводит к сцеплению имен и автоматизации процесса словосложения. Возможно, этими причинами различия в системе словосложения эстонского и русского языка не исчерпываются, но значение этих факторов бесспорно.

КОМПАРАТИВНЫЕ ЧЛЕНЫ СРАВНЕНИЯ ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА

1. Прилагательные со вторым компонентом *-sarnane* 'подобный, -образный', *-taoline* 'подобный, по форме, цвету и т. п., напоминающий', *-kujuline* 'образный, -видный', но с уклоном к характеристике предмета по форме: *kiilutaoline* 'клинообразный, клиновидный', *tahmasarnane* 'сажеобразный', *tolmusarnane* 'пылевидный', *kerakujuuline* 'шарообразный, шаровидный', *vaibataoline* 'ковроподобный' (по виду напоминающий ковер), *sambataoline* 'колонноподобный', *seenekujuuline* 'грибовидный' (по форме напоминающий гриб).

2. Морфологические КЧС — сложные слова, соответствующие русским синтаксическим КЧС с компонентом *высотой с, шириной с, величиной с, толщиной с, длиной с*. В эстонском языке названный компонент выражается второй частью сложного слова: *majakõrgune* 'с дом высотой', *taevakõrgune* 'до неба высотой', *kämbalaiune* 'с ладошь шириной', *versta-pikkune* 'с версту длиной', *põlvepikkune* 'как бы до колена ростом' (ср. нем. *kneihohes*, рус. *с пальчик (мальчик с пальчик)*, *põõpnõelasuurune* 'с булавочную головку величиной'. В значении образного сравнения, т. е. когда компарант относится к другому классу явлений, чем компаратор, все эти сравнения по сути дела являются гиперболами.

3. КЧС морфологического уровня с компаративным суф. *-jas* (приблизительный аналог в русском языке суф. *-чат-*). «Основанием для сравнения чаще всего служит внешнее сходство (форма, цвет и др.), реже другие, например механические, свойства (прочность, эластичность и др.). Так, например, *saduljas põõsa* 'седельчатый нос' — это вогнутой формы нос, напоминающий седло, *traatjad juuksed* 'проволочные волосы' — это волосы, напоминающие проволоку, т. е. они жесткие и толстые... [Vare 1984, 10]. В современном эстонском языке суф. *-jas* является продуктивным и производные прилагательные с этим суффиксом составляют открытый класс. Этим прилагательным соответствуют перифрастические сравнительные конструкции с компаративными союзами *nagu, moodi* и уже названные выше КЧС — сложные прилагательные на *-sarnane, -taoline* или *-kujuline* [Там же, 11]. Эти прилагательные могут быть образованы также от сложных слов: *hobugaudjas* (*luide*) 'мель, по форме напоминающая подкову' (*hobugaud* букв. 'лошадиное железо').

4. КЧС с суф. *-lik*. «Соотношение деривата и его производящей основы

чаще всего базируется на сходстве или сравнении. Это отражается в семантической модели деривата: лицо→такой как названное лицо/подобный названному лицу/характерный для названного лица и т. п.» [Там же, 28]. Например: *emalik* 'материнский' (перен.), *mungalik* 'монашеский' (перен.), *argprüksilik* 'характерный для труса', *inimvihkajalik* 'человеко-ненавистнический', *märterlik* 'страдальческий', *mühaklik* 'остолопский', *apostellik* 'апостольский' (перен.). Модель очень продуктивна, и по ней в языке создается много соединенных в целое словосочетаний, обычно индивидуальных неологизмов: *jõnnipunnilik* 'ванька-встаньковский', *mõttekaaslaslik* 'единомышленнический', *surnumatjalik* 'как у гробовщика' (например, лицо). И даже такие, как *maksimgorkilik* 'как у Максима Горького', *juhanliivilik* 'свойственный Юхану Лийву'. Неологизмы типа трех последних С. Варе считает неудачными; по ее мнению, речь здесь идет о явном переборе в стремлении к языковой экономии [Vare 1984, 34]. Мысль в этих адъективах выражена более абстрактно, чем в соответствующих словосочетаниях. Предметами сравнения данных КЧС могут быть также названия других живых существ или предметов, а не только лиц (модель та же): *hundilik* 'волчий' (перен.), *muuseumlik* 'музейный' (перен.), *pukulik* 'кукольный' (перен.), *elevantlik* 'подобный слону', *ikoonlik* 'как на иконе', *õhtumaalik* 'свойственный «вечерним странам»', *holliwoodilik* 'голливудовский' (перен.).

5. КЧС с компаративным суф. *-line* редки, несмотря на общеязыковую продуктивность данного суффикса. Здесь заметное совпадение с русским языком, где имплицитная компаративность (перенос значения) может быть выражена разными суффиксами. Например, *muinasjutuline ilu* 'сказочная красота', *leinaline meeleolu* 'похоронное настроение'. Прилагательное имеет в эстонском языке в подобных случаях тенденцию к особо тесной спаянности с определяемым существительным, что проявляется в возможности параллельных синонимичных сложных слов: *matuseline meelolu*→*matusemeelolu*.

6. КЧС с эссивом так же характерны для эстонского языка, как для русского языка КЧС с творительным сравнения: *välguna tabama* 'поразить как молния (молнией)', *kivina kukkuma* 'упасть камнем', *kaljuna seisma* 'стоять как скала (скалой)'.

7. КЧС с компаративными союзами *kui*, *nagu*, *otsekui*, *justkui*, *niikui*, *põnda kui* и др.: *sadama nagu oavarrest* 'лить как из ведра' (букв. 'как из бобового стебля'), *võttis nagu peoga* 'как рукой сняло', *terav nagu oda* 'острый как копье', *tugev nagu vaparagan* 'сильный как сатана', *pingul nagu vedru* 'напряжен как пружина' [Mihkla и др. 1974]. Характерной особенностью КЧС с эссивом в эстонском языке и творительным падежом в русском, а также КЧС с компаративными союзами является то, что они явно или потенциально служат целям языкового перифразирования и являются средством дополнительного образного выражения предельной, высшей степени качества, — образного суперлатива.

8. Синтаксические КЧС с компаративным словом *moodi* 'наподобие, как, по-': *kuke moodi kirema* 'кукарекать', *sea moodi sööma* 'есть как свинья', *jalad türklase moodi risti istuma* 'сидеть как турок, поджав ноги', *kuradi moodi vihastama* 'разозлиться как черт'.

9. Для эстонского языка, как и для многих других финно-угорских

и индоевропейских языков, характерна, в отличие от русского, группа особо оформленных синонимов суперлативных КЧС типа: *tulikuum* 'огонь горячий — горячий как огонь', *kivikõva* 'камень твердый — твердый как камень', *lumivalge* 'снег белый, белый как снег' и др. Назовем их сравнениями-прилагательными, или КЧС типа *NnomA*. Адъективное словосложение в эстонском языке имеет следующую особенность: если первая часть сложного прилагательного выражена существительным в генитиве, то компаративности не возникает, она возникает лишь в случае, если существительное стоит в форме им. падежа (*Nnom*) [Valgma, Remmel 1968, 317] (исключением являются прилагательные цветообозначения).

Уже первоначальное сопоставление КЧС русского и эстонского языков показывает, что между ними существует ряд сходств и различий. Оба языка используют для выражения компаративности как морфологические, так и синтаксические конструкции с некоторым предпочтением морфологических (синтетический способ) КЧС в эстонском языке.

1) Обоим языкам свойственны КЧС с почти аналогичными по смыслу суффиксоидами *-подобный*, *-образный*, *-видный*, соотв. *-sarnane*, *-taoline*, *-kujuline*.

2) Как в русском, так и в эстонском языке существует возможность имплицитного выражения сравнения.

3) Способы выражения компаративности в конструкциях со сравнительными союзами в основном совпадают.

4) Аналогичны по смыслу КЧС с твор. падежом в русском языке и с эссивом в эстонском.

Основные различия сводятся к следующим:

1) Для эстонского языка нехарактерны синтетические КЧС типа сложных слов со вторым компонентом *-рогий*, *-носый*, *-хвостый* и др.

2) Эстонский язык имеет чисто сравнительные суф. *-jas*, *-lik*, в русском языке такие суффиксы отсутствуют.

3) Только в русском языке способом выражения компаративности являются КЧС с суффиксом субъективной оценки, позволяющие одновременно с выражением компаративности градуировать ее степень.

4) Только эстонскому языку (из двух сравниваемых) присущи синтетические КЧС типа *NnomA*.

5) Особый переходный случай между сравнением и идентифицирующей метафорой в русском языке представляют собой КЧС типа «им. падеж+инфинитив»: *он зверь работать* значит 'он (обычно, как правило) работает как зверь'. Идентифицирующая конструкция *он зверь* также возможна, но уже с резко отличающейся семантикой. В эстонском языке такой тип сравнения отсутствует, но существует аналогичная по смыслу идентифицирующая конструкция *ta on selle töö peala mihkel* ⁴ 'он михкель на эту работу' и невозможна перифраза *ta töötab nagu mihkel* 'он работает как михкель'.

Следует отметить, что степень свободы/устойчивости отмеченных КЧС в эстонском и в русском языках также разная: КЧС с предлогами *вроде*, *наподобие чего*, например, гораздо менее подвержены типизации,

⁴ Этимология этого образца описана в работе [Vakk 1984].

чем обороты с твор. падежом или с союзом *как* (но функциональная сторона вопроса нами в данной работе не рассматривается). Сказанное в равной мере относится и к КЧС эстонского языка с послелогом *moodi*.

Рассмотрим подробнее группу таких «стянутых» сравнений, сравнений-прилагательных, КЧС типа NпопА эстонского языка, в которых элемент сравнения опущен не в силу индивидуального способа тропообразования, а в силу структурных особенностей языка, и где вследствие такой большой спаянности структурных элементов сравнения возникает явная метафоричность. Эти КЧС метафоричны даже в большей степени, чем «стертые» языковые номинативные метафоры типа *ножка стула* (*toolijalg*), *глазное яблоко* (*silmamuna* 'глазное яйцо') (о КЧС с твор. падежом см. [Арутюнова 1979, 158]).

Поскольку группа таких сравнений-прилагательных в эстонском языке представляет собой открытое множество, мы ограничим выбор примеров небольшим кругом лексем, где признак предмета представлен прилагательными: *легкий, быстрый, твердый, горячий, тяжелый, ясный (прозрачный), прямой, острый, сладкий, горький, соленый, серьезный, бледный, сердитый, голодный*⁵. Наряду с переводами на русский язык там, где возможно, приводятся эквиваленты на немецком, финском и английском языках.

-kerge 'легкий'
sulgkerge 'перолегкий — легкий как перо', фин. *höyhenkevyt*⁶, нем. *federleicht*

õhkkerge 'воздухлегкий — легкий как воздух', фин. *ilmankeveä*, нем. *leicht wie Luft*

-kiire 'быстрый'
tuulkiire 'ветербыстрый — быстрый как ветер', фин. *tuulennopea*, нем. *schnell wie die Wind*

välkkiire 'молниябыстрый — быстрый как молния', фин. *salamannopea*, нем. *blitzschnell*, англ. (as) *quick as lightning* poolkiire 'стрелабыстрый — быстрый как стрела', фин. *puolennopea*, нем. *pfeilschnell*

-kuum 'горячий'
tulikuum 'огоньгорячий — горячий как огонь', фин. *tulikuumta*, нем. *brennend heiß*, англ. *burning hot (red hot, piping hot)*

-kõva 'твердый'
gaudkõva 'железотвердый — твердый как железо', фин. *gaudankova*, нем. *eisenfest*

kivikõva 'каменьтвердый — твердый как камень' (ср. *kivikõvad seinad* 'твердокаменные стены'), фин. *kivenkova*, нем. *steinhart*, англ. *hard as stone*

teemantkõva 'алмазтвердый — твердый как алмаз', фин. *timantinkova*, нем. *diamanthart*

⁵ Лексический материал эстонского языка здесь и далее взят из словаря: *Hinderling R. Rückläufiges estnisches Wörterbuch. Regensburg, 1975.*

⁶ Если по внутренней семантике финское слово совпадает с эстонским, его буквальный перевод не дается, не переводятся также немецкие и английские соответствия.

-raske 'тяжелый'

tinaraske 'свинцетяжелый — тяжелый как свинец' (ср. *tinasked mõtted* 'свинцово-тяжелые мысли'), фин. *lyijynraskas*, нем. *bleischwer*, англ. *heavy as lead*

-selge 'ясный, прозрачный'

taevaselge 'небоясный — ясный как небо, прозрачный как небеса'

klaasselge 'стеклопрозрачный — прозрачный как стекло', фин. *lasi(n) kirkas*, нем. *glasklar*

kristallselge 'кристаллпрозрачный, хрустальпрозрачный, прозрачный как кристалл (хрусталь)', фин. *kristalli(n) kirkas*, нем. *kristallklar*

-sirge 'прямой'

poolsirge 'стрелапрямой — прямой как стрела', фин. *piikkisuora* 'игла-прямой', нем. *pfeilgerade*

tikkisirge 'спичкапрямой — прямой как спичка', фин. *tikkusuora*, нем. *kerzengerade* 'как свеча', англ. *straight as ramrod (a post)*

põõrsirge 'шнурпрямой — прямой как шнур' (букв. 'веревка'), фин. *lankasuora*, нем. *schnurgerade*, англ. (as) *straight as an arrow*

-terav 'острый'

põelterav 'иглаострый' — острый как иголка (игла)', фин. *neulanterävä*, нем. *nadelspitz*

-magus 'сладкий'

mesimagus 'медсладкий — сладкий как мед', фин. *hunajanmakea*, нем. *honigsüß*, англ. *sweet as honey* (перен. *honeyed*)

-soolane 'соленый'

tulisoolane 'огоньсоленый — *соленый как огонь, жгуче-соленый'⁷, фин. *polttavansuolainen* (жгуче-соленый), нем. *sehr salzig*

-tõsine 'серьезный'

surmtõsine 'смертьсерьезный — *серьезный как (сама) смерть', фин. *kuolemannakava*, нем. *todernst*, англ. *deadly serious*

-kahvatu 'бледный'

surnukahvatu 'мертвецбледный — бледный как мертвец', фин. *kuolonkalpea*, *kuolemankalpea*, нем. *totenblaß*, *todblaß*, *totenbleich*, англ. *deathly pale*, *ghastly (pale)*

-vihane 'сердитый'

tulivihane 'огоньсердитый — сердитый как огонь', фин. *raivostunut* 'разгневанный', нем. *wütend*, англ. *furious*, *infuriated*

-näljane 'голодный'

huntnäljane 'волкголодный — голодный как волк'

Сравнительный оборот с *kui*, *pagu* для эстонского языка столь же характерен, как конструкция с союзами *как*, *словно* для русского. Тем не менее, часть синтетических КЧС заменима в речи на конструкцию с *pagu* 'как', другая — нет. Можно, например, сказать *näljane pagu hunt* 'голодный как волк', *terav pagu mõõk* 'острый как меч', *selge pagu taevas* 'ясный как небо', *kiire pagu (kera) väik* 'быстрый как (шаровая) молния' (новый вариант 'быстрый как молниеносок'). Но не говорят **kuum pagu tili*, **tõsine pagu surm* и т. п. Большая спаянность элементов

⁷ Звездочкой (*) здесь и далее отмечаются нехарактерные для того или иного языка сравнения.

в прилагательных-сравнениях типа $N_{\text{ном}}A$ приводит к новому семантическому качеству — к образованию в этих словах дополнительной семы «высочайшая степень качества» и тем самым к образованию однословного синтетического суперлатива. Не случайно, что в финском и немецком языках при отсутствии у данного признака соответствующего образа появляется перевод при помощи слов *kova*, *kovin*, *sehr* 'очень' или другие лексические замены.

Как в эстонском, так и в финском и немецком языках это значение наивысшей степени качества имеет еще ряд синтетических синонимических средств выражения. Это КЧС морфологического уровня, где первая часть сложного слова (компаратор) утратила свое прямое значение и стала чистым выразителем суперлатива. М. Эрелт называет эти компараторы «префиксоидами интенсивности», а образуемые с их помощью КЧС — морфологическими выразителями абсолютной градации [Erält 1977, 44]. М. Пунттила называет их сложными прилагательными (типа редуцирующих), выразителями абсолютного суперлатива, а соответствующие элементы — образованными из компараторов «усиливающими префиксоидами» [Punttila 1985, 36—37]. Примеры: *riugu* букв. 'крошка', но: *riuguhaige* 'очень больной, совсем, весь больной', *riugulaisk* 'лентяй из лентяев', *riuguloll* 'дурак дураком'; *veri* букв. 'кровь', но: *verivärske* 'очень, в высшей степени свежий' и др. Часть подобных слов переводима на русский язык даже буквально, их общий смысл всегда — 'сверх, в высочайшей степени'.

Текст первого тома «Русско-эстонского словаря» введен в ЭВМ, благодаря чему мы имели возможность получить некоторые обобщающие выборки по компаративности и переносности в обоих сравниваемых языках, в частности выборку синтаксических КЧС типа «так (ой) как Y », с соответствующими компаративными союзами⁸. В результате мы могли сделать некоторые количественные обобщения, которые нельзя рассматривать как статистические ввиду их малочисленности. Мы получили около 130 КЧС с союзом *pagu* и около 100 КЧС с союзом *как*. КЧС с другими синонимичными простыми и составными компаративными союзами представлены в меньшей степени. Поскольку выборка КЧС с союзом *pagu* оказалась самой многочисленной, то именно ее мы взяли за исходную.

Из 132 КЧС с союзом *pagu* идентичная с русским языком образность отмечена примерно в 50 случаях. Например: *пахтеть как паровоз* ~ *ähki-ta pagu auruvetur*, *вертеться как белка в колесе* ~ *keerlema pagu orav rattas*, *как две капли воды похожи* ~ *(on) sarnased pagu kaks tilka vett*, *бранился как извозчик* ~ *vanpü pagu voorigimees*, *дрожать как осиновый лист* ~ *pagu haavaleht värisema*.

Еще около 50 КЧС имеют как бы частично совпадающую или сходную образность, например: *стоит как вкопанный* ~ *seisab pagu paelutatud* (букв.) 'как пригвожденный', *как гром с ясного неба* ~ *pagu väik* ('молния') *selgest taevast*, *как бельмо на глазу* ~ *(pagu) pinnuks* ('зано-

зой') *silmas olema*, *как на корове седло* ~ *pagu sea seljas* ('на свинье') *sadul*, *биться как рыба об лед* ~ *visklema pagu kala kuival* ('на суше').

Лишь в остальных случаях (их около 20) в описываемых языках образность при описании идентичных ситуаций резко различается. Но как раз эти случаи представляют наибольший интерес с типологической точки зрения, отражая, на наш взгляд, частицу «духа языка». Примеры: *он/она вылитый отец/вылитая мать* ~ *ta on pagu isa/ema suust kukkunud* (букв.) 'как будто выпал (а) из рта отца/матери', *как блины печет* ~ *tulled pagu Vändrast saeladu* 'идет как из Вяндра пиленный тес' (т. е. в большом количестве и без перебоев), *хоть кол на голове теши* ~ *gäägi pagu seinale* 'говоришь как будто стене', *как иголка с ниткой* ~ *pagu sukk ja saabas* 'как чулок и сапог' (т. е. совершенно неразлучны), *кричать дурным голосом* ~ *karjuma pagu siga aia vahel* 'кричать как свинья, застрявшая в заборе', *льет как из ведра* ~ *kallab pagu oavagrest* 'лить как из бобового стебля (т. е. крупными струями)', *как в воду канул* ~ *kadus pagu tina tuhka* 'исчез как свинец в золе', *как от козла молока* ~ *pagu sea seljast villa* 'как от свиньи шерсти' ~ *pagu vähilt villa* 'как от рака шерсти', *пристать как банный лист* ~ *pagu uni peale käima* 'морить как сон', *как сыр в масле кататься* ~ *pagu kuninga kass elama* 'жить как королевский кот', *как за каменной стеной* ~ *pagu vanajumala selja taga* 'как за спиной старика-бога = как у Христа за пазухой', *как королева языком слизала* ~ *pagu pühitud* 'как будто вымели', *ходить вокруг да около* ~ *pagu kass ümber palava pudru käima* 'ходить как кот вокруг горячей каши'.

Примерно в 34 случаях из названных 130 эстонских КЧС в русском языке соответствуют некомпаративные конструкции — несвободные устойчивые словосочетания, или фразеологизмы. Эти устойчивые КЧС чаще всего синонимически выражают значение наивысшей степени качества: *как гром с ясного неба*, т. е. очень неожиданно, *как от козла молока* — очень бесполезный, *как две капли воды похожи* — очень похожи, *льет как из ведра* — очень льет и др.

Сравнения, таким образом, можно разделить на градуирующие и неградуирующие, «образные».

Градуирующие (градационные) сравнения указывают на интенсивность признака, присущего двум явлениям (предмет, лицо и др.) одного и того же класса, или выражает степень данного признака у явления по отношению к целому классу однотипных явлений. Центром, морфологическим ядром градационных сравнений являются степени сравнения прилагательных и наречий. Существует также множество других способов выражения градации признака, относящихся к разным языковым уровням.

Неградуирующие («образные») сравнения — это способ сопоставления двух явлений по какому-либо качеству (форма, внешний вид, цвет, характер движения и др.): перифразировать их смысл можно с помощью фразы «быть, двигаться, действовать как Y », «такой как Y ».

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что лишь часть «образных» сравнений не содержит градации. КЧС с элативом в эстонском и твор. падежом в русском и КЧС со сравнительными союзами в обоих языках, став обобщающими, языковыми, устойчивыми, как правило,

⁸ Программу по КЧС, так же как и для выборки, о которой речь идет на с. 105—108, составила ведущий научный сотрудник Института языка и литературы АН ЭССР Ю. Викс.

выражают наивысшую степень характеризующего признака, т. е. являются суперлативными синонимами соответствующего качества.

К этой же группе суперлативных сравнений относятся КЧС типа $N_{\text{ном}}A$, т. е. эти сложные прилагательные сохраняют семантически явно выраженную компаративность, но имеют, если можно так сказать, нулевой показатель сравнения, вернее сравнение заключено в структуру модели $N_{\text{ном}}A$. Но то же можно сказать об идентифицирующих сравнениях и идентифицирующей метафоре в русском языке. По всей вероятности, наличие в эстонском языке таких прилагательных является одной из причин, почему идентифицирующая метафора в предикативной функции не получила в нем столь широкого распространения, как в русском языке. В предложении КЧС $N_{\text{ном}}A$ могут выступать как в атрибутивной, так и в предикативной функции, но в их употреблении по сравнению с идентифицирующими метафорами в русском языке отмечается целый ряд особенностей, но это уже предмет особого исследования.

При лексикографическом описании эстонского и русского языков бросается в глаза и такая, лежащая на поверхности особенность, что там, где русская идентифицирующая метафора стала фактом словаря и названия животного или какого-то предмета стало использоваться как переносная характеристика человека, в эстонском языке чаще всего бывает употреблено либо безобразное оценочное наименование, либо метафорическое сложное слово.

В первом томе «Русско-эстонского словаря» случаев, когда название вещи или животного получило метафоризированный переносный смысл и стало омонимичным названием человека с определенной характеристикой, встретилось девять: *квашня*... 2. *molutaja*, *kobakäpp*, *venimus* 'размазня, растяпа'; *кипяток*... 2. *äge inimene*, *nagu gabapüss* 'вспыльчивый человек, как разрывное ружье'; *кислятина*... 2. *haliseja*, *viriseja*, *viripill* 'нытик'; *клад*... 2. *aage* 'сокровище'; *клоп*... 2. *rõnn*, *rõngerjas*, *jõmpsikas* 'малыш, пузатик, пузан'; *кляча*... 2. *vare* 'развалина'; *книгоед*... 2. *gaamatukoi* 'книжная моль'; *кобель*... 2. *liiderdaja*, *hoorajääger*, *jäär* 'развратник, сучий егерь, баран'; *козырь*... 2. *äss*, *tuus* 'туз'; *кукла*... 2. *marionett*, *hüriknukk*, *hampelmann* 'кукла-марионетка'. Совпадение образов в этом пласте лексики лишь частичное или вовсе отсутствует, т. е. пласт русских оценочных слов, в основе которых лежит идентифицирующая метафора, редко имеет полный эквивалент в эстонском языке.

Несмотря на большое совпадение образности (для большинства финно-угорских и индоевропейских языков характерны сравнения по признакам *белизна* — снег, *чернота* — сажа, ворон, *хитрость* — лиса, *сладость* — мед, *острота* — игла, меч, огонь, *прозрачность* — хрусталь, стекло, небо, *легкость* — перо и т. п.), существует множество образов, характерных только для данного языка, даже при совпадающих структурных моделях сравнения⁹. По данной проблеме типологически ценными могут быть двуязычные специализированные подборки или словари, что может дать практически материал для более глубоких обобщений.

⁹ Образы животных, характерные для эстонских «народных сравнений», подробно описаны в книге И. Сарв [Saro I. Rahvaräpane võrdlus kui kõnekäändu erillik // TRU Toimetised, vihk. Tartu, 1960, 94].

В подтверждение смысла проведения аналогичных сопоставлений хочется привести давнее высказывание В. Гумбольдта: «Языки — это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение; при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии, которые кое-кто считает нежелательными. То, что они дают нам сразу, есть полная, чистая и простая человеческая природа, если же мы проникаем в глубину их тайн, в нашу сухую рассудочность врывается свежая струя неувядающей фантазии других народов, заключающих каждое впечатление, которое юный мир дарит их еще не притупившимся чувствам, в оболочку живого и подвижного образа» [1985, 349].

Приложение 1

hõbe- 'серебро': *hõbeselge* 'серебряный'¹⁰
hunt- 'волк': *huntnäljane* 'волкголодный'
higi- 'пот': *higimärg* 'потмокрый'
ime- 'чудо': *imearmas* 'чудомилый', *imehea* 'чудохороший', *imekaunis*, *imekana* 'чудопрекрасный', *imekerge* 'чудолегкий', *imekõrge* 'чудовысокий', *imelahke* 'чудодобрый', *imeosav* 'чудоловкий', *imepisike* 'чудомаленький', *imepeen* 'чудомелкий', *imeraske* 'чудотяжелый', *imesuur* 'чудобольшой', *imetark* 'чудоумный', *imetugev* 'чудосильный'
jää- 'лед': *jääkülm* 'ледхолодный'
kalju- 'скала': *kaljukindel* 'скаланадежный'
kivi- 'камень': *kivikõva* 'каменьтвердый', *kiviraske* 'каменьтяжелый'
klass- 'стекло': *klaasselge* 'стеклопрозрачный'
kott- 'мешок': *kottipime* 'мешоктемный'
kristall- 'хрусталь, кристалл': *kristallpuhas* 'хрустальчистый', *kristallselge* 'хрустальясный, хрустальпрозрачный'
küünal- 'свеча': *küünalsirge* 'свечапрямой'
laud- 'стол': *laudtasane* 'столровный', *laudsile* 'столгладкий'
malm- 'чугун': *malmkõva* 'чугунтвердый'
marmor- 'мрамор': *marmorsile* 'мраморгладкий'
mesi- 'мед': *mesimagus* 'медсладкий'
muld- 'земля': *muldniske* 'землясырой'
mõhk- 'меч': *mõkterav* 'мечострый'
naaskel- 'шило': *naaskelterav* 'шилоострый'
nahk- 'кожа': *nahksitke* 'кожапрочный'
pool- 'стрела': *poosirge* 'стрелапрямой', *poolkiire* 'стрелабыстрый',

¹⁰ Обычные переводы на русский язык опущены, поскольку образность буквальных переводов достаточно прозрачна.

poolterav 'стрелоострый'
 põel- 'игла': põelterav 'иглаострый'
 põõr- 'шнур': põõrsirge 'шнурпрямой'
 pilt- 'картина': piltilus 'картинакрасивый'
 peegel- 'зеркало': peegelsile 'зеркалогладкий'
 puu- 'дерево': puupaljas 'деревоголый'
 päev- 'день': päevselge 'деньясный'
 põrgu- 'ад, пекло': põrguigav 'адскучный', põrgupalav 'аджаркий'
 gaud- 'железо': gaudkõva 'железотвердый', gaudraske 'железотяжелый',
 gaudkülm 'железохолодный'
 samet- 'бархат': sametpehme 'бархатмягкий'
 sammal- 'мох': sammalpehme 'мохмягкий'
 sapp- 'желчь': sapptõgu 'желчьгорький'
 sarv- 'рог': sarvkõva 'рогтвердый'
 siid- 'шелк': siidpehme 'шелкмягкий'
 sulg- 'перо': sulgkerge 'перолегкий'
 surm- 'смерть': surmkindel 'смертьтвердый', surmtõsine 'смертьсерьезный',
 surmvaike 'смертьтихий', surmväsinud 'смертьусталый'
 surmu- 'мертвец': surnukahvatu 'мертвецбледный'
 taevas- 'небо': taevasselge 'небоясный'
 teemant- 'алмаз': teemantkõva 'алмазтвердый'
 tikk- 'спичка': tikksirge 'спичкапрямой'
 tina- 'свинец': tinaraske 'свинцетяжелый'
 tuli- 'огонь': tulikuiv 'огоньсухой', tulikuum 'огоньгорячий', tulivedel
 'огоньжидкий', tulivihane 'огоньсердитый', tuliuus 'огоньновый'
 tuul- 'ветер': tuulkiire 'ветербыстрый'
 tuhk- 'зола': tuhkuiv 'золасухой'
 väik- 'молния': väikkiire 'молниябыстрый'
 vill- 'шерсть': villpehme 'шерстьмягкий'
 õhk- 'воздух': õhkkerge 'воздухлегкий', õhkõrn 'воздухнежный'

Приложение 2

kerngesund эст. *tuumterve, *terve nagu tuum, рус. *здоровый как ядро
 (ядрышко)
 haargenau эст. *juustärne, *tärne nagu juus¹¹, рус. *точный как во-
 лосок (волос)
 kugelrund эст. kuulümmargune, ümmargune nagu kuul, рус. круглый
 как ядро
 pagelneu эст. *põeluus, *uus nagu põel¹², рус. *новый как игла (иголка)
 bildschön эст. piltilus, ilus nagu pilt, рус. (красивый) как картина
 schnurgerade эст. põõrsirge, sirge nagu põõr, рус. *прямой как шнур¹³
 federleicht эст. sulgkerge, kerge nagu (udu) sulg, рус. легкий как перышко
 (пушинка)

¹¹ Ср.: juuksekarva lõnki ajama 'занудливо добиваться точности, вплоть до расщепления волосинки пополам'.

¹² В эстонском языке употребительно: nagu põelasilmast tulnud 'как бы вышед-
 ший из игольного ушка' ср. рус. — с иглолки.

¹³ Ср. рус. пройти по веревочке.

vogelfrei эст. *lindvaba¹⁴, vaba nagu lind, рус. вольный как птица
 hauchdünn эст. õhkõhuke, *õhuke nagu õhk, рус. *тонкий как воздух
 spiegelblank эст. peegelsile, sile nagu peegel, рус. гладкий как зеркало
 (зеркально-гладкий)
 splinternackt эст. *kildpaljas, *paljas nagu kild, рус. *голый как осколок
 tollkühn эст. hulljulge, *julge nagu hull, рус. храбрый как безумец
 (безумно-храбрый)
 stockfinster эст. *kepp-pime, *pime nagu kepp¹⁵, рус. *темный как палка
 steinalt эст. *kivivana, *vana nagu kivi, рус. *старый как камень
 geisterbleich эст. *vaimkahvatu, kahvatu nagu vaim, рус. бледный как
 привидение
 kernfest эст. *tuumkõva, *kõva nagu tuum, рус. *твердый как ядро
 (сердцевина)
 lammfromm эст. *lammasvagur, vaga nagu lammas, рус. кроткий как
 овца

Приложение 3

igi- 'вечно-': igihaljas 'вечнозеленый'; igivana 'старый-престарый, древ-
 нейший'; igikauge 'сверхдалекий, сверхдальний'; igimuistne 'древнейший';
 igikestev 'длящийся из века в век'; igituttav 'знакомый с давних пор (от
 века)'
 maгу- 'ураган-': maruvihane 'урагансердитый, разгневанный, рвет
 и мечет'; marurahvuslik 'махрово-националистский'
 rügu- 'крошка': rüguhaige 'очень больной', разг. весь больной; rügujoob-
 nud 'в дым (в стельку) пьяный'; rügukaine 'совершенно трезвый, ни
 в одном глазу'; rügukuiв 'сухой-пресухой, спичку поднеси — вспыхнет';
 rüguküps 'спелый-преспелый'; rügulahja 'тощий как жердь'; rügulaisk
 'лентяй из лентяев'; rüguloll 'дурак дураком'; rügupaljas 'гол как сокол,
 в чем мать родила'; rügurikas 'богатеи из богатеи'; rügumal 'глупый-
 преглупый'; rügutõsine 'сверхсерьезный, не улыбнется'; rüguvana 'дрях-
 лый, старый-престарый'; rüguvane 'бедняк из бедняков, бедный-пребед-
 ный'; rüguväsinud 'усталый как собака'
 püsti- 'стоя-': püstihull 'совершенно сумасшедший, совсем с ума сошел,
 белены объелся, как с цепи сорвался'; püstirumal 'совсем глупый, глупый-
 преглупый'
 gänk- 'тяжкий': gänkraske 'не по силам, свинцово-тяжелый, тяжелейший,
 тяжеленный'
 sula- 'талый': sulaselge 'яснее ясного'
 tuli- 'огонь': tuliuus 'огоньновый, с иглолки, новехонький, совершенно
 новый'; tulisoolane 'огоньсолёный, сверхсолёный', разг. одна соль
 veri- 'кровь': verivärske 'кровьсвежий, очень свежий, свежеспеченный,
 с пылу с жару' (и в прямом, и в переносном значении)

¹⁴ Прямое соответствие нем. lindpüi в современном эстонском языке обозначает
 'человек вне закона', lindpüi oleta 'жить на птичьих правах'.

¹⁵ В эстонском, русском и финском языках образность несколько иная, сов-
 падающая между собой: эст. kottpime, pime nagu kotis, рус. темно как в мешке,
 фин. säkipimeä.

vesi- 'вода': vesimärg 'водамокрый, совершенно мокрый, сверхмокрый, как из воды (вынутый)'
 võhi- —: võhivõdgas 'совершенно чужой'
 uhi- —: uhiuus 'совершенно новый, новехонький'

Приложение 4

-valge 'белый': liliavalge 'лилиябелый', lubivalge 'известьбелый', lumivalge 'снегбелый', tsinkvalge 'цинкбелый', pabervalge 'бумагабелый', piimvalge 'молокобелый', alabastervalge 'алебастрбелый', marmorvalge 'мраморбелый', tohvalge 'берестабелый', kriitvalge 'мелбелый'

-must 'черный': pigimust 'смолачерный', põgimust 'сажачерный', üsimust 'угольчерный', sitikmust 'жукчерный', ronkmust 'ворончерный', kroommust 'хромчерный', sametmust 'бархатчерный', tintmust 'черни-лачерный'

karva 'шерсти, масти -цвета': hõbedakarva 'серебристый, цвета серебра', vahakarva 'восковой, цвета воска', lihakarva 'цвета мяса', kullakarva 'золотистый', mullakarva 'землистый', õunakarva 'цвета яблока', põdrakarva 'цвета лося', sõstrakarva 'смородиновый, смородинового цвета', maksakarva 'цвета печени', rauakarva 'цвета железа', taevakarva 'небесно-голубой', liivakarva 'песочный', tulekarva 'огненный, огненного цвета', õlekarva 'соломенный, цвета соломы', verekarva 'крово-красный', hiirekarva 'мышинного цвета', rebasekarva 'цвета лисы', terasekarva 'стальной, стального цвета', vasekarva 'медный, медно-красный, медного цвета', goostekarva 'ржавый, ржавого цвета, цвета ржавчины', šokolaadikarva 'шоколадный, шоколадного цвета', sipelikarva 'сиреневый', päklikarva 'ореховый, орехового цвета', tiigrikarva 'цвета тигра', roõkarva 'цвета грязи', purpurikarva 'пурпурный', pronksikarva 'бронзовый, бронзового цвета', savikarva 'цвета глины', rebukarva 'цвета яичного желтка', ihukarva 'телесного цвета', rohukarva 'цвета травы', surnikarva 'мертвенно-белый', suitsukarva 'дымчатый'

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ МЕТАФОРЫ

С тех пор как Аристотель дал первое определение метфоры и тем самым поставил на повестку дня вопрос о серьезном изучении механизма семантических изменений в языке, интерес к этой проблеме не спадает. Ей посвящается обширная литература, критический обзор которой заслуживает особого исследования. Современный уровень знаний о языке и речевой деятельности показывает, что для решения данной проблемы необходим комплексный подход, требующий соединения усилий представителей разных наук. Не последнее место среди них занимает и психолингвистика и, в частности, материал онтогенетического развития речи, интенсивно используемый в последние годы применительно к широкому кругу конкретных задач.

Интерес к метафоре объясняется возросшим интересом к семантическим проблемам языка и к номинативной деятельности человека.

В связи с тем, что процессы номинации (а метафоризация занимает заметное место в процессах номинации) непосредственно связаны с познавательной деятельностью человека, имеющей в онтогенезе свои отличительные особенности, изучение овладения ребенком-дошкольником различными способами номинации может внести определенный вклад в понимание этих процессов.

Обращение к метафоре в детской речи обусловлено прежде всего тем, что, в отличие от словообразовательных процессов, процессы метафоризации в детской речи практически не изучены [см., например, Хоменко 1941]. Вот почему мы обратились к тому, как дети-дошкольники понимают и интерпретируют метафоры.

В этой связи уместно привести глубокое замечание С. Л. Рубинштейна о том, что «изучение понимания переносного значения вообще и различных форм его в частности можно было бы превратить в очень мощное средство изучения мышления» [Рубинштейн 1941, 16; см. также Жоль 1984, 11].

Законы и логика процессов номинации вообще, в том числе и метафоризации как явления вторичной номинации, как можно думать, универсальны, но процесс и результат метафоризации отмечаются своеобразием, даже уникальностью. Своеобразие явления вторичной номинации вообще состоит в том, что «гносеологический образ отражаемого внеязыкового объекта здесь всегда опосредован переосмысливаемым содержанием языковой формы» [Телия 1977, 167]. Именно субъективностью переосмысления значения слова при обозначении внеязыкового объекта, т. е. объекта метафоризации, объясняется сложность восприятия образной метафоры, что отражается в трудности ее интерпретации. Другими словами, осмысление образного значения очень индивидуально, субъективно. Даже художественные метафоры, подобранные из текстов, рассчитанные на детей, тоже индивидуальны. Отсюда сложность их понимания детьми и научный интерес к этому явлению.

Понять метафору — значит в какой-то степени мысленно проследить путь ее создания, а это неизбежно требует умственного усилия «в преодолении несовместимости значений» и «восстановления смысловой гармонии» [Арутюнова 1978, 341]. Задача, возникающая перед реципиентом, состоит (в частности) в том, чтобы через призму своего личного опыта, через свое «личностное знание» (термин М. Полани) [Полани 1985], «пропустить» результаты чужого сравнения и, сопоставив их с собственным опытом, прийти к тому же заключению относительно тех же явлений и предметов, что и «создатель» метафоры.

Однако восстановлению смысловой гармонии препятствуют важные характеристики метафоры — ее субъективность, смысловая диффузность, равно как и ее назначение — скорее вызывать представления, а не сообщать информацию [Арутюнова 1978, 340]. Эти обстоятельства объясняют сложность понимания метафоры даже взрослыми носителями языка. Еще большую сложность представляет ее понимание для детей дошкольного возраста. Это обстоятельство особенно бросается в глаза на фоне чрезвычайно активной словообразовательной деятельности детей в этот период детства. Экспериментальное исследование по словообразованию в онтогенезе, проведенное нами ранее, показало, что в период от трех

до шести—семи лет эта активная словообразовательная деятельность сопровождается и обеспечивается столь же бурным развитием способности детей к пониманию производных слов [Юрьева 1983].

В свою очередь наблюдения за спонтанной речью детей-дошкольников показывают, что спонтанное употребление метафор (как и вообще сравнений и переносов) им не свойственно. Следует отметить, однако, что в литературе имеются отдельные свидетельства «детской тяги» к «перевернутому миру» («перевертышам», по Чуковскому)¹. В то же время одно из отличительных свойств детской речи как раз состоит в большей образной наглядности, чем речь взрослых. Эта образная наглядность достигается за счет особенностей номинативной деятельности детей. Номинация предмета производится на основе его внешних, наглядно воспринимаемых свойств, а средства наименования должны непременно обладать предметной детерминированностью [Шахнарович 1978]. Это свойство детской речи (и мышления) в известном смысле и делает трудным для детей восприятие метафоры, в которой предметное содержание неявно, «размыто».

Если метафоризация — это всегда предикация обозначаемому некоторого «несобственного» для него признака, приписываемого ему в силу сходства по аналогии [Телия 1977, 202, 211; Арутюнова 1978, 341—342], то для понимания метафоры ребенок должен находиться на той ступени развития мышления, которая может обеспечить восстановление гносеологического образа предмета метафоризации через языковое значение метафоры; установить и увидеть связи между предметами действительности, которые так далеко разведены в предметном мире и соединены в языковом.

В онтогенезе происходит сложный процесс развития практической деятельности, имеющий решающее значение для психического развития ребенка, для развития познавательного отражения предметной и языковой действительности на всех генетических ступенях. Поэтому представляется очевидной и связь между пониманием метафоры ребенком-дошкольником и развитием его мышления и познания действительности в этот период детства, так как для метафорического значения важна степень познания предмета.

В дошкольном периоде развития ребенка исследователи выделяют две формы в развитии мышления, находящиеся и развивающиеся в тесном взаимодействии друг с другом и представляющие собой определенные ступени в движении ребенка к понятийному мышлению. Этими формами мышления являются наглядно-действенное мышление и наглядно-образное мышление, представляющие собой как бы логические результаты в развитии мышления в дошкольном детстве.

Наглядно-действенное мышление не отделяется от восприятия, и логика его, как отмечает А. В. Запорожец, неразрывно слита с логикой практического действия. Ребенок не приходит к мысли, что эта вещь по-

¹ Так, В. Штерн указывает, что, когда ребенку не хватает запаса слов для выражения определенной мысли, он прибегает к словотворчеству, при этом может выдумывать «почти поэтические обороты» [Штерн 1915]. Дж. Селли также подчеркивает, что ребенок переносит название одного предмета на другой, причем этот перенос «обычно имеет метафорический характер» [Селли 1909; см. также Аркин 1968].

добна той по определенными признакам, а просто усматривает «то это» или «не то». Иначе говоря, более сложная операция установления подобия и различия заменяется более простой — отождествлением или полным игнорированием подобия между двумя вещами или двумя ситуациями [Запорожец 1986, 162]. Наглядно-действенное мышление имеет отношение в основном к «добыванию» фактов о свойствах и связях вещей, устанавливает сам факт существования этих свойств; в сознании же ребенка они отражаются пока еще как недифференцированные [Поддьаков 1977, 86].

Наглядно-образное мышление позволяет ребенку осуществлять операции с предметом без участия практического действия. Наглядно-образное отражение действительности идет в тесной связи с речью. Это уже стадия внутренней деятельности воображения. Сферой деятельности ребенка являются воображаемые предметы в воображаемых обстоятельствах, т. е. ребенок может свободно объединять представления о предметах, оперировать ими, вводя их новые комбинации и демонстрируя тем самым свое овладение не только наглядными свойствами предметов и явлений, но и межпредметными и внутрипредметными связями и зависимостями, не выявляемыми при непосредственном наблюдении.

Цель метафоры — вызывать представление. Мир метафоры — это мир образного мышления. Овладение ребенком образным способом репрезентации знания о мире — это вступление его в мир воображения и образного мышления, где и функционирует метафора как форма репрезентации знания и инструмент мышления.

Развитие наглядно-образного отражения действительности у дошкольников идет в основном по двум линиям: по линии совершенствования и усложнения структуры отдельных образов, обеспечивающих обобщенное отражение действительности, и по линии формирования системы конкретных представлений о том или ином предмете [Поддьаков 1974, 43].

В процессе наглядно-образного мышления происходит овладение многообразием сторон и свойств предмета. Возможность же представления объекта со всеми частными, второстепенными признаками может послужить основой переосмысления, когда второстепенные свойства явятся началом той линии анализа, которая и позволит увидеть предмет в новой плоскости, в иной системе связей, где данные второстепенные свойства и связи уже выступают как существенные [Поддьаков 1977, 136]. В метафоре при сопоставлении двух содержаний продуцируется новое содержание, основой которого является мобилизация компонентов данных содержаний. Для субъекта, имеющего дело с новой системой отношений, появляется возможность выделить аспект предмета на основе этой системы. Условием появления новой системы отношений (значений) является наличие общих моментов в сравниваемых предметах [Рамишвили 1970].

Акт выявления общих моментов в сравниваемых предметах и является собственно актом метафоризации. Он выражается в форме переноса некоторого признака одного предмета на другой в силу наличия у этого другого предмета сходного признака. С этой точки зрения создание метафоры можно представить как «активно-активный» акт (выявление общности признаков «разведенных в реальности» предметов и сам акт

называния), а восприятие метафоры и ее интерпретация — как «пассивно-активный акт». Необходимым условием понимания метафоры (ее адекватной интерпретации) является определенный уровень мышления субъекта, воспринимающего метафору (в нашем случае ребенка-дошкольника). По словам К. К. Жоль, «появление метафор в поле языкового сознания — свидетельство определенной филогенетической и онтогенетической зрелости» [1984, 11].

Из этих положений мы исходили, приступая к экспериментальному исследованию понимания метафор дошкольниками. Задача настоящего исследования состояла в том, чтобы, выбрав часто встречающиеся метафоры из текстов, ориентированных на восприятие детьми-дошкольниками, предъявить их реципиентам соответствующего возраста для интерпретации и проследить, как интерпретируют дети эти метафоры.

Экспериментальный материал состоял из набора метафор с определенным контекстом. Метафоры были выбраны в основном из литературы, рекомендованной для детей дошкольного возраста: из сказок, стихов, рассказов. Список включал 25 метафор когнитивного типа, т. е. таких метафор, для которых характерен сдвиг в сочетаемости признаков слов (перенос значения) [Арутюнова 1978, 340]. При подборе метафор мы исходили из того, чтобы явления действительности, сопрягаемые метафорой в пары, были известны детям. Например, *Зима недаром злится, прошла ее пора. Весна в окно стучится и гонит со двора; Приказал царь Ивану ехать за живой водой и за молодильными яблоками*. Экспериментальное задание состояло в экспликации субъективного содержания, заключенного в метафоре, и было основано на методике сопоставления метафоры и ее семантической дефиниции. Эксперимент проводился в ноябре 1986 г. с детьми-дошкольниками детского сада № 652 г. Москвы. В опытах участвовало три группы детей в возрасте от трех до шести лет, всего — 34 человека, из них: младшая группа (три — четыре года) — 10 чел., средняя группа (четыре — пять лет) — 12 чел., старшая группа (пять — шесть лет) — 12 чел.

Эксперимент проходил в форме индивидуальной беседы. Испытуемому зачитывался определенный контекст с метафорой и предлагалось ответить на вопрос типа: Что значит *буря воет*? Испытуемый должен был высказать суждение о предмете, обозначенном данной метафорой, т. е. дать свою интерпретацию образу, который в ней представлен. Эта интерпретация, или суждение о предмете метафоризации, является, по нашему мнению, определенным выражением знания о реальности, стоящей за той или иной метафорой, так как реальным субстратом любого акта наименования является относительно законченная мысль, выражаемая в форме предложения [Телия 1977, 167].

Степень понимания метафоры выражается в том, какие из компонентов смысловой структуры метафоры ребенок будет восстанавливать при ее интерпретации. Смысловая структура метафоры представляется состоящей из четырех компонентов: основного и вспомогательного субъектов метафоры и их признаков, дающих основания для сравнения субъектов метафоры [Арутюнова 1978; Black 1962]. В поверхностной структуре метафоры эти компоненты представлены в разной степени. Так, в метафоре когнитивного типа (предикатной, признаковой) класс вспомога-

тельного субъекта не имеет обозначения: его с большей или меньшей определенностью имплицитно само метафоризируемое слово (прилагательное, глагол) [Арутюнова 1978, 341—342]. Например: *У реки шептались березки*, вспомогательный субъект метафоры (человек, люди) может быть выведен из значения глагола *шепаться*. Значение метафоры определяется признаками вспомогательного субъекта. Целью же метафоры и основным ее результатом является выведение признаков основного субъекта.

Истолкование метафоры ребенком связано с представлением ее смысловой структуры такой дефиницией, которая включает в качестве составных частей все четыре компонента смысловой структуры метафоры. Для метафоры когнитивного типа необходимо восстановить вспомогательный субъект, чтобы, оттолкнувшись от него, найти в нем и вычленить признак, позволяющий соединить вспомогательный и основной субъекты в пару; найти аналогию в образах и соединить их одним признаком. Таким образом, ребенок стоит перед загадкой или уравнением с двумя неизвестными: оттолкнувшись от языковой стороны метафоры, через ее языковую семантику он должен прийти к гносеологическому сложному образу отражаемого внеязыкового объекта; открыть аналогию или сходство в некоторых признаках двух несовместимых явлений действительности, тем самым как бы «пройти вновь путь «автора» метафоры» [Телия 1977, 200]. Данные, полученные нами в эксперименте, позволяют выделить несколько типов интерпретаций метафоры детьми-дошкольниками, отражающих понимание ими метафоры и находящихся в зависимости от их когнитивного и языкового опыта.

1. Интерпретации метафор, представленные высказываниями, в которых восстанавливались как внешние, так и внутренние признаки основного субъекта метафоры:

<i>Воет буря</i>	‘Дождь сильный’ ‘Гроза гремит, дождь идет’ ‘Ветер’
<i>Море смеется и играет</i>	‘В море можно купаться’ ‘Море течет’ ‘Море шумит’ ‘Море синее’ ‘Волны в море разгоняются’
<i>Трава шелковая</i>	‘Есть траву можно’ ‘Коза ест траву’
<i>Живая вода</i>	‘Воду пьют’ ‘Ее можно пить’
<i>Зима злится</i>	‘Снег, холодно. И ветер еще’ ‘Идет снег зимой, снежинки падают на вареники и тают’ ‘Зима дует’
<i>Весна в окно стучится</i>	‘Тепло, ручейки бегут’ ‘Весна, солнышко светит’ ‘Весна приходит, тает снег’

Примеры показывают, что интерпретации метафор основаны на связях и отношениях, устанавливаемых и освоенных ребенком в действенном

и наглядном опыте. Характеризуя основной субъект метафоры, ребенок указывает на фактические реальные характеристики и признаки этого субъекта, открываемые ребенком в непосредственном (или заимствованном) опыте. Идет конкретно-наглядное восприятие основного субъекта метафоры (денотата), имеющее глубокие корни в практическом опыте ребенка. При характеристике образа все признаки денотата равны и важны в функциональном значении. Основной субъект метафоры предстает как определенный конкретный предмет (явление действительности) со всеми его признаками, а совсем не как носитель одного определенного признака, из-за которого и возникла та или иная метафора. Признак, на котором строится метафора, не извлекается из всех остальных и не играет для ребенка специфической роли по сравнению со всеми остальными. Говоря словами Л. С. Выготского, «он равный среди равных, один среди многих других признаков» [1982, 145]. Если основной субъект метафоры знаком ребенку непосредственно или освоен им через общение со взрослыми, то ребенок видит его во всей совокупности знакомых ему признаков. Так, море для ребенка может быть синим, спокойным, может плескаться и т. д., но смеяться и играть оно не может, т. е. для ребенка важны признаки, свойственные предмету. Соотнесение предмета с «чужими» признаками и присвоение предмету «чужих», не свойственных ему характеристик еще не наблюдается. Это приводит к тому, что объяснение метафоры относится только к одному основному субъекту метафоры, второй же член метафорической пары как бы не замечается.

Интерпретации данного типа наблюдаются у детей всех трех возрастных групп, участвовавших в эксперименте. При этом дети младшей группы прибегали только к этому типу интерпретаций. В средней и старшей группах этот тип составил около половины ответов.

Следующие типы высказываний-интерпретаций характерны только для детей средней и старшей групп и отличаются качественно новыми моментами.

2. Интерпретации, в которых восстанавливаются два субъекта смысловой структуры метафоры (основной и вспомогательный), но не восстанавливается общий признак, «стягивающий» метафору.

Воет буря 'Корова воет, а не буря. Собаки воют'

Море смеется и играет 'В море купаются. Море не смеется. Играют в игрушки'

'На море волны плавают и разгоняются. А дети играют'

Шептались березки 'У них ротика нет, они только расклевывались'

Подобные интерпретации свидетельствуют о том, что «чужой» признак, присвоенный предметом метафоризации, замечен ребенком, и ребенок воспринимает (и оценивает) этот признак как несоместимый с денотатом. Метафора на этом этапе воспринимается как нарушение всего того, что он узнал раньше. Он замечает и оспаривает «инородность», «несоместимость» двух понятийных областей действительности, соединенных в метафоре, которая и делает метафору метафорой. Он замечает отсутст-

вие опоры на действительность, которая стерта в метафоре, но к которой он привык с первых шагов овладения языком и словом.

В ходе овладения языком ребенок вырабатывает определенные стратегии, находит и выводит определенные внутренние закономерности, замечает и строит модели-типы языка, помогающие ему [Слюбин 1976; Берко 1958; Шахнарович 1979]. Ребенок эти закономерности ищет и находит, так как язык их ему предоставляет. Так и в метафоре ребенок ищет логику, пытается найти закономерности, которые метафора не предоставляет, поскольку «образность и кажущаяся конкретность, вещественность метафоры, нисколько не превращает ее в наглядное пособие языка» [Арутюнова 1978, 340]. Происходит столкновение прежнего языкового опыта ребенка с новым языковым фактом, отражающим богатство и разнообразие языковых форм представления действительности.

По всей видимости, дети еще не чувствуют потребности в обращении к другой системе, к другому носителю этих признаков. Сам предмет метафоризации для ребенка еще полон загадок, и у него нет необходимости прибегать к другому неизвестному. Таким образом, присвоение денотату (предмету метафоризации) «чужого» признака, происходящее в процессе метафоризации, семантически не осмыслено ребенком.

«Детский бунт» против употребления метафорических значений уходит корнями в явление взаимосвязи и неотделимости мышления от практического действия, к первым проявлениям мышления у детей как практического действия, подчиненного определенной логике операций. А. В. Запорожец, основываясь на проводившихся еще в 30—40-х годах опытах, отмечает, «что ребенок улавливает сложные грамматические формы или, наоборот, перестает их улавливать в зависимости от того, соответствуют эти речевые формы, эти инструкции логике действия или не соответствуют» [Запорожец 1986, 180; Сохин 1959]. И то, что ребенок на младших ступенях развития даже в игре отказывается переименовывать предметы, если это противоречит логике его практического опыта, свойствам самих вещей, говорит о сохранении «интимной, чрезвычайно тесной связи развивающегося мышления ребенка с его деятельностью» [Запорожец 1986; см. также Луков 1937; Хоменко 1941₂]. В исследованиях метафоры в детской речи подтверждается мысль Л. С. Выготского относительно двух планов речи — физического и семантического. В начальные периоды развития речевой деятельности эти два плана речи не совпадают, и потому речевое произведение не может возникнуть во всей полноте [Выготский 1982, 311]. По мнению Л. С. Выготского, словесный и мыслительный синтаксисы не возникают одновременно, а предполагают «переход и движение от одного к другому» [Там же]. Этот сложный процесс перехода от «чистых» значений к их выражению в звучащей речи образует одну из главных тенденций речевого развития в онтогенезе. Для того чтобы представить физическую и семантическую стороны речи в единстве, ребенок должен овладеть ими по отдельности, «осознать их различие и природу каждой из них» [Там же]. Первоначально же имеет место недифференцированность форм и значений,

при которой «слово и его значение воспринимаются как часть вещи или как свойство ее, неотделимое от ее других свойств» [Там же].

Опыты, которые были проведены Л. С. Выготским с детьми-дошкольниками, показали, что часто ребенок объясняет название вещи ее свойствами. «Корова называется *корова*, потому что у нее рога, теленок, потому что у него рога еще маленькие» [Выготский 1982, 311]. Именно эта особенность ранних этапов развития речи в онтогенезе проявляется в обращении ребенка-дошкольника с метафорой. У ребенка нет еще некоторого «поля значений» слова, из которого можно было бы выбрать маргинальные и, соединив их с маргинальными значениями других слов, получить метафорическое значение типа *голубое детство*.

Логика зависимости предметных действий, взаимосвязей элементов прецедентов между собой, логика связей между субъектами и совершаемыми ими действиями и объектами, на которые эти действия направлены и т. д., открывается ребенком в процессе его предметной деятельности и переносится им в дошкольном возрасте на логику мыслительных операций и на процесс овладения языком.

Совершенно очевидно, что реализм ребенка в отношении того, что возможно в окружающем его реальном мире, переносится на отражение этого мира в детском сознании вместе с теми же ограничениями, которые известны ребенку по опыту деятельности в материальном мире его окружающем. Именно отсюда проистекает своеобразное отношение ребенка к метафорам. Раз предмет «сопротивляется» произвольному изменению, приписываемому ему качеству или связи с другим предметом, то и языковое выражение таких противоречащих логике мыслительных «вольностей» в обращении с предметом также не может не вызвать сопротивления. А вся метафора как раз на этом и построена. Отсюда такой своеобразный буквализм детей в интерпретации метафоры.

3. Интерпретации, трактующие метафору в ее прямом значении, но уже отмеченные выходом или точнее возможностью выхода за рамки совокупности предметных признаков предмета метафоризации, т. е. в них отмечается сдвиг от чувственно воспринимаемых наглядных признаков предмета к абстрагированным характеристикам предмета, являющимся, в свою очередь, условием метафоризации.

Оборвать разговор

‘Получится дырка’

‘Пополам’

‘Мальчик оборвал провод у телефона, вот и оборвал разговор’

Молодильные яблоки

‘Они на молодой яблоне растут’

‘Они молодые и вкусные’

Живая вода

‘Она шевелится’

Утро седое

‘Утро старенькое’

‘Как борода’

4. Интерпретации, в которых уже частично передается переносное значение метафоры; предмет метафоризации характеризуется через разъяснение «чужого» признака, хотя вспомогательный субъект метафоры (настоящий носитель этого признака) в интерпретациях вербально не присутствует.

Шептались березки

‘Они что-то говорили’

‘Они что-то рассказывали’

‘Они тихо разговаривали’

‘Березки раскачивались’

Море спит

‘Березки листиками качали’

‘Море не шевелится’

Оборвать разговор

‘Море спокойное, море не бушует’

‘Люди разговаривают, а мальчик перебивает’

На наш взгляд, данные интерпретации отражают процесс «нащупывания» детьми переносного значения метафоры. Метафора в этих интерпретациях теряет предметность; образ, представленный в метафоре, передается ребенком через наиболее информативные признаки, обнаруживаемые им в предмете метафоризации.

Значительное количество информации, известной ребенку о предмете метафоризации, становится для ребенка избыточным, как бы отсекается и не используется при интерпретации метафоры. Ребенок находит собственный признак предмета, неизвестный ему ранее, отталкиваясь от «чужого» признака. Развитие понимания метафоры идет по линии выделения характеристик более адекватных приписываемому метафорой «чужому» признаку.

Интерпретации, представленные в пунктах 3 и 4, на наш взгляд, отражают переход к подлинному схватыванию метафорического значения. Дети в них еще не улавливают все компоненты значения метафоры, но часть ее значения тем не менее понимается правильно.

Таким образом, экспериментальный материал дает целый спектр детских интерпретаций метафоры, отражающих процесс овладения значением слова в детском возрасте. В ранние периоды развития ребенка этот процесс развернут и потому доступен наблюдению.

Понимание метафоры ребенком в дошкольном возрасте носит динамический характер, проходя, по всей видимости, ряд ступеней: от простого привлечения своего практического опыта и предметности восприятия метафоры через ее прямое значение к переносному значению. Тем не менее в дошкольный период этот процесс только начинает формироваться, так как у ребенка в этот период начинает складываться качественно новый уровень мышления: образное восприятие мира, позволяющее ему «настроиться» на восприятие метафоры.

Образность языка формируется по мере овладения действительностью. На ранних этапах значение метафоры для ребенка предметно и подчинено логике воспринимаемого объекта, его наглядным, чувственно воспринимаемым характеристикам. И только позднее, к старшему дошкольному возрасту, ребенок подходит к пониманию языкового значения метафоры.

Рассмотренные типы интерпретаций метафоры детьми-дошкольниками не представляют собой возрастных стадий по овладению семантикой метафоры, так как, например, интерпретации метафоры, восстанавливающие предметные признаки предмета метафоризации, были характерны и для детей старшего дошкольного возраста. Тем не менее

определенные типы интерпретаций, отмеченные некоторым овладением значением метафоры, возникают лишь у детей среднего и старшего дошкольного возраста. Выделенные типы интерпретаций скорее представляют собой стадии овладения некоторым содержанием значения метафоры. Поэтому, хотя и может быть прослежена определенная зависимость типа интерпретации от возраста ребенка (например, предметные интерпретации появляются раньше, чем образные), выделенные типы интерпретаций однозначно с возрастом ребенка не связаны.

Переносное значение и метафора как его частный случай представляет собой, насколько можно судить по данным нашего эксперимента, сложное и, по-видимому, иерархически организованное образование. На нижних «этажах» этой постройки находятся денотативные компоненты, которые сами по себе могут определять перенос, но только в рамках предметного опыта, в пределах модели предметного мира, без связей и отношений. На верхних «этажах» расположены компоненты, которые определены связями и отношениями двоякого рода: отношениями между человеком и миром вещей и отношениями между человеком и другими людьми. В первом случае переносное значение как бы свободно от эмотивного (эмоционального) компонента, во всяком случае, этот компонент находится на «фоновом» уровне, во втором случае — эмоциональное отношение часто определяет не только факт переноса, но и способ формирования переносного значения. Отсюда и развитие метафорического значения у детей от предметного и деятельностно-конкретного к абстрактному.

МЕТАФОРА В НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

УПОРЯДОЧЕННОСТЬ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ И ЯЗЫКОВЫЕ МЕТАФОРЫ

Практика науки показывает, что формирование теоретических систем предполагает, среди прочего, совмещение описаний реально существующих объектов с описаниями гипотетических конструктов, свойства которых приписываются миру теорией. Это становится возможным, поскольку языковые средства, с помощью которых такие описания строятся, обладают относительной независимостью от конкретного содержательного материала, который они оформляют. Например, Я. Г. Дорфман, анализируя развитие физического знания, отмечал, что математический аппарат, использованный в уравнении Шредингера, очевидно, безразличен к физической природе микрообъектов [1979, 250]. Болгарский исследователь А. Петров при обсуждении характера отношений между физическим знанием и его математическим оформлением специально выделяет активное влияние языка математического описания на характер физических представлений, подчеркивая, что использование некоторых формализмов предполагает выделение таких признаков объекта, которые с точки зрения физического подхода вовсе не обязательны. Поскольку появление неевклидовых геометрий обнаружило для математиков определенную независимость используемого ими языка от физического содержания уравнений, постольку сегодня научное описание требует учета различия между «формально удобными» и «физически необходимыми» параметрами [1980, 89—90].

В связи с этим можно предположить, что отмечаемая в сегодняшней практике научного исследования тенденция к взаимобою и взаимовлиянию различных методов и дисциплин является обратной стороной расчленения и дифференциации научных средств, так как автономизация элементов, из которых состоит аппарат теории, открывает большие возможности комбинаторной деятельности ученого. Поэтому упорядочение знаний на некоторых этапах познавательной деятельности может происходить за счет введения новых элементов языка, до определенного времени не связанных с реальностью, ибо «в наши дни математика обязана не только строить формализованные модели каких-то явлений, уже известных физике, биологии или другим областям знания, но и заготавливать формальные структуры впрок для возможного использования в будущем» [Бирюков, Тростников 1977, 51].

Эффективность подобного подхода доказывается всем процессом науч-

ного развития. Но его использование оказывается возможным только в результате размыwania жестких границ между формальным и содержательным аспектами знания. Если абсолютизировать содержательную точку зрения, то закон Бойля-Мариотта, например, является бессмыслицей, ибо перемножить столь разнопорядковые характеристики, как объем и давление, невозможно. Однако при символическом выражении они превращаются в однородные абстракции, что позволяет оперировать ими и получать новую содержательную информацию о мире [Розов 1981, 144]. Так, ориентация, казалось бы, на чисто формальную сторону способствует развитию знания в целом. Механизм этого процесса блестяще проанализировал К. Маркс. Описывая развитие форм собственности в «Капитале», он прямо подчеркивал, что «различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству» [т. 23, с. 58—59].

Стремление к формализованному представлению человеческих знаний существенно облегчает задачу его упорядочения и контроля за возникновением тех познавательных ситуаций, в которых существующие теоретические системы перестают быть эффективными.

Одной из важнейших задач научного познания является, как известно, установление законов, определяющих процессы, которые интересуют человека. Поскольку законы науки представляют собой отражения в человеческом знании устойчивых, повторяющихся связей и отношений объективного мира, постольку стремление фиксировать эти связи с помощью формальных средств может быть понято как обеспечение простой возможности обнаружить возможные отклонения от стандартной ситуации. Так как подобные отклонения могут означать появление нового круга фактов, ранее не известных науке, то можно интерпретировать постоянное внимание ученых к областям возникающих аномалий как ориентацию не только на актуальные способы взаимодействия с окружающим миром, но и на потенциальные, связанные с практикой будущего. Отсюда — все возрастающая в современном познании роль различного рода гипотетических объектов, конструируемых чисто теоретическими средствами.

Имея дело с подобными объектами, исследователь не всегда может корректировать используемые им абстракции обращением к эмпирически установленным характеристикам изучаемой области. Поэтому гипотетические объекты описываются так, как это позволяет делать существующая теория. Например, сегодняшняя микрофизика активно использует идею кварков, хотя многочисленные попытки эмпирически обнаружить существование этих частиц в свободном состоянии пока не принесли успеха. Тем не менее физики не отказываются от кварков, поскольку экспериментально установлено, что «рассеяние электронов и нейтрино на протоне оказывается таким же, как если бы протон содержал три (состоял из трех) точечных частиц» [Гинзбург 1981, 134].

Строя объяснение явлений сверхтекучести гелия-II, Л. Д. Ландау исходил из представления о том, что данное вещество представляет собой одновременно единый квантовомеханический организм (гигантскую молекулу) и виртуальную смесь различных жидкостей [Ливанова 1983, 160, 180—181].

Во всех подобных случаях мы имеем дело с отождествлением весьма различающихся характеристик. Это одна из наиболее ярких черт современного исследования, но еще в античном познании использовались описания объектов, представляемых так, как если бы мы могли увидеть их такими (например, атомы Демокрита). Сторонники концепции теплорода тоже мыслили его как некую жидкость, добавляемую к реальным физическим телам и только мысленно в них выделяемую.

Тем не менее, кварки, виртуальные компоненты гелия-II и другие подобные им способы теоретического описания, используемые в современной науке, имеют существенно отличную от прежних приемов семантическую природу. Если античные мыслители, как и естествоиспытатели прошлого, были убеждены в реальности вводимых ими конструкций, то сегодняшний ученый вполне осознает их гипотетичность, условность и пользуется ими как способом связи абстракций и формализмов разного рода с уже утвердившимися в научном сознании системами образов, без чего невозможно освоение теоретических нововведений, а значит и упорядочение нового знания о мире¹.

Установление такой связи имеет в науке особое значение еще и потому, что возникновение простых наглядных образов, как правило, завершает создание определенной области теоретической физики, свидетельствуя об ее идейной законченности [Каганов, Лифшиц 1976, 78]. Но сами эти образы оказываются при этом внутренне неоднородными образованиями, состоящими из элементов различной природы. Более того, практика исследования показывает, что довольно часто теория может возникать на базе объединения представлений и понятий не только не родственных друг другу, но иногда и прямо противоположных. Например, понятие «волна» и понятие «частица» возникали совершенно независимо друг от друга и, поскольку смысловые ассоциации, связанные с каждым из них, определяли различный характер описания мира, их объединение при возникновении электродинамики Максвелла создало затруднительную ситуацию. Как писал Эйнштейн: «комбинация идеи непрерывного поля с представлением о материальных точках, расположенных дискретно в пространстве, оказывается противоречивой» [1966, 722].

Сам механизм подобного совмещения, как уже отмечалось, действует на всем протяжении истории науки, но его методологическое осмысление существенно меняется на разных ступенях познания. Если Галилей старался подкреплять математическое описание выявленных им закономерностей демонстрацией простых и наглядных эмпирических ситуаций (или апелляцией к их мысленному воспроизведению), чтобы сделать очевидными чувственно не воспринимаемые модели теории, то сегодня ученые достаточно ясно понимают, что свойства и закономерности используемых конструкций определяются не только самими объектами, но и специфическими языковыми средствами описания данной предметной области. Поэтому теория включает в себя различные уровни языка,

¹ Не случайно Л. Д. Ландау, излагая ход своих рассуждений при решении проблемы гелия-II в популярной форме, использовал образ теплорода уже как условную модель, понятную современному сознанию [Ливанова 1983, 188].

и для их согласования возникает необходимость в особых средствах, играющих роль промежуточных звеньев, переходных мостиков.

Чем более развивается человеческое общество и происходит «передвижка мира в себе дальше и дальше от мира явлений» [Ленин, т. 29, с. 138], тем важнее становится роль таких средств, ибо увеличивается цепь уровней, требующих взаимоувязывания. Разные способы отображения объекта, определяемые контекстом конкретного исследования, не обязательно вступают только в отношения предыдущего и последующего этапов. Они могут и сосуществовать в виде конкурирующих систем, как взаимовытесняя, так и частично ассимилируя содержание друг друга.

Именно взаимное наложение различных описаний обуславливает появление некоторых промежуточных областей, состоящих из элементов, входящих с разной степенью включенности в ту и другую систему отображений объекта. Обладая как некоторым сходством, так и различием с характеристиками обоих классов описания, эти элементы варьируются по степени близости/удаленности в отношении к каждому из описаний, а потому их включенность в каждый класс оценивается вероятностно.

Создание промежуточных слоев, способствующих объединению элементов разной природы, иногда представляющих несомнимые друг с другом группы идей, оказывается весьма эвристичным в научном поиске. Например, в случае невозможности получить искомое решение на базе имеющихся моделей явлений естествоиспытатель строит условную «пограничную» модель, включая в нее необходимые параметры традиционных моделей и отвлекаясь от «мешающих» [Моисеев 1979, 34].

Варируемость оценок «точности» и «допустимого отклонения» в рамках различных дисциплин и различных подходов обуславливает в конечном счете изменение действующих в науке критериев подобного рода. Каждая революция в естествознании связана и с переходом к качественно новой системе ожиданий, эталонов, способов организации информации и пр. Сложность методологического анализа подобных процессов связана, среди прочего, и с тем, что изменение всевозможных критериев, действующих в познании, может в рамках естественного языка происходить гораздо раньше, чем складываются точные методы, позволяющие выявить возникшее смешение.

Отсутствие четкого осознания различия «старого» и «нового» подходов иногда обуславливает убеждение в невозможности построения наглядной модели новых явлений, попавших в поле зрения научного исследования. Дело усложняется еще и тем, что ориентация на такую модель по сути означает неявное стремление создать целостное и непротиворечивое описание явлений, причем степень успешности подобной программы оценивается по отношению к некоторому критерию, стандартному для прошлой традиции [Брянский 1962, 96].

У каждого исследователя рано или поздно возникает определенная система предпочтений, стереотипов, наборы с фиксированным (хотя и не всегда жестко) спектром смыслов. Такой набор предполагает возможность перекомбинирования его элементов или создания чисто формальным способом новых конструктов, с помощью которых ученый раскрывает для себя определенную часть содержания вновь установленных фактов. Такие модели могут не иметь общественной значимости, играя вспомогательную

роль в деятельности данного конкретного человека с его опытом, научными интересами и т. д. Однако при конструировании объяснительной схемы, предназначенной для использования остальными специалистами данной области, требование непротиворечивости играет чрезвычайно важную роль.

В этом случае становится необходимым совместить не только старые и новые формы описания, но и как-то увязать субъективно-личностные способы использования понятий с общепринятыми в данном научном сообществе правилами и нормами. Столкновение различных языков, используемых в реальной научной практике, делает необходимым устанавливать не только наличие сходных элементов сопоставляемых систем, но и одновременно степень несовпадения этих элементов между собой.

Среди различных языковых средств существует одно, позволяющее эксплицитно представить комплекс этих условий. Это языковая метафора, структура которой включает в себя как минимум два различных понятия, связанных сложным комплексом отношений сходства/различия. Подчеркивая условность, неполноту отождествления сопоставляемых объектов, метафора создает контекст «как если бы» совпадения, в котором главным становится не возможность переноса информации с уже освоенной предметной области на область неизвестного, а фиксация специфических особенностей взаимодействия различных способов отражений сопоставляемых объектов². Столкновение нетождественных смысловых спектров порождает качественно новую информацию, раскрывает ранее неизвестные стороны содержания понятий, включенных в структуру метафоры. Так, известный философ и логик М. Блэк, одним из первых обративший внимание на сходство способов функционирования литературных метафор и моделей науки, подчеркивал, что высказывание типа *человек-волк* выражает не только некоторую новую информацию о первом субъекте (человек), но и включает в наше рассмотрение новые характеристики и второго субъекта (волк) [Black 1962, 39].

Множество употребляемых человеком метафорических выражений открывает новые семантические пласты, ранее не представленные явным образом. Говоря, например, о средневековом короле: *Ричард — лев*, мы как будто лишь сравниваем силу человека и животного. На самом деле подобное выражение содержит столкновение разноплановых ассоциаций, связанных, с одной стороны, с физической мощью льва, а с другой — с социальным положением короля: Ричард не просто физически силен, он могущественен, но это его свойство обусловлено социально, отсюда возникает представление о том, что в королевской власти всегда присутствует насилие, жестокость, зверство.

Семантическая информационность метафорических высказываний обусловлена тем, что их содержание относится не столько к самим реально существующим объектам, выраженным понятиями «волк», «лев», «человек», «король», сколько к отношениям между этими понятиями, их смысловыми ассоциативными комплексами. Эти отношения выступают

² Один из постоянных исследователей метафоры подчеркивает, что в качестве особого связующего звена метафора выражает одновременно два различных смысла: «не есть» и «похож» [Dauenhauer 1983, 1].

в качестве особого, отдельно существующего предмета, в котором объединяются оба субъекта высказывания.

Подобное отделение отношения от реализующих его в действительности носителей обусловлено спецификой человеческих языков, в которых абстракции могут приобретать статус объективного существования, наделяться «вещными» свойствами. Указывая на это, В. А. Успенский отмечает: «Сопоставляя вещные коннотации в разнообразных контекстах, можно составить себе образ некоторого материального предмета (быть может, довольно фантастического)» [1979, 148].

Поскольку, познавая объект, мы всегда «погружаем» его в определенную систему оценок, признаки, с помощью которых объект выделяется для познающего человека, могут меняться на различных этапах познания. То, что считается существенным в одно время (неделимость атома, кислый вкус некоторых химических соединений и т. д.), может впоследствии восприниматься как случайная или даже ошибочная характеристика.

Но объективированность языковых метафор обеспечивает сохранение ассоциативного комплекса, связанного с понятием, даже при переинтерпретации последнего, выводя на первый план те элементы смысла, которые ранее не принимались во внимание, и делая неявными другие, потерявшие свою актуальность. Поэтому она и оказывается тем средством, которое позволяет связывать между собой различные семантические ряды, а значит и различные способы описания и осмысления явлений объективного мира³.

Своеобразный характер метафоры, фиксирующей условность соединения объектов, принадлежащих к различным языковым рядам, отражается в ее структуре, которая может быть представлена как вхождение некоторого объектного языка в состав метаязыка в качестве особой подсистемы, сохраняющей относительную самостоятельность и в то же время определяемой законами функционирования системы в целом. Игнорирование специфики такого отношения может приводить к утрате контекста «как если бы», что превращает метафору в ошибку и затрудняет процесс познания и деятельности. Явная же условность сближения несходных элементов определяет вероятностный характер теоретического описания, построенного с помощью метафоры. Поэтому можно предположить, что метафора выполняет на содержательном уровне ту функцию, которую вероятностные способы описания выполняют в рамках чисто количественного подхода. Это объясняет растущий интерес различных исследователей к роли метафоры в языке науки⁴. Однако такой интерес свидетельствует не столько о том, что на современном этапе развития знания ученые вдруг стали широко использовать средства косвенного описания, сколько об изменившемся характере самой метафоры.

³ Следует отметить, что метафорическое отождествление различных реальных признаков не имеет в науке характера субъективного произвола, поскольку базируется на реально существующем сходстве сопоставляемых объектов. Последнее может еще не фиксироваться с помощью стандартных средств естественнонаучного исследования, но уже улавливается в рамках общекультурной деятельности и неявно влияет на способ осмысления ученым интересующих его фактов.

⁴ См. обзор имеющихся трудов в книге С. С. Гусева «Наука и метафора» (Л., 1984. Гл. 3, § 1).

Научные способы описания объектов реального мира всегда имели метафорический оттенок, но во времена классической физики на первый план выдвигались иконические элементы метафоры, расценивавшиеся как главное средство, с помощью которого ученый строил наглядные модели физического феномена. Теперь положение изменилось. И не столько в силу того, что иконические элементы вытесняются элементами символическими, сколько в результате более полного осознания диалектики отношений этих различных компонентов метафоры.

Возникая на базе естественных средств коммуникации, язык науки не может полностью освободиться от своего прошлого и сохраняет в своих глубинных слоях следы того интуитивного ощущения взаимобусловленности человека и мира в их материально-предметном взаимодействии, которое характеризовало практику донаучных периодов. А. Я. Гуревич, например, писал: «Человек обладал чувством аналогии, более того, родства структуры космоса и своей собственной структуры» [1972, 55].

Метафорическое отождествление некоторых характеристик субъекта и объекта еще на заре науки обусловило формирование таких естественнонаучных понятий, как «сила», «толчок», «энергия» и т. д. Хотя в дальнейшем произошла «онтологизация» моделей, выражаемых данными понятиями, метафорическая основа их не исчезла полностью. Напротив, сама возможность осмысленного употребления выражений, в которые входят подобные термины, базируется на потенциальном различии буквального и переносного их смыслов, поскольку отсутствие первого лишает языковую конструкцию практического значения, а ориентация только на него разрушает контекст «как если бы» и резко ограничивает область возможных применений данного выражения [McCloskey 1964, 224; Чейф 1975, 55—56].

Необходимо учитывать тот факт, что если в языке современного естествознания эта образность более менее различима, то понятия классического периода сделались настолько привычными, что уже вступают в новые метафорические контексты, играя роль «буквального» элемента, обеспечивающего смысловую интерпретацию других терминов, не обладающих наглядным характером. Так, выражения типа *черная дыра*, *волны кривизны*, *волны вероятности*, *тунелирование частиц* и пр. — воспринимаются существенно иначе, чем *масса*, *толчок*, *сила* и т. д.

Термин сегодняшней физики *спиновые силы* уже ориентирован на полную наглядность и привычность понятия «сила». И хотя в контексте ньютоновской механики оно связывалось со взаимодействием и ускорением тел, а в квантовой механике об этом речь не идет, данное понятие тем не менее делает более наглядной такую характеристику частиц, как *спин*.

Особое значение для понимания организующей роли метафоры в языке теории имеет тот факт, что, соединяя несходные понятия, метафорический контекст обращает внимание исследователя на возможность наличия у объекта таких свойств, которые ранее не допускались. Метафора приписывает объекту некоторые признаки и потому обладает гипотетической природой. Один из современных исследователей природы метафоры — Д. Берггрэн — отмечает, что говорящий *Ричард — лев*

вовсе не утверждает, что король — животное, а подразумевает, что если бы он был животным, он был бы скорее львом, чем ягненок [Berggren 1962, 240].

Таким образом, метафоры, с одной стороны, снимают прежние ограничения на формы описания исследуемой области, а с другой — заменяют возникшую «размытость» отображения объектов некоторой гипотетической определенностью, приписывая объектам данной области ранее не выявленные у них свойства и тем самым направляя процесс научного поиска на обнаружение этих свойств.

Растущий интерес к методологическому анализу роли метафоры в научном познании обусловлен еще и тем, что конструируемые с ее помощью «синтетические» описания обладают эвристическим характером, ибо обеспечивают устойчивость теории «в условиях постоянно возмущающего воздействия внешней среды (новых фактов)» по сравнению с системами, построенными с помощью более точных, однозначно определенных элементов [Бродский 1973, 88]. Следовательно, языковая метафора оказывается одним из способов организации познавательной деятельности, поскольку с ее помощью эксплицируется различие в природе компонент как теоретических, так и эмпирических языков науки и в то же время обеспечивается объединение этих составляющих в упорядоченное целое. Без этого познавательная деятельность человеческого общества оказалась бы невозможной, ибо необходимым условием прогресса науки является не только расширение и углубление содержания знания, но и увеличение степени организованности различных элементов, составляющих его структуру.

Поскольку развитие научного познания вносит искажение в действующую систему знания, на определенных этапах исследования может возникнуть проблема взаимоупорядочения старого и нового содержания человеческих представлений. Одним из способов восстановления нарушенной организации теорий часто является введение в их языки новых терминов, с помощью чего фиксируется не только увеличение объема информации, но и изменение в способах ее осмысления.

С тех пор как естествознание из науки «собирающей» превратилось в науку «упорядочивающую» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 303], под увеличением знаний стало подразумеваться и повышение степени их организованности. Поскольку в структуру научной теории входят и такие понятия, которые не определяются достаточно явным образом, для оформления знания в целостную систему приходится использовать метафорические средства, позволяющие обеспечивать единство там, где строгие рациональные методы не действуют. Это обуславливает насыщенность языков науки различными метафорами, что отмечается многими авторами [см. Карнап 1971, 256; Налимов 1974; 1976, 121—123; Юдин 1980, 57]. Входя в структуру научного знания, метафоры играют роль каналов, через которые культура некоторого данного общества влияет на ход научного познания.

Действительно, упорядочение любой системы требует ее открытости, включенности в структуры более общего уровня. Поэтому научная деятельность характеризуется не только переносом методов и результатов из одной дисциплины в другую, но и использованием внешних по отно-

шению к науке средств и форм организации. Наука потому «возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13, с. 43], что опирается в своем поиске на результаты других видов культурной деятельности, выступая, в свою очередь, основанием их активности. Этим определяется разнообразие метафор, их связь с самыми различными сферами человеческой деятельности: быденной, производственно-технической, художественной и т. п. Д. Пойа, ссылаясь на свой опыт математика, говорит об эвристичности таких языковых конструкций, как *стиснутые корни*, *выбивание корней многочленов* и пр. [1975, 275], И. П. Павлов описывал механизм образования временных нервных замыканий, метафорически отождествляя нервную систему с телефонной станцией [1951 т. 4, 39]; В. В. Налимов приводит целый набор языковых метафор, встречающихся в языке науки: *поле сил*, *температурное поле*, *течение времени* и т. д. [1974, 133].

Большинство математических терминов представляет собой скрытые метафоры, и чаще всего, употребляя слова *аксиома*, *аффинность*, *конус* и др., люди не осознают, что эти слова значат соответственно: 'достоинство', 'родство по жене', 'верхушка шлема' [Александрова 1978]. Примеры разнообразных научных метафор содержатся в работах С. Б. Крымского [1974, 108—109] и И. М. Забелина [1970, 17; см. также Jensen 1975].

Обилие уровней, типов и разновидностей метафор, участвующих в познавательной деятельности человека, чрезвычайно затрудняет задачу их выявления и анализа возникающих между ними взаимодействий. Дело осложняется еще и тем, что внимание как самих представителей конкретного естествознания, так и специалистов в области логики и методологии научного познания направлено на выявление и изучение «новых» метафор, лежащих в основе понятий и терминов, вводимых в научную практику сегодня. Скрытая же метафоричность уже традиционных, привычных понятий (таких, как «поле», «сила» в физике, «иррациональные числа» и «корни» в математике и т. д.) остается неучтенной, хотя и эти термины несут семантическую нагрузку и оказывают (большей частью неявно) воздействие как на функционирование прежних систем знания, так и на возникновение новой информации. Взаимодействуя между собой, а также вступая в контакт с вновь конструируемыми метафорами, они во многом определяют направление научного поиска и способ упорядочения его результатов. Скажем, используемая в кинетической теории газов модель базируется на метафорическом отождествлении молекул, составляющих структуру газового облака, с маленькими упругими шариками. Такое отождествление поднимает целый ряд вопросов, связанных с выяснением природы их упругости, отношения диаметров молекул к расстояниям между ними, характера сил, действующих на каждую молекулу, распределения их скоростей и т. д.

Данные вопросы не только обуславливают специфику понимания изучаемой области явлений, но и могут играть роль определенных «подсказок» для дальнейшего разворачивания научного исследования. Они достаточно часто связывают уже сложившиеся концепции с еще только формирующейся новой системой представлений. В частности, газовая модель существенно повлияла на первоначальные описания структуры

эфира, идея которой лежала в основе попыток освоения качественно нового круга фактов — электромагнитных явлений.

Возможность использования теоретических моделей за пределами той предметной области, для описания которой они построены, свидетельствует о гибкости метафоры как средства получения новой информации. Как уже отмечалось, хотя метафорические контексты возникают в связи с трансформацией семантики используемых теорией языковых средств, всегда сохраняется их определенная связь с предыдущими способами оформления знаний об объектах, что обеспечивает единство всей системы текстов, посвященных данной научной дисциплине, при включении в нее качественно новых сообщений.

Одним из средств такой связи выступает сохранение лингвистической формы термина при целом ряде изменений его смысла. Так, описание химического вещества, получившего название *кислота*, строилось на основании признания важнейшим релевантным признаком данного объекта его вкусовых свойств. В этом случае название буквально воспроизводило определяющую характеристику предмета. Однако дальнейшее развитие химической науки обнаружило второстепенность названного признака, более существенным оказалось свойство вещества отдавать протон при взаимодействии с другими химическими соединениями. Именно это теперь рассматривается в качестве важнейшего релевантного признака такого соединения, как кислота. Тем не менее термин сохранился, хотя используется как наименование класса объектов, среди которых имеются вещества, лишённые такого свойства, как кислый вкус. Следовательно, теперь термин *кислота* имеет метафорический оттенок, хотя это и не осознается большинством людей, использующих его в своей практической деятельности.

Сохранение понятием лингвистической формы при изменении семантики обеспечивает непрерывность ряда отображений объекта, без чего познавательный процесс превратился бы в набор замкнутых относительно друг друга фрагментов, не способных дать адекватное изображение реальности. Здесь имеется в виду не столько способ изложения уже имеющейся информации, сколько формы восприятия и осмысления новых объектов и явлений физического мира. Используемые наукой метафоры во многом определяют те признаки предмета, которые принимаются за релевантные, а значит задают способ рассмотрения объекта. Это обусловлено своеобразным системным характером самих метафор. Дело в том, что, будучи элементами связанных текстов, они также не существуют изолированно друг от друга. Как отмечал Д. Пойа, метафоры «могут образовывать более или менее независимые или, наоборот, более или менее сцепленные между собой группы» [1970, 184]. Используя некоторое понятие или выражение как метафору, исследователь незаметно для себя оказывается вовлеченным в целую цепь ассоциативных контекстов. Одни метафоры вызывают другие, которые, в свою очередь, обуславливают привлечение целого ряда новых метафор и т. д. Возникает сложная многоуровневая иерархия связей и отношений, задающая в значительной степени направление и стратегию научного поиска в данной области исследования.

Конечно, здесь нет строго логического следования одних суждений из

других, но все же понятия, играющие роль ключевых, в рамках некоторой данной теории довольно жестко определяют отбор языковых средств, с помощью которых строится описание соответствующей предметной области и производство новой информации о ней. Метафоры, лежащие в основе таких понятий, препятствуют принятию других метафор, некоррелируемых с ними. Они ориентируют мышление исследователя на учет специфических особенностей понятий, привлекаемых для конструирования теории и, таким образом, влияют на будущее предметно-практическое освоение анализируемых объектов⁵.

Ассоциативные связи, которыми обладает каждое вовлекаемое в сферу действия теории слово и выражение, выстраиваются в соответствии с характером ключевой метафоры, в результате чего возникают своеобразные «матрицы осмысления», организующие наличную информацию о мире. Однако рассматривать метафору как простое описание одного объекта по образцу другого, как это предлагает, например, известная английская исследовательница М. Хессе, вряд ли возможно [Hesse 1965].

Столкновение различных ассоциативных комплексов иногда может восприниматься как абсурд, нарушение привычных стереотипов мышления и значит — бессмыслица. Тем не менее в научном исследовании целенаправленное нарушение стандартов и норм довольно часто используется в качестве эвристического приема. На это неоднократно указывал Ф. Энгельс, в частности писавший: «... дифференциальное исчисление, вопреки всем протестам здравого человеческого рассудка, приравнивает при известных условиях прямое и кривое друг к другу и достигает этим таких успехов, каких никогда не достигнуть здравому человеческому рассудку, упорствующему в своем утверждении, что тождество прямого и кривого является бессмыслицей» [т. 20, с.123].

Таким образом, разнокомпонентная, синтетическая структура метафоры оказывается той формой, в которой возможно соединять известное и неизвестное, объяснимое и объясняющее, понимая при этом их нетождественность. Чрезвычайно наглядно это проявляется в практике математического исследования. Как отмечал Д. Пойа, математики, допуская, что известные величины обладают значением, удовлетворяющим условию задачи, считают «неизвестные и данные количества в определенном смысле равноправными» [1970, 51].

Выше уже отмечалось, что метафора выявляет новые семантические аспекты содержания всех ее элементов, и указывалось, что в некоторых конструкциях такого рода на первый план выходят иконические элементы, тогда как в других могут преобладать элементы символические, что лишает метафорическое выражение прямой «наглядности» и сближает его с собственно научной терминологией.

Но «необразные», символически выраженные компоненты метафоры становятся содержательно осмысленными именно благодаря слитности с элементами наглядными, в свою очередь связанными семантически с привычным буквальным смыслом языковых выражений. Роль такого символического способа выражения играет иногда сам переносный (фи-

⁵ О значении семантики названий при выборе имен для объектов вновь возникающей теории см., например: Управление, информация, интеллект. М., 1976.

гуральный) смысл. Например, в английском языке нет различий между красным и рыжим цветом, поэтому словосочетание *red hair* оказывается выражением, допускающим различные интерпретации, а значит имеющим метафорический оттенок. Американский лингвист У. Чейф приводит пример с неким Чарли, выкрасившим свои волосы красной краской. В этом случае выражение *red hair* воспринимается буквально и *red* имеет лишь один смысл — 'красный'. Становление новой семантики, связанное с ситуационным контекстом, требующим понимания слова *red* как 'рыжий', происходит только на основе старого значения, предполагает его, но не означает полного слияния двух значений. Метафорическое слово обладает одновременно двумя смыслами, что обусловлено вхождением старого значения в лингвистическую форму слова, но отсутствием его в «семантической структуре» [Чейф 1975, 55—56].

Отделяя некоторое понятие от его традиционных контекстов, мы разрушаем привычные смысловые связи этого понятия и превращаем его в нечто вроде теоретического конструкта, лишенного наглядности, благодаря чему его интерпретация имеет лишь операциональный характер. При наличии «абстрактного» (оторванного от конкретного носителя) комплекса признаков, нетрудно соединить его с любым теоретическим объектом, если этого требует познавательная ситуация. То, что невозможно в реальности, где референты данных слов могут взаимноисключать друг друга, становится осуществимым в мыслительно-языковой сфере, где оба понятия равны друг другу как абстрактные сущности. Причем подобная объективизация понятия происходит чаще всего не как результат субъективного произвола, а под влиянием изменения культурно-исторических оценок значения некоторого предмета или свойства, в связи с новыми формами их практического использования. А. С. Литвиненко утверждал, что изменение смысла слова *перо* произошло не тогда, когда начали использовать стальные перья, а тогда, когда элемент птичьего крыла превратился в письменную принадлежность [Литвиненко 1954, 268; см. также Петров 1982]. Так появляются *круглые квадраты*, *очарованные частицы*, *чернила красного цвета* и т. д. Одни из таких языковых «монстров» могут быть эффективным средством оформления нового опыта, полученного человеком при его взаимодействии с окружающей средой, другие же остаются лингвистическими курьезами (*круглый квадрат*, например).

Но возможности словесных сочетаний отнюдь не беспредельны, ибо выбор одних понятий, даже ставших «квазиформальными структурами», существенно ограничивает возможности привлечения других понятий, соединяемых с данным. Например, естествоиспытатели давно уже освоили метафору *построение теории*, но вряд ли можно употребить в серьезном исследовании по методологии познания выражение вроде *теория построена в стиле барокко*. И дело даже не в невозможности пересечения в данном случае различных языковых традиций — естественнонаучной и искусствоведческой, ибо понятие «изящности», также заимствованное из области эстетики, прочно вошло в обиход науки (*изящная гипотеза*, *изящное решение* и т. д.). Очевидно, здесь действуют сложные отношения между семантиками различных контекстов, в которые входят языковые элементы, составляющие метафору. Поэтому метафорические выра-

жения и не сводятся просто к приписыванию предмету признака, не свойственного ему в реальности, а представляют динамическое единство различных смысловых характеристик, ассоциированных с понятиями, сопоставляемыми в метафоре. Поскольку «спектры смыслов» складываются на протяжении всей истории бытия слова, постольку в них можно обнаружить следы различных исторических периодов. В связи с этим смысловая структура слова включает в себя два различных уровня: статический, что соответствует смыслу данного слова, сохраняющимся во всех контекстах его употребления, и динамический, обусловленный характерными особенностями каждого нового конкретного контекста [Литвиненко 1954, 262—263].

Сложность, синтетичность смысловой структуры слов, наличие в содержании любого понятия не только основных, но и второстепенных, часто скрытых характеристик (коннотаций различного вида) и определяет возможность возникновения метафор. Так как совокупность свойств реальных объектов имеет открытый характер и в принципе может рассматриваться как бесконечная, то всегда можно найти в некотором данном объекте признак (пусть даже совершенно несущественный, не принимаемый обычно во внимание), который обладает сходством с признаком другого объекта, существенно отличного от первого.

Абстрагирующая способность человеческого мышления не только позволяет «отрывать» признак от его носителя, но и допускает представление этого признака в качестве «заместителя» самого реального предмета (прием, который в стилистике называется «синекдоха» или «метонимия»). Тогда возникает возможность связать то, что принадлежало до сих пор к удаленным друг от друга областям, уподобить объекты друг другу, (даже явно противоположного характера) на основе «общего» признака.

Когда «вращение» становится главным индикатором такого объекта, как планеты, тогда обнаруживается их сходство с волчком, и значит знание о законах вращения волчка можно использовать для описания качественно иной области — небесных явлений. Представляя электромагнитное поле как совокупность изолированных друг от друга точек либо как бесконечно протяженную эфирную субстанцию, описывая планеты как неподвижно закрепленные на небесных сферах шары или вращающиеся в пустоте волчки, — естествоиспытатель получает возможность применить имеющиеся в его распоряжении процедуры практического и мыслительного освоения интересующих его фрагментов реальности.

Все описания подобного рода строятся с помощью метафорического уподобления нетождественных друг другу элементов знания. Поэтому анализ роли метафоры в процессах образования новых способов осмысления познавательной деятельности и ее результатов обязательно предполагает рассмотрение того, как происходит заимствование одной областью познания терминов другой, как осуществляется перенос понятий, вызывающий «столкновение смыслов» и порождающий новое понимание традиционных языковых средств.

Процессы подобного рода происходят в познании постоянно и всегда связаны с переходом на новый уровень представлений о мире. Подчеркивая этот факт, Ф. Энгельс писал в предисловии к английскому изданию «Капитала»: «В науке каждая новая точка зрения влечет за собой

революцию в ее технических терминах» [т.23, с.31], понимая под этими средствами и те способы терминологического выражения, которыми пользуются исследователи. Погружение используемых ранее понятий в необычные контексты позволяет выходить за пределы привычных представлений.

С этой точки зрения особенно интересно рассмотреть превращение слов и выражений естественного языка в специальные научные термины. Использование языковых конструкций нетрадиционным образом представляет собой один из типичных случаев метафоризации и позволяет выявить новые, ранее скрытые (или не существовавшие вовсе), способы связи идей. Например, румынский математик С. Маркус отмечает наличие в языке математической логики (и математики вообще) нескольких типов слов и выражений, среди которых он выделяет слова, чьи значения одновременно имеют сходство с обыденным употреблением и в то же время обладают существенно иной семантикой. В качестве примера он рассматривает понятия «фильтр», «сортировка», «серия» и пр., используемые математиками не так, как в обыденной практике [Marcus 1970].

Можно предположить, что возможность переосмысления слов естественного языка во многом обусловлена диалектикой формального и содержательного, проявляющейся еще в рамках мифологического мышления. Действительно, как показывают исследователи древних культур, традиционные тексты и ритуальные действия, например, постепенно приобретали чисто формальный характер, становились «автоматизированными», теряя первоначальный смысл. Но, передаваясь из поколения в поколение, при строгом сохранении формы, они постепенно обретали новое содержание [Фрейденберг 1978, 136]. То, что ранее определяло становление именно такой формы поведения (или мышления), со временем стало отходить на задний план, становиться неявным. Но социально-психологическая потребность действовать осмысленно порождала новые толкования, на первый взгляд, никак не связанные с прошлой семантикой, а выступавшие лишь в качестве рационализированного обобщения опыта предыдущих поколений.

Аналогичный ход мыслей можно увидеть и в современной научной практике. Скажем, преобразования математических выражений основаны только на их форме и не требуют неперемного выявления их содержательного смысла на каждом шаге вычислений. Точно так же содержательные термины и высказывания могут использоваться (и чаще всего используются) как готовые «блоки», содержание которых остается до конца не выявленным, а потому они могут включаться в новые деятельностные и мыслительные контексты и приобретать ранее не присущее им значение. Такая трансформация смысла на первых порах сохраняет метафорический характер в явной форме, а потому можно утверждать, что на определенных этапах развития научного познания (формулировка качественно новой проблемы, возникновение «промежуточной» области исследования, обнаружение аналогии между ранее различными способами исследования и т. д.) именно метафора порождает возможность выразить в языке, а значит сделать явной, осознанной новую информацию о предметном мире.

Постепенная адаптация нового знания в общей для данного времени и

данного сообщества концептуальной системе приводит снова к автоматизации способа воспроизводства имеющейся информации, и метафорический характер перестает восприниматься в явной форме. Здесь важно подчеркнуть, что в отличие от языка, скажем, поэтического, научные метафоры связаны не с отдельно взятым (индивидуализированным) явлением, а характеризуют некоторый класс событий и с этой точки зрения играют роль оператора, «извлекающего» имя нового термина из обыденного лексикона, имеющего хождение в рамках естественного языка. Распространение данного типа метафоры в научном сообществе довольно быстро лишает выражение его изначальной новизны. (В этом существенное различие научных и поэтических метафор, ибо при любом числе повторений, например, строки *Художник нам изобразил глубокий обморок сирени* (О. Мандельштам) — она не теряет своего метафорического характера).

Скрытая в глубинных семантических слоях научной теории, метафора всегда таит возможность изменения смысла привычных средств и способов отображения объекта, а значит и возможность нового взгляда на уже известное, что реализуется как выявление ранее непознанных его свойств и сторон. Так появляется новое представление о какой-либо конкретной предметной области, и ассимиляция этой, ранее отсутствовавшей информации, расширяет, углубляет, а в конечном счете и перестраивает всю традиционную систему знаний о мире.

Обеспечивая, хотя бы в условной форме, установление единства различных теоретических представлений, познавательная метафора, таким образом, не только способствует повышению упорядоченности знаний, которыми обладает общество, но и позволяет получить новую информацию о мире, обнаруживая сходство в различном и неожиданные характеристики в привычных представлениях, что порождает различия, не замеченные ранее.

Следовательно, метафора выполняет в научном познании организующую функцию, связывая как различные слои языка теории, так и разные по природе и происхождению фрагменты знания. Диалектическая природа познавательной деятельности реализуется, таким образом, с одной стороны, благодаря наличию разнородных семантических слоев научного знания, что обусловлено скрытыми в глубине теории метафорами, а с другой стороны, эти разнородные слои увязываются в некоторую целостность опять-таки благодаря метафоре, нивелирующей их различия в рамках условного контекста.

МЕТАФОРА В ТЕРМИНОЛОГИИ МИКРОЭЛЕКТРОНИКИ (на материале английского языка)

Метафора — как художественный образ, так и научное понятие — служит формой обобщенного отражения и познания действительности, созданной на основе образного мышления, представляющего собой органическое единство чувственно-созерцательных и рационально-абстрактных форм познания.

В художественной литературе имеет место опосредованное отображение действительности и, следовательно, поэтическая метафора является не прямым названием обозначаемого объекта, а всего лишь его «образным прозвищем» или перенесенным наименованием. Последнее не может быть понято без опоры на соответствующее прямое название объекта. Для понимания поэтической метафоры необходим соответствующий контекст, в котором этот же объект должен быть назван своим прямым основным именем. Таким образом, поэтическая метафора есть вторичное наименование данного объекта.

Поэтическая метафора создается благодаря одновременному существованию двух планов: прямого и переносного названий. Только равноправное сосуществование обоих наименований позволяет поэтической метафоре достичь своей поэтической цели и обладать познавательной ценностью. Последняя заключается в обнаружении новых свойств у знакомых объектов и новых носителей уже известных свойств. Однако выявленные новые характеристики носят факультативный характер, ибо они не вносят изменения в понятия об объектах и их свойствах. Так, метафорические выражения *полномочный властелин* и *злой истребитель*, употребляемые Ф. Тютчевым для обозначения огня в стихотворении «Пожары», вносят дополнительные черты в наше понимание огня, но они действуют только в рамках упомянутого стихотворения.

Отличительной чертой метафоры в языке науки является то, что она выступает в качестве первичного наименования обозначаемого объекта по той причине, что другого названия у него нет. Например, для понятия «область в полупроводниковой структуре для формирования элементов интегральной микросхемы» нет иной номинации, кроме *rocket* 'карман', или для обозначения понятия «направленное движение заряженных частиц, обусловленное электрическим полем», существует лишь термин *drift* 'дрейф'. Следовательно, в научной метафоре в отличие от поэтической исключена возможность равноправного существования двух наименований: прямого и переносного. Однако сущность метафоры предполагает одновременное существование двух планов. Чтобы вскрыть эти два плана в научной метафоре, обратимся к ее генезису, на материале терминов микроэлектроники английского языка. Так как термины являются первичными наименованиями объектов, следует учитывать связь между формированием понятий данных объектов и образованием терминов. На наш взгляд, этот факт дает основание провести параллель между метафоризацией в терминообразовании и функциональным употреблением знака в процессе мышления. Экспериментальные исследования Л. С. Выготского доказали, что образование понятия есть результат

сложной мыслительной деятельности, существенным моментом которой является функциональное употребление словесного знака. Если говорить о применении теории Л. С. Выготского к проблеме метафоры, то это лучше всего может быть выражено его же собственными словами. Он писал: «Отношение мысли к слову есть живой процесс рождения мысли в слове... Мысль не выражается, а совершается в слове» [Выготский 1956, 330, 378].

Итак, мы считаем целесообразным выделить три условных этапа в становлении термина и связанного с ним понятия путем метафоризации. На первом этапе осуществляется вычленение объекта исследования по некоторым его отличительным признакам, которые составляют первоначальное понятие о данном объекте. Это первоначальное понятие, вернее основной признак в этом понятии, определяет выбор подходящего слова их общеупотребительной лексики или подходящего термина из другой области знания для обозначения нового объекта. При этом слово берется не во всем объеме его значений, а вычленяется лишь нужное. Выбор наименования происходит на основе сходства двух гетерогенных объектов по какому-либо признаку, который является существенным в понятии о новом объекте на конкретном этапе его познания. Выявление сходного признака, в свою очередь, требует сопоставления двух планов: значения общеупотребительного слова и понятия терминируемого объекта, которые объединены под одним наименованием. На первом этапе становления термина *electron spin* (основное значение общеупотребительного слова *spin* 'быстрое вращение') сходным признаком оказалось именно 'быстрое вращение вокруг своей оси', и термин *electron spin* получил дефиницию 'быстрое вращение электрона, создающее его второе расплывчатое состояние'.

Второй этап терминообразования — это этап концептуализации. Он заключается в дальнейшем формировании понятия объекта исследования под влиянием полного значения общеупотребительного слова, которое как бы задает модель познания объекта. При этом обнаруживаются точки соприкосновения, а также различий сопоставляемых понятий, обнаруживаются возможные направления в познании объекта. Так, размытость контура вращающегося объекта, предполагаемая общеупотребительным термином *spin*, имплицитно свойство электрона, по-разному ориентированного в пространстве. Кроме того, слово *spin* стало передавать мысль о внутреннем механическом движении по аналогии со шпулькой прядильной машины. Что касается скорости, то она оказалась различительным моментом при сопоставлении двух понятий: скорость вращения электрона во много раз превышает не только скорость вращения шпульки, но и скорость света.

Второй этап терминообразования характеризуется проведением эксперимента и сложных вычислений, а также интенсивной мыслительной деятельностью познающего субъекта. «Мышление как абстрактная деятельность есть всегда процесс различения и отождествления, а тем самым и процесс объединения и разделения, а тем самым и процесс обобщения и ограничения, а тем самым и процесс систематизации; кроме того, мышление есть нахождение противоречий и их разрешение, нахождение оснований и выведение из них следствий, а потому вообще раздельный

и обоснованный переход от неизвестного к известному, от незнания к знанию. Отсюда делается ясным, что мыслить предмет — значит представлять его существо при помощи четких и раздельных и, самое главное, обоснованных категорий» [Лосев 1982, 355—356]. Метафора способствует разворачиванию процесса концептуализации и созданию наиболее полного (по отношению к конкретному уровню познания) научного понятия изучаемого объекта.

Третий этап терминообразования — это этап закрепления выбранной единицы номинации за новым понятием и разведение двух семантических планов (отталкивание нового понятия от значения обиходного слова) на том основании, что новый смысл наименования обладает «автономной направленностью» на действительность. В связи с этим единица номинации приобретает «самостоятельную номинативную ценность» и становится термином. С этого момента на него распространяются все правила функционирования термина.

Остается выяснить характер отношений между вошедшим в употребление термином-метафорой и обиходным словом, на базе которого создан первый. Учитывая диаметрально противоположность этих двух типов единиц наименования, на первый взгляд, может показаться, что обиходное слово и омонимичный ему термин имеют лишь общую звуковую оболочку. Однако, имея своим источником естественный язык, термины-метафоры покидают естественный язык и становятся искусственными концептуальными знаками в языке другого функционального стиля. Язык науки, подобно языку искусства, представляет лишь функциональную разновидность естественного языка. Специфика языка науки обусловлена особенностями его главной задачи — обеспечить научную коммуникацию специалистов, которые одновременно являются носителями естественного языка и владеют общеупотребительной лексикой. Таким образом, неизбежно существует связь между термином и соответствующим ему словом общеупотребительной лексики. Несомненно, что эта связь имеет семантический характер, ибо, благодаря значению обиходного слова, специалистам удается создать представление о новом объекте и в ходе дальнейшей познавательной деятельности разработать научное понятие о нем.

После того как создан термин (имеется в виду оформление связи между единицей номинации и новым понятием), обиходное значение занимает место внутренней формы термина и как таковое служит для мотивации термина. В то же самое время обиходное значение как внутренняя форма термина-метафоры не является его равноправным элементом, а представляет лишь фоновое значение, позволяющее специалисту представить обозначаемый объект. Так, внутренняя форма термина-метафоры *potential barrier* 'возвышение, препятствующее продвижению вперед' создает образ 'промежуточных состояний с более высокой потенциальной энергией, нежели потенциальная энергия исходного состояния', т. е. понятия, которое без связи с термином-метафорой не способно передать мысль о таком уровне потенциальной энергии, который препятствует движению частиц.

Конкретное представление, таким образом, является важным моментом — своего рода опорой в абстрактной деятельности разума, произ-

водящей научные понятия и категории, раскрывающей закономерности взаимосвязи и соотношений между объектами в исследуемом фрагменте действительности.

Метафоризация в языке науки — это семантический процесс выбора наименования на основе предметного, признакового или функционального сходства двух гетерогенных объектов. Процесс метафоризации начинается с отталкивания нового термина от обиходного слова, которому предшествует особого рода умственная деятельность специалиста, отыскивающего подходящее слово в общеупотребительной лексике. В терминологическом поле слово теряет свое лексическое значение и приобретает соответствующее научное понятие, которое требует уже не толкования, а дефиниции. Например, слово общеупотребительного языка *bucket* со значениями: 1) 'ведро, бадья'; 2) 'черпак, ковш'; 3) 'поршень, насоса'; 4) 'подъемная клеть, люлька' в результате метафоризации связанных друг с другом первого и второго значений превращается в термин, который в микроэлектронике имеет дефиницию 'область памяти, функционально выделенная для накопления данных или контрольных сумм; обычно используется при первоначальном распределении'.

Нами была избрана для исследования английская терминология микроэлектроники, так как здесь наблюдается активное использование метафоризации как способа терминообразования (до 60%). При постоянном обращении исследователя к микроминиатюрным объектам и микропроцессам он неизбежно обращается к макромиру, к различным его сферам.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных семантических групп слов, на базе которых создаются термины-метафоры, мы хотели бы показать на примере геоморфной метафоры, которая занимает центральное место в терминологии микроэлектроники, что метафора в науке обладает моделирующей способностью. Наряду с этим уместно дать представление о различных функциях метафоры в языке науки. Геоморфная метафора отличается от других семантических групп тем, что все ее термины созданы путем транслитерализации, т. е. метафоризации подвергаются термины географии и ее разделов.

Возникает вопрос, почему именно термины географии служили и продолжают служить источником для создания терминов в электронике.

Электроника и микроэлектроника занимаются конструированием и созданием приборов, действие которых основано на использовании электрических свойств разных материалов. При этом следует вспомнить тот факт, что теория электричества была создана на основе гидродинамической модели, которая после открытия элементарных частиц была расширена моделью «движение толпы» [Gentner D., Gentner D. R. 1982]. В основу гидродинамической модели положена метафора: *электрический ток* — *течение воды*, которая вызвала дальнейший процесс метафоризации, в результате которого возникли такие теоретические термины, как *flow* — *течение*, *leakage* — *утечка*, *charge* — *заряд*, *avalanche* — *лавина*, *drift* — *дрейф*. В этой связи представляется уместным привести слова С. С. Гусева: «Употребление метафор в определенной степени сходно с цепной реакцией, в силу того, что они образуют нечто вроде „кустовой“ системы, и, выбрав один из элементов системы, человек вынужден от-

брасывать те, которые некогерентны с ним» [Гусев 1982, 118]. Посредством „кустовой“ системы метафор создается целостный образ — проекция одной предметной области на другую, которые совершенно различны между собой: сопоставляются объекты ненаблюдаемого непосредственно нами мира (электричество) с объектами, познанными нами в непосредственном исследовании (вода). В процессе наложения исследуемой области на известную (базовую) происходит структуризация обеих областей, во время которой выделяются узловые точки перекрещивания (иными словами, сопоставляются объекты, их свойства и отношения между ними). Д. Гентнер подчеркивает, что именно отношения между объектами определяют структуризацию областей и перенос объектов с определенными их свойствами на исследуемую область, и приходит к выводу, что между неидентичными объектами существуют идентичные отношения [см. Metaphor problems and perspectives 1982, 108].

Следует отметить, что метафора далеко не всегда связана с моделью. Однако метафора близка к понятию модели в своем общепознавательном смысле. Моделирование при этом понимается как сам процесс познания, ибо познать объект значит создать его модель. Таким образом, в познавательном процессе создаются модели в виде понятий, категорий, научных теорий и т. п. При этом метафора может представлять саму модель (на уровне понятия), как это имеет место в случае всех терминов, образованных путем метафоризации, будь то теоретический термин или технический. Так, кумулятивный процесс ионизации частиц был назван *avalanche* ‘лавины’, и тем самым была задана модель познания процесса ионизации. Узловыми точками перекрещивания этих сопоставляемых явлений стали: снег (кусочек льда) — *ион*, крутой горный склон — *ускоряющее поле*. Низвержение снега, масса которого увеличивается с его движением по крутому горному склону, сравнивается с процессом ионизации, во время которого одна частица производит несколько ионов, каждый из которых, в свою очередь, получив достаточную энергию от ускоряющего поля, производит еще больше ионов и т. д. Благодаря такой модели, с помощью метафоры, удалось выявить сущность исследуемого явления. Что касается технических терминов, то их модель проще. Например, термин *cascade* — *каскад* обозначает естественный или искусственный водопад, низвергающийся уступами. Понятие каскада в географии послужило моделью для — ‘схемы последовательного соединения, при котором выход одной фазы усиления является входом следующей фазы’.

Однако заметим, что в научных теориях наблюдается расхождение модели и метафоры. Научная теория состоит из нескольких разных моделей и содержит несколько „кустовых“ метафор. Так, в теории электричества представлено две метафоры — *течение воды* и *движение толпы*. Теория о принципах действия электронных приборов, конкретно транзисторов, опирается на эти метафоры, к которым присоединяется геоморфная метафора: *source* — *исток*, *junction* — *электрический переход*, *bypass* — *перемычка*, *cascade* — *каскад*, *drain* — *сток*, *collector* — *коллектор*, *gate* — *затвор* и др. (термины взяты из созданных позже разделов географии: гидрологии суши и гидротехнических сооружений).

Интерпретация формальных математических выражений, осуществляемая в рамках теории, может быть реализована только посредством та-

ких терминов, которые передают весь объем информации. Так как метафора содержит информацию в свернутом виде, она не может быть использована в целях интерпретации и тем самым отождествляться с моделью. Метафора может составлять лишь стержень модели, но при этом обладает большим познавательным значением. Метафора является средством экстраполяции знания при сопоставлении разнородных объектов и явлений, так как она указывает на возможные новые свойства рассматриваемых объектов.

Группа терминов-метафор создается использованием терминов физической географии и картографии для обозначения поверхностных образований на микросхеме: *mapping* — планировка полупроводниковой пластины (картографирование), *map* — карта полупроводниковой пластины (рельефная карта), *legend* — маркировка (легенда карты), *road map* — монтажная схема (карта дорог), *valley* — долина, *plateau* — плато и др. В целях представления структуры полупроводниковой платы заимствованы термины из геологии: *substrate* — подложка микросхемы (подпочва), *dip* — углубление эмиттера (падение жилы или пласта), *socket* — карман (небольшая залежь). У приведенных примеров моделей и метафор познавательная функция выражена в меньшей степени. Они нацелены на создание эффекта наглядности, что очень важно в конструировании и производстве микрообъектов.

Благодаря тому, что метафора обладает моделирующей способностью, она может выполнять в процессе создания и употребления терминов-метафор разнообразные функции. Так, при формировании новых концепций и понятий о структуре атома модели и метафоры выполняли познавательную функцию. Открытие планетарной модели и создание квантовой теории, согласно которой траектория электрона представлена в виде электронного облака, свидетельствовали о смене познавательной функции ранних моделей и метафор на функцию объективизации нового знания, которая проявилась частично в виде метафорической номинации. В период введения новых концепций в научный обиход на первый план выдвинулась объяснительная функция, которую, впрочем, рассматриваемые модели и термины-метафоры выполняют по сей день в процессе обучения.

Таким образом, механизм научной метафоры в период становления понятий и концепций состоит во взаимодействии известных и постигаемых понятий. Во время исполнения объяснительной функции ее механизм сводится к формальному сравнению.

В терминологии микроэлектроники термины-метафоры отнюдь не единичны, они составляют более или менее значительные по объему тематические группы. Их можно выделить семь. Перечислим их по частоте и важности:

- 1) геоморфная метафора,
- 2) антропоморфная метафора,
- 3) «интеллектуальная» метафора,
- 4) «транспортная» метафора,
- 5) зооморфная метафора,
- 6) «кулинарная» метафора,
- 7) «бытовая» метафора.

Названия групп метафор условны. Рассмотрим каждую из них в отдельности, начиная с минимальных по количеству примеров.

Общей особенностью и существенной характерной чертой бытовой, кулинарной и зооморфной метафор является то, что они служат источником образования исключительно технических терминов в рассматриваемой терминологии. Поэтому мы считаем целесообразным рассматривать эти метафоры вместе.

В качестве строительного материала для образования наименований, терминирующих разные объекты технологических операций, привлекаются:

1) названия предметов быта: button 'пуговица', nail 'гвоздь', package 'сверток; упаковка', pillow 'подушка' и др.;

2) названия предметов кулинарии: wafer 'вафля', sandwich 'бутерброд', cooker 'плитка, печь' и т. п. Перечисленные слова общеупотребительной лексики относятся к так называемой предметной лексике, для единиц которой характерна прозрачная внутренняя форма, ясно указывающая на главные признаки соответствующих денотатов.

Указание на определенный чувственно воспринимаемый предмет содержит также глаголы, образованные от соответствующих конкретных имен существительных путем конверсии, например, to pot 'разливать варенье', to dice 'нарезать в форме кубиков'.

Несмотря на то, что в семантической структуре этих многозначных слов есть и переносные (вторичные) значения, соответствующие термины-метафоры микроэлектроники созданы на основе основного (первичного) значения при наличии сходства всего образа, воспринимаемого как целостность. Следовательно, внутренняя форма охватывает все содержание внешних признаков данных предметов и процессов действительности.

Зооморфная метафора объединяет названия животных, частей их тела и другие названия, связанные с их существованием. В большинстве случаев это словосочетания, такие, как bird's beak 'птичий клюв' (инструмент в виде птичьего клюва), mouse bites — 'откусанный мышью кусочек' (неровные края металлического (алюминиевого) листа), white elephant 'белый слон' (отвод трубы диффузной печи), fish bowl 'аквариум' (стеклянная емкость для химической обработки деталей).

Посредством метафоризации на основе сходства по форме, т. е. по внешнему классифицирующему признаку, созданы термины, обозначающие дефекты поверхности и установки.

Особенность метафорических терминов, которые возникли на базе конкретной лексики, заключается в том, что это технические термины «низшего уровня», т. е. такие технические термины, которые соотносятся с понятиями, находящимися на периферии системы (конструкции или технологического цикла операций). Эти термины конкретны и предметно соотносены. Например, slice — полупроводниковая пластина, заготовка из полупроводникового материала, используемая для изготовления микросхем; wafer — плата интегральной микросхемы, подложка, на которой нанесены пленочные элементы, межэлементные и межкомпонентные соединения и контактные площадки микросхемы; chip (die) — полупроводниковый кристалл с интегральной микросхемой.

Сложную «привязанность» к предметам проявляют и глагольные термины, обозначающие технологические операции в производстве интегральных микросхем: названные примеры to pot — производить герметизацию, to dice — резать полупроводниковые пластины на кристаллы, а также соответствующие им имена действий: potting и dicing.

«Транспортная» метафора охватывает следующие тематические группы общеупотребительной лексики:

1) названия транспортных средств: bus 'автобус', train 'поезд', boat 'лодка, судно';

2) названия составных частей транспортных средств: buffer 'буфер', accumulator 'аккумулятор';

3) названия путей и дорог: highway 'главный путь', trunk 'магистраль', route 'маршрут';

4) названия механизмов регулирования движения и профессий: semaphor 'светофор; семафор'; driver 'шофер';

5) названия отправных и конечных пунктов транспортного движения: terminal 'вокзал', port 'порт'.

Транспортная метафора является источником терминов, которые распределены по разным терминологическим полям, соответственно принадлежат к разным разрядам. Так, метафорический термин path принадлежит к общей теории электричества и входит в состав теоретических терминов current path — *путь тока*, leakage path — *путь утечки*, free path — *свободный пробег* (длина свободного пробега) *частиц*. Path 'пробег частиц' употребляется и самостоятельно. Подобные термины создаются, когда сходным оказывается какой-то типологизирующий признак, ср., например, технический термин boat 'лодка' (сходство формы) и теоретический термин-метафора path 'пробег' (направление в пространстве, по которому происходит движение).

Большинство терминов, основанных на «транспортной» метафоре, — технические термины, которые входят в состав частного терминологического поля «микропроцессорная техника». Метафорические термины, входящие в эту группу, описывают хранение, обработку и передачу информации и разделяются на четыре подгруппы:

1) названия линий и каналов передачи информации (bus 'шина', trunk 'линия связи', route 'тракт передачи данных');

2) названия механизмов регулирования передачи информации (semaphor 'семафор', driver 'управляющее устройство');

3) названия ввода и вывода данных (terminal 'терминал', port 'вход/выход полупроводникового прибора');

4) названия средств хранения и обработки информации (buffer 'буфер', accumulator 'накапливающий сумматор').

Другое терминологическое поле, созданное на основе «транспортной» метафоры, включает термины, которые связаны с технологией производства интегральных микросхем. Эти термины обозначают:

1) транспортировку полупроводниковых пластин и кристаллов (boat 'лодочка', vehicle 'носитель кристаллов');

2) линии на полупроводниковой пластине (street — 'промежуток между кристаллами на полупроводниковой пластине', road — 'монтажная линия').

В целом большинство терминов «транспортной» метафоры — это термины вычислительной техники. Они представляют собой чрезвычайно характерный для этой терминологии обобщенный образ, в котором метафоричен каждый термин в отдельности и весь комплекс этих терминов в целом. В данном случае он приложим к одной сфере вычислительной техники — передаче и обработке информации. Мы полагаем, что такая «метафорическая картинка», образованная комплексом этих терминов, возможна потому, что пути сообщения, автотранспортные средства, регулирующие движения, действующие лица в этой области сами в определенной степени семиотичны.

«Интеллектуальная» метафора в английской терминологии микроэлектроники охватывает технические термины logic, arithmetic, Boolean algebra, alphabet, character, word, language, metalanguage, dialect, которые взяты из вычислительной техники и относятся к терминологическому полю «микропроцессорная техника». Список этих терминов не закрыт. Мы приводим только те термины, которые наиболее часто используются микроэлектроникой.

Данные термины-метафоры микроэлектроники образованы на основе:

1) терминов, обозначающих области знания (logic 'логика', arithmetic 'арифметика', Boolean algebra 'Булева алгебра');

2) некоторых основных терминов лингвистики (alphabet 'алфавит', character 'буква', word 'слово', language 'язык', metalanguage 'метаязык', dialect 'диалект').

Эти термины отождествляют неодушевленное с одушевленным и являются частью метафоры «человек — машина», которая включает умственные характеристики и операции, язык и формы его существования, семейные отношения.

В основе подобных терминов лежит по сути антропоморфная метафора, ср. такие термины, как memory 'память', intellect 'интеллект', son или child 'следование', brothers или twins 'сходство', father или parent 'премущественность'.

Антропоморфная метафора чрезвычайно многочисленна и разнообразна. Главной причиной обилия этого типа метафор является тот факт, что «ничего в исследовании природы мы не получаем без изначальной антропологизации предмета исследования» [Попович 1982, 13]. Отождествление окружающего мира с человеком было и остается незаменимым приемом в познании. В наше время человеческое воображение далеко от возможности непосредственного идентифицирования исследуемого объекта (особенно актуально это в науках физико-математического цикла) с реально существующим предметом. Так как нет возможности увидеть, представить, почувствовать объект, ученые прибегают к аналогиям, более или менее близким миру человеческих чувств и воображения, в то же самое время полагаясь только на разум, на понятийный аппарат данной области знания.

В микроэлектронике термины антропоморфной метафоры образованы на основе разных аналогий, среди которых обнаруживаем:

- 1) биологические характеристики людей,
- 2) виды движения,
- 3) семейные отношения,

4) социальные отношения,

5) социальные характеристики.

Среди перечисленных аналогий своей продуктивностью выделяются биологические характеристики людей и высокоорганизованных животных. При этом наблюдается одновременное использование некоторых терминов в разных терминологических полях, которых в терминологии микроэлектроники несколько. Так, термины life, lifetime 'время жизни', fatigue effects 'усталостные эффекты', behaviour 'режим, характеристика' употребляются для обозначения характеристик носителей заряда и электронной аппаратуры. Кроме того, для обозначения параметров, свойств и других характеристик электронной аппаратуры, в том числе микроинструментальных приборов, используются как имена существительные (например, end of life 'конец срока службы', ageing 'старение'), так и имена прилагательные и причастия (infant 'ранний', dead 'бракованный; мертвый' и др.). Тем самым, проводятся параллели между жизнью человека и сроком службы какого-либо прибора.

Что касается носителей заряда, то они имеют life, lifetime 'время жизни', relaxation time 'время релаксации', fatigue effects 'усталостные эффекты'. Для них характерны: excitation 'возбужденность', behaviour 'поведение', а энергетическим уровням, которые они занимают, — population 'заселенность'. Кроме того, противоположно заряженные частицы находятся в определенных отношениях друг с другом, которые описываются посредством метафорических олицетворяющих предикатов: to attract 'притягивать (ся)', to repel 'отталкивать (ся)', to capture 'захватывать'. Отсюда и соответствующие названия разных видов движения носителей заряда: attraction, repulsion, capture, а также migration 'миграция', transit 'пролет', transport 'перенос', crowding 'сжатие тока'.

Вполне очевидно, что олицетворения, поддерживая друг друга, создают целостный образ, посредством которого на определенном этапе познавательного процесса моделируют данный фрагмент действительности, выявляя все новые стороны исследуемых объектов.

В терминологии микроэлектроники, в противоположность таким старейшим отраслям техники, как машиностроение, металлообработка, приборостроение и кораблестроение, сравнительно мало терминов, в создании которых использованы названия частей тела человека и животных. Самыми показательными среди них являются body — подложка интегральной микросхемы (обиходное значение 'тело'), lip — нависающий выступ резиста на краях окна (обиходное значение 'губа'), capillaries — установка шариковой термокомпрессии (обиходное значение 'капилляры'). Наряду с однословными метафорическими терминами имеются и двусловные, где в роли главного компонента выступает метафорический термин, например: laser eye 'лазерный глаз' (eye 'глаз'), reading head 'считывающая головка' (head 'голова'), face down method 'метод перевернутого кристалла' (face 'лицо'). Как правило, эти антропоморфные термины обозначают детали и составные части приборов. В отдельных случаях они терминируют разные образования в затвердевшей жидкости (lip).

Наименования семейных отношений используются для образования терминов, характеризующих электронные приборы, материалы и т. п. с точки зрения их сходства (параметры или принципы конструкции):

family 'серия; группа', twin 'двойник', а также следования и преемственности: generation 'поколение', parent 'исходный материал', mother/mother crystal 'сырой кристалл'.

Чтобы выразить отношение «главный — подчиненный», в терминологии прибегают к аналогии с социальными отношениями, master и slave (master — slave flip-flop 'ведущий — ведомый триггер'), host и guest (host substrate 'основная подложка'; guest substrate 'вспомогательная подложка'). В данные метафорические термины входят слова общеупотребительной лексики: master 'хозяин', slave 'раб', host 'хозяин', guest 'гость'.

Термины acceptor и donor, в свою очередь, выражают отношение «принимающий — отдающий».

Использование социальных характеристик людей (только отрицательных) породило такие антропоморфные термины, как thief 'вспомогательный электрод' (общеупотребительное значение 'вор') и killer 'поглощающая примесь' (общеупотребительное значение 'убийца').

Антропоморфная метафора используется для создания как теоретических терминов, так и технических. Если теоретическими терминами в пределах антропоморфной метафоры являются термины, обозначающие свойства и виды движений носителей заряда, а также некоторые свойства вычислительной машины, то технические термины антропоморфного характера охватывают следующие области: 1) детали и составные части приборов, 2) свойства и параметры электронной аппаратуры, 3) отношения сходства, преемственности и следования, а также «главный — подчиненный», «принимающий — отдающий».

Геоморфная метафора, о которой мы уже говорили выше, является источником ключевых терминов микроэлектроники. Микроэлектроника, естественно, вобрала в себя терминологию электроники и формирует свою собственную, что отражает исторические этапы в развитии данной отрасли, а также определенную преемственность в терминологическом образовании.

Материалом для терминологического образования в данном случае служат слова с различной семантической структурой. Их можно разделить на три группы. К первой группе относятся многозначные слова с одним или даже несколькими переносными значениями (например, store, оно имеет прямые значения: 1) 'запас; изобилие', 2) мн. ч. 'запасы, припасы; имущество' — и переносные значения: 3) 'склад', 4) 'амер. магазин; лавка', 5) мн. ч. 'универмаг', 6) 'большое количество', причем для создания терминов используются переносные значения. Ср. также window, слово, которое было использовано как термин в пяти областях знания, bridge — в четырех терминологических: в морском деле 'капитанский мостик', в медицине 'мост для искусственных зубов', в металлургии 'порог топки', в электротехнике 'параллельное соединение, шунт'.

Если слова первой группы имеют свободный характер, то вторая группа слов в их переносных значениях фразеологически связаны. Например, переносное значение у слова boat 'лодка' проявляется только в таких словосочетаниях, как to be in the same boat 'быть в одинаковых условиях' и to sail in the same boat 'действовать сообща'. Соответствующий термин boat 'лодочка' обозначает 'контейнер для погружения полупроводниковых пластин в диффузную печь'. Таким образом, можно

предположить, что при метафоризации таких фразеологически связанных переносных значений слова фразеологизм как таковой распадается и из него берется лишь слово boat, вбирающее в себя все значение фразеологизма. На его основе строится метафорический термин.

Третья группа слов интересна тем, что это, как правило, однозначные слова, у которых нет переносного значения, типа route 'маршрут; курс' и latch 'щекотка; американский замок'. Поэтому, когда речь идет о метафорическом терминологическом образовании на базе однозначных слов, то созданные термины-метафоры являются их первичным переносом значения.

Как показал анализ метафоризации в терминологическом образовании, этот семантический процесс охватывает все виды обиходных слов: однозначные и многозначные слова, как слова с переносными значениями (свободными и связанными), так слова без переносных значений.

Как уже было отмечено, исходное слово при метафоризации не исчезает, а остается в словаре общеупотребительного языка, сохраняя прежнюю семантику. Со временем, благодаря детерминологизации слово общеупотребительного языка может приобрести новое значение. Ярким примером такого процесса служит появление значения 'полупроводниковый кристалл' у общеупотребительного слова chip, которое возникло в результате детерминологизации соответствующего термина микроэлектроники. При детерминологизации происходит расширение сферы употребления термина и упрощение его специального значения, что и произошло с термином chip. Другой вид детерминологизации связан с освоением термина литературным языком, в результате чего создается новое слово, как это имело место с термином *накал*, обозначающим состояние очень высокой температуры. Данный термин вошел в состав общей лексики посредством метафоризации, приобретая значение 'очень большое напряжение', например *накал страстей*. При этом термин не теряет своего места в терминологическом поле и не утрачивает связи с соответствующим ему понятием. Термины специальных областей знания служат источником пополнения словарного состава общеупотребительной лексики. По наблюдению чешского терминоведа Сехора, 90% новых слов, публикуемых в специальных «Тетрадах», суть детерминологизированные термины.

МЕТАФОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Метафору в художественном тексте можно рассматривать с разных точек зрения — структурной и семантической, с точки зрения ее происхождения и роли в тексте. Эти проблемы пересекаются друг с другом и восходят к одной более общей проблеме — проблеме соотношения прямого и непрямого способов выражения.

Компаративные тропы, в состав которых входят и метафоры разных типов, самым тесным образом связаны друг с другом. Одна и та же смысловая связь имеет разные конкретные выражения. Это делает метафору одним из средств варьирования обозначений: *зеркало воды, вода как зеркало, зеркальная вода, зеркало, водное зеркало, зеркальность*.

Для поэтического языка характерно расширение круга варьирующихся средств. Ряд компаративных тропов пополняется новообразованиями, часть которых сразу возникает как метафора.

В ряду тропов *кудри как змеи, змеи кудрей, змеи, кудри-змеи* появляется метафорический эпитет *змеекудрый* (Вяч. Иванов), на фоне сравнений типа *Словно змеи, словно нити, Вьются, путаются, рвутся В зыби волн огни луны* (В. Брюсов) — метафора *змеиностей лунных игра* (В. Брюсов).

На обратимости тропов, на способности тропов к взаимопревращению основан один из способов обновления стершихся метафор — разложение их на составные части и превращение метафоры в сравнение. Традиционная метафора *лик луны* обновляется благодаря тому, что слово *лик* употребляется в своем прямом значении, а исходная конструкция заменяется сравнением: Она возникла над водой, Как призрак сказки золотой, Как бледный *лик* неверной девы (К. Бальмонт). Метафора *купол неба* разлагается на две части, связанные сравнением: Небо тускло и глухо, как *купол собора* (И. Бунин).

В тексте метафоры также используются как средство варьирования обозначений. Один тип метафоры легко переходит в другой: В светлом *жемчуге росинки* Чаши бледные кувшины Тихо светят меж тростников, И несчетный строй былинки, В тех же крупных *жемчугах*, Чуть трепещет вдоль тропинок (В. Брюсов). Источником метафоры становится и сравнение: И *рифмой* чудился мне *голубою* Среди желтизны *василек* — Но сердцу всех сказок милей, Как в детстве, та *рифма* моя *голубая* Широкошумящих полей (К. Бальмонт).

Связь метафоры и сравнения обнаруживается не только тогда, когда они выражают сходные смысловые отношения, но и тогда, когда они оказываются в однотипных позициях и выполняют сходные функции. В однотипных ситуациях используются не только метафоры, но и сравнения. Когда разные предметы речи приобретают однотипные образные соответствия, они могут выражаться то метафорой, то сравнением: В небе туча горит *янтарем*; И в *алмазах* ресницы; Над морскими *сапфирами* рыбьим хвостом старец старый трясет... (А. Белый).

В стихотворениях, основанных на параллелизме и представляющих собой двухчастные композиции, прямому обозначению первой части во второй может соответствовать и метафора и сравнение. Например, в стихотворении И. Анненского «То было на Валлен-Коски» конкретная картинка первой части: Разбухшая *кукла* ныряла Послушно в седой водопад, во второй становится источником сравнения: И в сердце сознание глубоко, Что с ним родился только ~~страх~~, Что в мире оно одиноко, Как старая *кукла* в волнах. В первой части стихотворения А. Хомякова «Звезды» речь идет о звездах. Все *звездами*, все огнями Бездны синие горят. Во второй части этому прямому обозначению соответствует метафора: *Звезды мысли*, тьмы за тьмами, Выходят, выходят без числа... В более сложных случаях, когда во второй части стихотворения содержится несколько уподоблений, одни из них могут быть выражены метафорой, другие сравнением. Например, в первой части стихотворения Я. Полонского «Чайка» речь идет о буре на море и чайке, которая носится над обломками корабля. Во второй части эти реалии — источник несколь-

ких разнотипных тропов: Счастье мое, ты — *корабль*: Море житейское бьет в тебя бурной *волной*; Если погибнешь ты, буду как *чайка* стонать над тобой.

При развертывании тропа отправной точкой может быть и сравнение и метафора. Результатом развертывания исходного тропа также может быть и сравнение и метафора. Только в части случаев и отправная точка и результат выражены тропами одного типа, например метафорами. Метафора, вынесенная в заглавие стихотворения Бальмонта «Воздушный храм», развертывается в тексте через метафоры этого же смыслового ряда: горящих *небесных икон* позолота, *кадильницы*, *богомольцы*, его же стихотворение «Неприступный храм» содержит метафоры *молитвенник цветка*, *всенощная заката*.

Чаще же исходная конструкция выражена тропом одного типа, а результат его развертывания — тропом другого типа. Так возникают построения разного рисунка. Центральная метафора — источник сравнения: *Месяц — точно одуванчик В степи неба* голубой (К. Фофанов); В черном *омуте столицы* Столпник-ангел вознесен. В темной арке, как *пловцы*, Исчезают пешеходы, И на площади, как *воды*, Глухо *плещутся* торцы (О. Мандельштам). Отправной точкой может быть сравнение, в результате развертывания которого возникает метафора: Даже роши — И те *повстанцами* Подымают *хоругви* рябин (С. Есенин). Источником частных метафор может быть и сравнение-приложение: *Имба-старуха челюстью* порога *Жует* пахучий *мякиш* тишины (С. Есенин).

Картина усложняется, если в результате развертывания тропа появляются однородные члены, которые, в свою очередь, могут быть выражены и однотипными, и разнотипными конструкциями. Например, в стихотворении Пастернака «Баллада» метафора развертывается через три сравнения: В *колодец* ее обалделого *взгляда* *Бадьей* погружалась печаль, и, дойдя До дна, подымалась оттуда *балладой* И рушилась *белью* в обвязке дождя. При развертывании тропа в ряду однородных членов может оказаться метафора-сравнение и сравнительный оборот. Так развертывается предикативная метафора в стихотворении Мандельштама: Природа — тот же *Рим* и отразилась в нем. Мы видим образы его гражданской мощи В прозрачном воздухе, как в *цирке* голубом, На *форуме* полей и в *колоннаде* роши.

Таким образом, стихотворные тексты разных типов демонстрируют внутреннюю связь компаративных тропов и их зависимость друг от друга, которая в одних текстах проявляется как смысловая, в других — как функциональная.

Метафоры используются как один из способов номинации и в этом качестве соотносятся с прямыми обозначениями реалий. За каждым из типов именных метафор закреплен свой смысловой и художественный эффект, связанный с характером соотношения между прямым и непрямым обозначением. В именных метафорах одного типа — метафорах-сравнениях [Левин 1965] прямое обозначение и его метафорическое соответствие выражены непосредственно, в другом типе метафор непосредственное выражение имеет только собственно метафорическая часть. Это свойство метафоры, которое наводило исследователей на мысль о ее сходстве с загадкой, заставляя вспомнить мысль Аристотеля о том, что

загадки — «хорошо составленные метафоры» [Веселовский 1940, 184], и побудило назвать ее метафорой-загадкой [Левин 1965], обуславливает своеобразие ее художественного эффекта. В некоторых случаях метафора-загадка не нуждается в расшифровке, поскольку характер ее традиционен, а контекст указывает на ее предметное соответствие вполне однозначно: На белом небе все тусклей Златится горная *лампада* (И. Анненский); вешний *серб* Летит, блестит в *пустыне* синей (А. Белый). В других случаях она используется как способ создания неопределенности, недоговоренности, загадочности. Такое восприятие метафор этого типа зафиксировано И. А. Буниным в «Жизни Арсеньева»: Я читал: Какая грусть! Конец аллеи Опять с утра исчез в пыли, Опять серебряные змеи Через сугробы поползли... Она спрашивала:— Какие змеи? И нужно было объяснить, что это — метель, поэмка.

Метафоры-загадки употребляются не только самостоятельно, но и объединяются в цепочки: Полдень декабрьский! Природа застыла; Грузного неба тяжелую высь Будто недолго *свинец* и *чернила* Всюду окрасить любовно взялись (К. Случевский). В небольшом контексте могут сочетаться и две семантически разнотипных метафоры-загадки: Среди полуденной истома покрылась *ватой бирюза* (И. Анненский). В некоторых стихотворениях метафора-загадка выдвигается на первый план и становится их смысловым стержнем («Конь морской» Ф. Тютчева, «Октябрьский миф» И. Анненского).

Для стихотворного текста характерно удвоение обозначений одной и той же реалии, сосуществование прямого и метафорического слова. Эта особенность выражена не только в распространении метафор-сравнений, но и в использовании других конструкций. Небольшой контекст организует переход от метафоры-загадки к прямому названию:— *Золото, золото* падает с неба!— Дети кричат и бегут за *дождем* (А. Майков); Снова *саваны* надели Роши, нивы и луга. Надоели, надоели Эти белые *снега* (Ф. Сологуб); Рассыпался *чертог из янтара*,— Из края в край сквозит аллея к дому. Холодное дыханье сентября Разносит ветер по *саду* пустому (И. Бунин). И, напротив, прямое обозначение переводится на язык метафор, как бы открывающих истинный смысл изображаемого: ... сквозь щели Затворенных ставень сквозят *Лучи* золотые, то *солнца* *Глаза* золотые глядят (Я. Полонский).

Отношения между прямым и метафорическим обозначением определенного предмета речи могут быть и не столь прямолинейными. В некоторых текстах прямое обозначение сочетается с глагольной антропоморфной метафорой, которую развивает именная метафора со значением орудия действия, объекта действия и т. п., фактически дублирующая прямое обозначение: В *ладье* крутолукой *луна* Осенней лазурью *плыла* (Вяч. Иванов); И *дождь*, затажной, как нужда, *Вывешивает* свой *бисер*; Повсюду *портпледы* разложит *туман* (Б. Пастернак); Река *несла* свои *зеркала* (М. Волошин).

Прямое и не прямое обозначения могут не только непосредственно примыкать друг к другу, но и быть оторванными друг от друга: На версты и версты протянулось болото, Поросшее зеленой обманною *травой* — И многих манит к обманным *изумрудам* (К. Бальмонт); Когда городская выходит на стогны *луна* — бледная *жнища*, сходящая в мир

бездыханный, Тихонько шевелит огромные спицы теней, И желтой соломой бросает на пол деревянный (О. Мандельштам).

Одна из разновидностей удвоения возникает как результат соотношения заглавия и текста. Заглавие содержит прямое обозначение, в тексте ему соответствует метафора: «*Дождик*» — Вот сизый чехол и распорот, — Не все ж ему праздну висеть, И с лязгом асфальтовый город Хлестнула холодная *сеть* (И. Анненский). Так соотносится и название небольшого цикла А. Ахматовой «Ташкент зацветает» и первого стихотворения этого цикла: Словно по чьему-то повелению, Сразу стало в городе светло — Это в каждый двор по *привиденью* Белому и легкому вошло. И дыханье их понятней слова, А подобье их обречено Среди неба жгуче-голубого На арычное ложиться дно. И, напротив, в заглавие вынесена метафора, которая расшифровывается в тексте. Таково, например, соотношение заглавного слова с текстом в стихотворении Бальмонта «Кони бурь»: Ржали *громы* по лазури, Разоржались *кони бурь*.

Помимо двойных обозначений возможно и множественное обозначение одной и той же реалии, вызывающей разнонаправленные ассоциации. Они могут быть объединены в одном сложном образе, основанном на разных смысловых признаках: Тонкие *змейки серебра* блещут на влаге уснувшей; *Две незабудки: два сапфира* — Ее очей приветный взгляд (А. Фет); А из каминна стреляет *шелковый огонь Струю жалаящей рубина* (А. Белый). И так же, как в предшествующих случаях, простые метафоры, основанные, однако, на разных смысловых признаках, рассредоточены по тексту: Как чисто гаснут *небеса*... Уходят дальние леса В ту *высь*, что знали мы *лазурной* — В *пустыне* выжженного *неба* — этот *свод* картонно-синий (И. Анненский).

В некоторых стихотворениях прямой расшифровки метафоры не дается, но дается указание на название реалии. Это может быть эпитет, как в стихотворении Тютчева «Так неожиданно и ярко...», где речь идет о радуге: эпитет, появившийся после метафорического ее изображения, воспринимается как определение к еще одному ее наименованию: Как неожиданно и ярко, На влажной неба синеве, Воздушная воздвиглась арка В своем минутном торжестве! Один конец в леса вонзила, Другим за облака ушла — Она полнеба обхватила И в высоте изнемогла. О, в этом *радужном виденье* Какая нега для очей!

Это может быть и характеристика основного тропа, как в стихотворении Анненского «Осень»: А к рассвету в молочном тумане повис На березе искривленно-жуткий И мучительно черный *стручок*, Чуть пониже растрепанных гнезд, А *длиной* — в *человеческий рост* (речь идет о самоубийце).

В некоторых текстах между разными способами обозначения существуют косвенные связи. Например, целое обозначено только метафорой, часть, принадлежность, форма проявления и т. п. — словом в прямом значении. В стихотворении Тютчева «По равнине вод лазурной...» метафора-загадка: Огнелышущий и бурный уносил нас *змей морской* — не имеет прямой расшифровки. Однако в третьей строфе проявляются прямые наименования частей метафорически названного целого: Мы на *палубе* сидели, Многих сон одолевал... Все звучней *колеса* пели, Разгребая шумный вал. Сходная картина в стихотворении Полонского «На желез-

ной дороге»: Мчится, мчится *железный конек*! По железу железо гремит. Пар клубится, несется *дымок*... В стихотворении Тютчева прямо не назван пароход, но названа палуба и колеса, в стихотворении Полонского метафорически обозначен поезд, а пар и дымок названы прямо, В стихотворении И. Анненского «Под новой крышей» вслед за метафорой, обозначающей целое, идут прямые названия его частей: Не доделан новый *кокон*, Точно трудные стихи: Ни *дверей*, ни даже *окон* Нет у пасынка стихий.

Двойственность номинации, имеющая место вне зависимости от того, выражено ли прямое обозначение или нет, определяет и двойственный характер смысловых связей, которые исходят то от прямого значения слова, то от его метафорического соответствия. Контексты, основанные на сходных смысловых связях, наглядно демонстрируют разные возможности распределения прямого и непрямого обозначений. В стихотворении Тютчева «Конь морской» исходная метафора — источник цепи тропов: *грива, прядать, играть, скакать, густую гриву растрепав, весь в пару и мыле, с веселым ржаньем*. Дважды, если не считать заглавия, два плана пересекаются: эпитеты, характеризующие гриву — *светло-зеленая*, — заимствованы у волны, и последние строки в рамках однородных членов совмещают характеристики коня и волны: *Копыта* кинешь в сонный брег И — в *брызги* разлетишься!...

В стихотворении Анненского «Decrescendo» морской вал имеет метафорическое соответствие *бык*. Одна из строф содержит развитие этой метафоры: То, как железный, он канет в бездны И роет муть, То, *бык* могучий, нацелит тучи *Хвостом хлестнуть*. Затем речь идет о вале, который приобретает характеристику быка: Но ближе... ближе, и вал уж ниже, Не стало сил, К ладье воздушной *хребет послушный* Он наклонил. В стихотворении Бальмонта «Кони бурь», о котором уже шла речь, громы приобретают характеристику коней, но этот принцип последовательно не выдерживается: Мир растений изумрудный Весь прикрыли мглой *грив*; И *промчались* в небе взрытом, Арку радуги дождли И ушли, гремя *копытом*. В результате двойственности частных преломлений исходного тропа возникают колебания между прямыми и непрямыми обозначениями, но этот общий принцип в разных конкретных текстах реализуется по-разному, поскольку предпочтение отдается какому-то определенному типу связей.

Отношение метафоры к ее контекстному окружению двойственно. В ряде текстов метафора стремится распространить свое влияние на непосредственное словесное окружение, подчиняя себе относительно широкий контекст. В самых простых случаях именная метафора согласуется с глагольной. Это можно показать на примерах одной и той же метафоры: И хоть не мог еще *настроить* всех *струн* души своей, — запел (Я. Полонский); *Отзвучали струны* сердца (К. Фофанов); *Бряцают струнами* души восторженной (И. Северянин); на примере метафор с одним и тем же опорным словом: Вот *луч* воображенья *Сверкнул* в его душе (М. Лермонтов); Куда вы брошены судьбами, Вы *озарившие* меня И дружбы кроткими *лучами* И светом высшего огня (Е. Баратынский); Он лишь там, где *светит луч* твоей мечты (К. Бальмонт); А на душе *лучи сверкали* снов (В. Брюсов); на примерах метафор с самыми разными

опорными словами: Мрак *ужален пчелами* свечей (М. Волошин) и т. д. Эта простая конструкция может быть осложнена. Глагольную метафору сопровождает глагольный распространитель: *Через край* перелилась Восторга творческого чаша (А. Блок); И буйной музыки *волна Плеснула в море* заревое (А. Блок), эпитет: Окован я *железной цепью* рока Минут, часов, недель (А. Белый). Глагольная метафора может быть источником именной: Когда весь день свои *костры* Июль *палит* над рожью спелой... (И. Анненский).

В результате взаимодействия лексически согласованных глагольных и именных метафор возникает метафорические высказывания разной степени сложности: Под *лучами* юной грезы *Не цветут* созвучий *розы На куртинах* красоты (В. Брюсов); *Луч* радости на *семицветности* боли Во мне *разложен влагой* бытия (М. Волошин).

На развитии связей опорного слова метафоры основана и реализация метафоры, при которой оно используется как слово в прямом значении [Жирмунский 1977, 211—216]: Из-за слов твоих, как соловьи, Из-за слов твоих, как жемчуга, Звери дикие — слова мои, *Шерсть* у них, *клыки* у них, *рога* (Н. Гумилев).

В других случаях эффект метафоры основан на противоположных ее качествах — на изолированности ее от окружающего контекста, на известной самостоятельности и несогласованности с контекстом: Вот от моря и до моря *Нить железная* скользит (Ф. Тютчев); Застыла тревожная *ртуть*, И ветер ночами несносен (И. Анненский); *Бирюза*, *бирюза* заливаек окрестность (А. Белый). Этот эффект возникает и тогда, когда прилагательные и глаголы согласуются с прямым обозначением: Уже *текут* алмазы крупных *слез* (И. Бунин).

Одно из распространенных проявлений несогласованности метафоры с окружающим контекстом — метонимия признака, более или менее последовательно сопровождающая метафоры. В результате возникают разные типы метафорических сочетаний. Это сочетания отвлеченного существительного с цветовыми прилагательными: Давно меж листьев налились *Истмой розовой* тюльпаны (И. Анненский), *серая нежность* тумана (М. Кузмин); сочетание обозначений типа *звук, речь* с цветовыми прилагательными: *красный зов* зари (А. Блок), Трава шептала сонно зеленые *слова* (Ф. Сологуб), В роше по березкам *белый перезвон* (С. Есенин); сочетания цветовых прилагательных с количественными метафорами: клиник *белый рой* (А. Белый); Вкруг *зеленою толпою* Смотрят купола (К. Фофанов); разнотипные сочетания с предметными обозначениями: неба *голубые степи* (А. Белый), *синяя пустынь* небес (И. Анненский), неба *синее горнило* (Вяч. Иванов), моря *синие доспехи*, Волги *синяя овчина* (В. Хлебников) и т. д. Одно и то же метафорическое обозначение вступает в результате метонимии признака в разные сочетания, отражающие свойства конкретного предмета: залива *зыбкое стекло* (А. Пушкин), ветер гнул *упругое стекло* (А. Фет), шестисты *струистого стекла* (М. Волошин) и т. п. И, напротив, одно и то же сочетание может иметь разный реальный источник. Например, сочетание *зеленая улыбка*. У Анненского: Сам Эрот, Сам Дионис Смущается пред первой Зеленою улыбкой утра; и у Ремизова: И над ней улыбался месяц искаженно-зеленой улыбкой (ср. *зеленое утро, зеленый месяц*).

Способность опорного слова метафоры вступать в два типа словесных связей — развивать собственные связи и опираться на связи прямого обозначения — создает двунаправленность некоторых контекстов, в которых сочетаются обе возможности организации текста. Например, метафора Фета: Сосну ужалил яркий змей — основана на совмещении связей опорного слова метафоры *ужалил змей* со связями прямого слова — *яркая молния*. Аналогичная картина и в следующих отрывках: Распали костер, сумей разозлить его *блестящих, Убегающих, свистящих, Золотых и синих змей!*... И *бегущим жарким змеям*, Их затеям — счета нет (И. Бунин); Ах, метель такая, просто черт возьми. *Забивает крышу белыми гвоздями* (С. Есенин).

Две рассмотренные тенденции определяют характер использования одной и той же метафоры в разных текстах, в которых вещественная основа метафоры либо обнажается, либо, напротив, стирается. В этой связи представляет интерес судьба некоторых поэтических формул. Она отчасти определена тем, что с ними происходит два разнонаправленных процесса: с одной стороны, вещественная основа опорного слова стирается и затушевывается, с другой — она подновляется и возрождается. Это можно показать на примере формул *серп месяца, рог месяца*.

Опорное слово метафоры утрачивает свою вещественность. Наряду с повторяющимся сочетанием *серебряный серп*, в котором эпитет может определять и луну и серп, используются сочетания с другими цветовыми прилагательными, которые определяют месяц (это могут быть и метафоры и сравнения): Их не твой ли развел и ущерб, На горелом пятне *желтосерп* (И. Анненский); И *серп* поднебесный *желтее*, чем липовый мед (А. Ахматова); И месяц холодный стоит, не сгорая, *Зеленым серпом* в синеве (А. Блок); Месяц садится за реку *красным серпом* (И. Бунин); *Розовый серп* за кирпичным сараем Встал, озаряя притихнувший сад (Вс. Рождественский). Метафора приобретает и другие определения, которые характеризуют прежде всего обозначаемую реалию: Луна из-за черной решетки Сияет *холодным серпом* (Я. Полонский); Когда луна сверкнет во тьме ночной Своим *серпом, блистательным и нежным* (К. Бальмонт), *вешний серп* (А. Белый) и т. д.

Развеществлению опорного слова метафоры способствуют и глаголы: И бледный *серп* луны холодными лучами Твой мирный уголок таинственно *зальет* (С. Надсон); *Выплыл серебряный серп* (А. Блок); В эти воды с вышины *Смотрит* бледный *серп* луны (К. Бальмонт); Одна гляжу, как вешний *серп Летит, блестит* в пустыне синей (А. Белый); Ущербный *серп истлеет и сгорит* (М. Волошин); А бледный *серп* луны холодным поцелуем С улыбкой *застудил* мне слезы в жемчуга (С. Есенин).

В других текстах стершийся троп попадает в сочетания, обнажающие его вещественную основу. Именная метафора сочетается с глагольной: Смотри, как узкий *серп* луны Серебряные тучки *режет* (Ф. Сологуб); Как меч изогнутый воздушного Персея *Вонзился лунный серп*, уроненный на дно, В могильный ил болот (Вяч. Иванов); Безропотно в открытом океане Лишь ты проносишься *зазубренным серпом* И *режешь* воздуха рыдающее пламя (П. Орешин). Оживляются и другие связи слова в прямом значении, в частности, рисуется или упоминается ситуация жатвы: Вот вышел месяц молодой... Как будто кто-то неземной Под

белой ризой и с венцом, Над этой *нивой* трудовой Стоит с серебряным *серпом* (А. Майков); За желто-красную листву Уходит месяца отрезок. Он будет ночью — светлый *серп*, Сверкающий на *жатве* ночи (А. Блок); Луг в туманы нарядился. В небе месяц родился И *серпом* лег у *межи*... (С. Клычков). В стихотворении Вяч. Иванова «Август» та же метафора попадает в соседство со словом в прямом значении, один предмет сравнивается с другим: Снова в небе тихий *серп Колдуньи* Чертит «Здравствуй», — выкованный уже Звонкого *серпа*, что *режет* золото. На небе серебро — на ниве золото.

Формула *рог месяца* имеет аналогичную судьбу. Эпитеты развеществляют ее: *коралловый, кровавый рог* (А. Белый), *месяца рог золотой* (И. Бунин), *Всходил туманный рог* луны (Н. Заболоцкий).

Развертывание тропа, обнажающее его вещественную основу, обнаруживает многозначность опорного слова. Стертая метафора *рог луны* в разных контекстах поворачивается разными гранями. Иногда речь идет о роге животного. А. Белый, комментируя метафору *рог месяца*, писал о том, что она возникла как результат мифологического представления о роге некоего мифического животного. Рог месяца превращается в рога разных реальных и мифических существ в разных поэтических текстах: *Лунный дьявол* бледно-матовые Наклонил к земле рога (В. Брюсов). Обычно же это рог животного. Сравнение с животным в скрытом виде присутствует в глагольной метафоре: Месяц *рогом* облако *бодает*, В голубой купаться пыли (С. Есенин); *Бодался* месяц гнутыми рогами (А. Межиров); *Чистит* месяц в соломенной крыше Обоймленные синью рога (С. Есенин); Светлый месяц на ущербе Золотые *точит* рожки (В. Горький); *Колет* облако рогами Месяц тоненький и злой (С. Городецкий). Иногда же животное прямо названо: Месяц — рог *олений* (Н. Клюев); Туманным золотом осыпаны рога Степного *буйвола*, взлетевшего за грани... (П. Орешин); И месяц *Козлиные* точит рога (Л. Мартынов).

Традиционная формула становится производной от более общей именной метафоры или сравнения, осознаваясь как часть целого. Глагольная метафора согласуется с именной метафорой, развивая ее: *Ягненок* кудрявый — месяц Гуляет в голубой траве. В затихшем сзере с осок *Бодаются* его рога (С. Есенин); А в тумане над лугами Сбилось стадо в кучу. И *бычок бодает* тучу Красными рогами (С. Клычков). При сочетании с глаголом конкретного действия у слова *рог* обнаруживается и другое значение: рог — музыкальный инструмент: Люби меня, люби, холодная луна! Пусть в небе обо мне твой *рог* жемчужный *трубит* (Ф. Сологуб).

Так же многозначно и слово *рожок*, которое используется в качестве опорного слова метафоры или метафорической перифразы: Месяц, месяц, мой дружок Позолоченный *рожок* (А. Пушкин). *Рожок* — музыкальный инструмент, на котором играет пастух, в поле-небе, где стадо — тучи или звезды. Это значение слова использовано в одной из «Двух загадок» Жуковского: На пажити необозримой, Не убавляясь никогда, Считаются неисчислимо Серебрунные стада; В *рожок* серебряный *играет пастух*, Приставленный к стадам. Это значение слова обыгрывается и в других текстах: И *вызвездило* небо *Пастушеский рожок*; И пляшет сумрак

в галочьей тревоге, Согнув луну в *пастушеский рожок* (С. Есенин). В стихотворении Н. Клюева традиционный образ обновлен диалектным словом: Месяц — *грудок* пастушонка. В стихотворении М. Кузмина меняется принадлежность предмета и таким образом восстанавливается стершаяся образность: с неба свесился *охотничий рожок*. Я. Козловскому месяц напоминает задранный рог. Разные ассоциации объединяет образ А. Белого: Откуда с мрачным мыком Бежал *быкорогий* бог. Бросив месяц, зыком *Перегудевший* в пустоты *рог*.

В некоторых случаях опорное слово метафоры осмысливается как составная часть фразеологизма *наставить рога*. Такое переосмысление встречается у В. Бенедиктова (Планетой чудной ты, Анета, Очам являешься моим. Позволь мне, милая планета, Позволь быть спутником твоим, Твоей луной... И, свято чтя твои приказы, Свои менять я буду фазы, Подобно месяцу, всегда по прихоти твоей единой, С почтеньем стоя пред тобой, То целиком, то половиной... Но вдруг меня берет раздумье: Ведь *месяц* иногда *рогат*), у Н. Щербины (Берегись, повеса-месяц, Оловянные глаза... я *Рога* твои приставлю Мною обманутым мужьям), в прозе А. Марлинского.

Обновляет поэтические формулы и их объединение: *Двурогая* луна, как *серп жнеца кривой*, В лазурной вышине сияла надо мной (А. Плещев).

Так два разных типа связей, в которые вступает опорное слово метафоры, определяют то неустойчивое равновесие, в котором пребывают поэтические формулы, существующие в разных качествах в поэзии одного времени.

Метафора не только стремится подчинить своему влиянию развернутые фрагменты текста, но и накладывается на тропы других типов, осложняя их. Прежде всего метафора накладывается на сравнение. Основание для сравнения, будь то признак или действие (прилагательное или глагол), совмещает в себе прямое и переносное употребление слова. Метафорическое употребление соотносено с предметом сравнения, прямое — с образом сравнения. Сравнительный оборот как бы мотивирует необычные связи между словами, отсылая к обычным: В дождь Париж расцветает, Точно серая роза (ср. *Париж расцветает — роза расцветает*); Точно кисть лиловых бледных *глициний* *Расцветает утро* (М. Волошин); И затворялся *вход*, *ворча*, как *зверь*; *Спадут*, как *легкие одежды*, *Мгновенья* радостей *ночных* (В. Брюсов); Вон *месяц*, как *пац*, Над кровлями громад *Гримасу* *корчит* мне (А. Блок); *Гроза торчит* в лесу, как *всаженный топор* (Б. Пастернак). Такие осложненные тропы в некоторых текстах сосуществуют с простыми метафорами, в одних случаях мотивируя стершийся троп (как в стихотворении И. Бунина: Бирюзой сияет небо, а в саду Красным *пламенем настурции горят* — ...как *пламя*, *рдеют* поздние цветы), в других — необычность сочетания (как в стихотворении Н. Клюева: О *риз*ы вечера, багряно-золотые, Как *ярое вино*, *пьяните* вы меня! — *Одежды* *вечера* *пьянят* багряным светом, А *саваны утра* *прокают* белизной).

Метафора накладывается на перифразу. Здесь обычное сочетание вновь накладывается на необычное — перифраза образует с глаголом

или прилагательным обычное сочетание, перифразируемое слово с тем же глаголом — необычное сочетание, метафору: ...*ветер*, *пес* послушный, *лижет* Чуть пригнутые *камыш* (А. Блок); Там *солнце* — *блещущий фазан* — *Слетит*, пурпурный хвост развеяв (А. Белый); И *березки* — *свечи* брачные — *Теплят* листьев *огоньки*; *Октябрь* — *петух* медянозобый — *Горланит* в ветре и в лесу (Н. Клюев); *Месяц*, *всадник* унылый, *Уронил повод* (С. Есенин), ср. у него же более простое метафорическое сочетание: Желтые *поводья* *месяц уронил*.

Иногда такие конструкции содержат реализованную метафору, когда от прямого значения опорного слова отвечаются разнородные уточнения: Мой *сырой дух*, твой *верный пес*, *У ног твоих грохочет цепью* (А. Блок).

Подобные отношения возникают и в конструкции сравнения-приложения, которая соответствует сравнительному обороту. Один из членов сравнения-приложения представляет собой обозначение одушевленного существа: О вас *поплачет* втихомолку *Шалунья девочка-душа* (А. Блок); *Отрок-ветер* по самые плечи *Заголил* на березке *подол* (С. Есенин); *Прячется карлица-мгла* То за ивняк, то за кочку (Н. Клюев). Соответственно и на основе распространения одного из членов сравнения-приложения возникает реализованная метафора: Ушла метелица с морозом, Оставив *марту* *снежный плат*. И за неделю *март-портняжка* Из *плата* *выкроил* *зипун*, *Наделал дыр*, где *пол* *запашка*, На *воротник* *нашил галун* (Н. Клюев).

Одна из составных частей сравнения в некоторых случаях представляет собой метафору. Метафорой выражен образ сравнения: Всклubitесь, прошлые *години*, Там *куполами облаков* (А. Белый); Голос твой — он звончей *Песен* *старой сосны* (А. Блок); Его атлас горит так зелено и страстно, Как *изумруд змеиных глаз* (И. Бунин); Шепот зловещий Стоит над кроватью *Птицею мести* *далеких полей* (В. Хлебников).

Предикативная часть предикативной метафоры выражена метафорой: Я — *звезда мечтаний* *нежных*; Сердце — *легкая птица забвений* (А. Блок); Те волосы — *золота* *темного мед*, Те волосы — *черного хлеба* *поток* (В. Хлебников). Метафора входит и в состав осложненных метафорических перифраз: Молодые ходят *ночи*, Сестры — *пряжи снежных зим*; Светлячок... *Кусочек света*, *Клочочек рассвета* (А. Блок); Первая *звездочка*; *Око вечернее!* Привет тебе (В. Брюсов).

Метафора накладывается не только на компаративные тропы, но и на тропы других типов. С этой точки зрения представляют интерес оксюмороны, типа: Она была *живой костер* из *снега* и *вина* (А. Блок).

Таким образом, наряду с простыми тропами в поэтическом языке существуют их осложненные преобразования, возникшие в результате наложения метафоры. В то же время наложение метафоры на более простые тропы — одно из важных проявлений более общего процесса — взаимодействия тропов. При этом метафора может оказаться и тем нижним слоем, на который накладывается другой троп. Таково соотношение метафоры с паронимией [Григорьев 1979, 277—279]: *туч* *выпотрашивает туши* | кровавый закат-мясник; в *тисках* *бесконечной тоски*, *выкриков* *выкройка*, *костер оркестра* (В. Маяковский).

Поэтическая речь располагает большим количеством образных формул. Как писал В. Шкловский, «...образы почти неподвижны; от столетия к столетию, из края в край, от поэта к поэту текут они, не изменяясь» [1925, 10; см. об этом также: Адрианова-Перетц 1947; Виноградов 1941; Григорьева, Иванова 1969]. В то же время некоторые метафоры возникают как бы непосредственно в тексте, как развитие его внутренних связей, имеют в нем опору и мотивировку. Укореняться в тексте, включаясь в его внутренние связи, могут и традиционные формулы, которые в результате этого утрачивают свой стертый характер и как бы заново рождаются. Контексты при этом могут быть разных типов. Один тип контекстов основан на том, что источником метафоры становится сама изображаемая реальность. Это общее направление имеет разные частные проявления.

Для многих стихотворных текстов характерны лексические повторы. Одно из повторяющихся слов представляет собой слово в прямом значении, другое метафору. Это могут быть прилагательные (В *черное небо* Италии *Черной душою* гляжусь — А. Блок), глаголы (И всяк *зевает* да живет — И всех нас *гроб, зевая*, ждет — А. Пушкин), существительные (Неподвижно в кольца *дыма* Черной *думы* врезан *дым* — И. Анненский). Художественный эффект подобных построений осложняется тем, что переход от прямого обозначения к метафоре совмещается с переходом от метафоры к прямому обозначению: *Смелось солнце* над нами, И ты, *мое солнце, смелась* (Вл. Соловьев).

В результате столкновения прямого и непрямого употребления одного и того же слова возникает неустойчивое равновесие, заставляющее, с одной стороны, искать точки соприкосновения между разнотипными сочетаниями, с другой, — обостряется алогичность их соединения и своеобразие каждого сочетания становится очевидным.

Этот тип отношений между повторяющимися словами лежит в основе развернутых текстов, смысловое развитие которых основано на переходе от слова в прямом значении к метафоре. Например, стихотворение Фета, начинающееся словами: Я повторял: «Когда я буду богат, богат! К твоим серьгам по изумруду — какой наряд!», заканчивается метафорой: В моей руке — какое чудо! — твоя рука, И на траве *два изумруда — Два светляка*. В стихотворении М. Цветаевой «Солнце одно...» речь сначала идет о реальном солнце, затем о человеке: *Солнце мое*, я тебя никому не отдам. В «Вакхической песне» Пушкина переход от прямого обозначения к метафоре не исчерпывает смыслового развития соотнесенных слов, в конце стихотворения возвращается слово, которое совмещает в себе и прямое и не прямое значение: Ты, *солнце* святое, гори! Как эта лампада бледнеет Пред ясным восходом зари, Так ложная мудрость мерцает и тлеет Пред *солнцем* бессмертным *ума*. Да здравствует *солнце*, да скроется тьма!

Отталкивание от реалии — не только один из путей возникновения метафоры, но и один из путей обновления, оживления устойчивой формулы. Например, в стихотворении Я. Полонского «Грузинская ночь»: Вот и луна! — и я рад, что сгорело Кунжутное масло в моей деревенской лампаде... *Иные лампы* зажглись, я иную гармонию слышу. На этой же основе возникают и развернутые метафорические картины, воспроиз-

водящие и развивающие традиционные уподобления. Часть стихотворения Баратынского «Осень» основана на параллелизме. От изображения жатвы и сбора урожая поэт переходит к размышлениям об итогах человеческой жизни: А ты, когда вступаешь в *осень дней*, *Оратай* жизненного *поля*, И пред тобой во благостыни всей Является земная доля; Когда тебе житейские *бразды*, Труд бытия вознаграждая, Готовятся подать свои *плоды* И сплет *жатва* дорогая, И в *зернах дум* ее собираешь ты, Судеб людских достигнув полноты, — Ты так же ли, как земледельца, богат? Два фрагмента — реальный и метафорический связаны прямыми переключками: *осень, поле, оратай, плоды*. Хотя представление о жизни как о сеянье и жатве имеет традиционный характер, оно как бы создается заново.

Стихотворения, основанные на параллелизме и представляющие собой двухчастные композиции, в первой части содержат прямое обозначение реалий, которому во второй соответствует либо метафора, либо более сложное построение, в состав которого входит и метафора. В стихотворении Вл. Соловьева «11 июня 1898 г.» двум словам первой части: *Ветер гонит облака* — во второй части соответствует глагольная и именная метафоры: Так душевные надежды *Гонит* прочь житейский шум, Голос злобы, крик невежды, Вечный *ветер* праздных *дум*. Стихотворение Блока «Нежный! У ласковой речки...» основано на переходе от описания земного плана: Белые бродят овечки; Голосу тихой свирели Грустно покорны стада — к описанию симметричного ему плана небесного. Небо, облака повторяют картину, развернутую в первой части так, что в одном случае конкретному обозначению соответствует сравнение-приложение: Но высоко в изумрудах *Облаки-овцы* бредут, в другом — метафора: Пусть и над городом встанет *Стадо* вечернее. Эта метафора возникает и как соответствие конкретному слову первой части, и как результат развития образа *облаки-овцы*. Связи между частями стихотворения укрепляет повторяющийся эпитет *золоторунная*, который обязан своим происхождением теме стихотворения, ее конкретному плану. Между двумя частями стихотворения устанавливаются смысловые переключки: Люди придут и растрачат *Золоторунную тишь* — Пусть Людям предстанет в тумане *Золоторунная грусть*.

Прямое и метафорическое обозначения могут представлять собой не прямой лексический повтор, а однокоренные слова: Целый день спят ночные *цветы*, Но лишь солнце за рошу зайдет, Раскрываются тихо листы, И я слышу, как *сердце цветет* (А. Фет). Прямое обозначение и опорное слово метафоры соотносятся как синонимы: Смотри, как облаком живым *Фонтан* сияющий клубится... О смертной *мысли водомет*, О водомет неистощимый (Ф. Тютчев). Соотнесенные слова, одно из которых имеет прямое значение, а другое представляет собой метафору, могут быть связаны и не столь явным образом. Они принадлежат к одному семантическому полю, в частности, между ними могут быть отношения части—целого, рода—вида, принадлежности, общего—частного и т. п. Связь же между соотнесенными сочетаниями может быть прямой: Праздный слух был исполнен *громами литавр*, Сердце — *музыкой* буйных страстей (А. Блок) и ассоциативной: Чирикнула *птица*. В порыве *бескрылом* девица | грустила о милом (А. Белый).

Рассмотренные отношения — не только источник частных метафор, но и способ развертывания целого текста. Смысловая игра может быть основана не только на повторе слов, соотношенных как прямое обозначение и метафора, но и на родо-видовых отношениях между словами. Например, в стихотворении К. Случевского: Если б все, что упадет *Серебра* с луны, Все, что *золота* роняет Солнце с вышины — Ей снести... Она б сказала: «Милый мой пиит... Ты того мне дай *металла*, Что в земле лежит!» — соотносены, с одной стороны, однотипные метафоры *серебро* и *золото*, обозначающие соответственно лунный и солнечный свет, и родовое обозначение соответствующих реалий.

Источник некоторых метафор — опора не на определенные слова текста, а на изображаемую ситуацию вообще. Например, в стихотворении Вл. Соловьева «В Альпах» метафоры: *Мыслей без речи* и *чувств без названия* Радостно-мощный *прибой*. Зыбкую *насыпь надежд* и *желания* Смыло волной голубой — соотносены с конкретной картиной центральной строфы стихотворения: Синие горы кругом надвигаются, Синее море вдали. Для некоторых метафор характерна связь с изображаемой средой, таковы, например, «восточные» метафоры: Тебе, Кавказ, о страж востока, Принес я, странник, свой поклон. *Чалмою* белою от века Твой лоб наморщенный увит (М. Лермонтов), «крестьянские» метафоры: *солнца соха*, *кошма* певучей *тьмы* (С. Есенин) и т. д.

Таких прямых связей между метафорами и реалиями изображаемой среды, даже остающимися за текстом, может и не быть, тем не менее обозначения одних реалий и метафорические соответствия других принадлежат к одному семантическому полю. Через стихотворение проходит единый словесно-образный ряд, который связывает разные предметы изображения. Например, фрагмент поэмы Пастернака «Лейтенант Шмидт» содержит цепочку однотипных метафор, разорванную прямым обозначением, принадлежащим к тому же семантическому ряду, что и опорные слова метафор и сравнений: Безмолвствуя, потерянно Струями вис рассвет. Толстый, как *материя*, как бисерный *кисет*. Деревья всех рисунков Сгубились в три дуги Под *ранцами* и *сумками* Сумрака и мги. *Вуали* паутиной Топырились по ртам. Столбы, скача под шины, Несли ко всем чертям. Майорши, офицерши Запахивали *плащ*. Вдгонку им, как шершень, Свистел шоссейный хрящ. Вставали кипарисы; Кивали, подходя; Росли, чтоб испариться в *кисее* дождя.

Многие тексты содержат фрагменты определенных словесно-образных полей, сгруппированных вокруг слов *огонь*, *вода*, выражающих традиционные представления разной степени обобщенности: *жизнь — огонь*, *любовь — огонь*, *жизнь — вода*, *море, река, время — вода* и т. п. Через стихотворение А. Белого «Проповедую скорый конец...» проходит ряд соотношенных слов, среди которых и прямые обозначения и метафоры: *пламя роз*, в небе гас золотистый *пожар*, фонарные *огни*, капля крови *огнистой* слезой. Однотипные образы рисуют явления внешнего и внутреннего мира, устанавливая между ними точки соприкосновения. В стихотворении Брюсова «Знойный день» ряд однотипных образов начинается с заглавия, захватывает изображение мира природы (*сосен пламенное тело*), затем переносится на мир человеческих чувств (с силой *жгучей, пылающий* напиток).

Изображение разного в едином словесно-образном ключе сопровождается отсутствием четких границ между прямыми обозначениями и метафорами.

Второй тип контекстов, в которых метафора представляется результатом развития внутренних связей текста, основан на развертывании компаративного тропа. Отправной точкой таких построений может быть подчеркнуто традиционный троп, от которого ответвляются частные тропы и в том числе метафоры: В отверстый *храм* земли, небес, морей Вновь прихожу с мольбой и тоскою: Коснись, о Ночь, целящую рукою, Коснись чела, как *божий черей*... Росистый хлад твоей *епитрахили* Да утолит души мятежный жар (И. Бунин).

Частные тропы, в том числе и метафоры, кроме своего непосредственного смысла, имеют и другой смысл — они значимы как отсылки к более общему образному представлению, как его представители и заместители, как указание на определенный образ мира. Например, метафора Волошина: И лежит земля страстная в черных *ризах* и *орарях* — восходит к более общей метафоре *мир-храм*. Метафоры и сравнения Волошина: *стебли детских рук: пальцы гибки, как лоза с лозой; нежны ветви ног* — развивают традиционную параллель человек — растение [Адрианова-Перетц 1947, 55—60]. Часть поэмы Хлебникова «Синие оковы» организуют тропы, развертывающие остающуюся за текстом образную параллель *мир — книга: событий азбука, речной волны писал глаголы я, книга полдня* и т. д. Обобщающий исходный образ или частный представитель образного ряда выносятся в заглавие стихотворения: «Пожар» Бальмонта, «Посев» Волошина и т. п.

Таким образом, определенное устойчивое представление приобретает множество индивидуальных преломлений, которые то приближаются к традиционному, то удаляются от него настолько, что связь с ним почти перестает ощущаться. В то же время каждое из этих преломлений вырастает из внутренних отношений между словами, существующими в тексте. Единство заданного, традиционного и индивидуального его преломления в конкретном тексте обеспечивает жизнеспособность устойчивых представлений и поэтических формул, которые не столько воссоздаются, сколько создаются заново в соответствии с задачами и потребностями текста, в разной мере отклоняясь от традиционного прототипа.

Проблема соотношения прямого и непрямого способа называния и изображения может быть рассмотрена и еще с одной точки зрения, а именно — как эти способы совмещаются в тексте при изображении разных отрезков действительности. Во множестве текстов, в конструкциях и позициях, которые предполагают семантическую однородность, совмещаются два различных принципа обозначения — прямой и метафорический. Синтаксис приходит в известное противоречие с семантикой. Это прежде всего обнаруживается в конструкциях с однородными членами. Наряду с прямыми обозначениями, перечисления включают в себя метафоры разных типов. На фоне прямых обозначений довольно последовательно используются метафоры-сравнения, основанные на сближении конкретного с конкретным. В некоторых парах сочетаются прямое обозначение и метафора. На первое место выдвинута метафора: Люблю я черной

шелк кудрей И черны *очи* светлой девы (В. Бенедиктов); *Дальних огней* вижу мутные *звезды*. Да запертые *подъезды* (Я. Полонский). На первое место выдвинуто прямое обозначение: Холодный *ветер* от лагуны, *Гондол* безмолвные *гроба* (А. Блок); ...Где б говорить могли мы, алых уст И *жемчуга* зубов твоих не видя (И. Анненский); Люби мой долгий *гул* И зыбких *взводней змеи* (М. Волошин); О суши *воздух* ковкий, *Земли* горячий *фарш!* (Б. Пастернак); Но вот уже послышались *слова* И легких *рифм сигнальные звоночки* (А. Ахматова).

Метафоры-сравнения представляют собой один из членов длинного перечислительного ряда и стоят в его середине, обрамленные прямыми обозначениями: Нет, никогда средь пылких дней Кипящей младости моей Я не желал с таким мученьем Лобзать уста молодых Армид, Иль *розы* пламенных *лани*, Иль перси, полные томленьем (А. Пушкин); Урала мутного степные берега, Леса, тюльпанами покрытые луга, *Амфитеатры гор* из сизого порфира, Простые племена, между которых ты Сбирал предания исчезнувшего мира, Далекая любовь, пустынные мечты Возвысили твой дух (А. Майков); Только в сердце И нектар, и улыбки, и туник То белые, то розовые *волны*, и сам Кронид — все в серое пятно Слилось теперь, когда тебя он видит (И. Анненский); Принимаю пустынные веси! И *колодцы* земных *городов*; Осветленный простор поднебесий И томления рабых *трудо*в! (А. Блок); Я знаю этот лоб и нос, И тяжкий *водопад* волос, И эти сдвинутые *брови*; По речным серебряным излучинам, По *коврам* сияющих *полей*, По селеньям, сжавшимся и скученным, По старинным *плитам* площадей (М. Волошин); Горячей головы качанье И нежный *лед руки* чужой, И темных елей очертанья, Еще невиданные мной (О. Мандельштам); Люблю цветные стекла окон И сумрак от столетних лип, Звнящей *люстры* серый *кокон* И половиц прогнивших скрип (И. Бунин). Это едва ли не самое частое построение, в состав которого входит метафора-сравнение.

В некоторых случаях перечисление заканчивается метафорой: А здесь миндаль, и лозы винограда, И дикого *плюща* живой *ковер* (Я. Полонский); Воздух и окошко, добытые с боя... Желтая береза между темной ели, А за ними небо светло-голубое И *хлебов* грядущих мягкие *постели* (Вл. Соловьев); Тошный мох, кустарник чахлый, Искривленная сосна, Камень, сумрачный и дряхлый, Белой *пыли* *пелена* (В. Брюсов); Но для меня неразделимы С тобою — ночь и мгла реки, И застывающие дымы, И *рифм* веселых *огоньки*; Вспоминаю те вьюги, снега, Твои дикие, слабые *руки*, *Бормотаний* твоих *жемчуга* (А. Блок).

Ряд начинается метафора-сравнение: Пустых *небес* прозрачное *стекло*, Большой тюрьмы белесое строенье И хода крестного торжественное пенье Над Волховом синющим светом (А. Ахматова), с отвлеченным существительным: В полуослепшем зоре *Воспоминаний дым*, Гардемарин и море (А. Белый).

В перечисления включаются и генитивные метафоры, основанные на сближении отвлеченного с конкретным: В *тине житейских волнений*, В пошлости жизни людской (С. Надсон); Тому уж нет очарований, Того *змия воспоминаний*, Того раскаянье грызет (А. Пушкин); Но где ж Дерзание? Где знойный *жар желаний?* (И. Анненский).

В ряд перечислений включаются и метафоры-загадки: О ночь, ночь,

где твои *покровы*, Твой тихий сумрак и роса? (Ф. Тютчев); *Серебро* и колыханье сонного ручья; Леса под *шапками* и в инее седом (А. Фет); Опять эти белые *мухи*, и крыши, и святочный дед, И трубы, и лес лопухий Шутом маскарадным одет (Б. Пастернак); ...не то сырь, не то *стежарус* (Н. Клюев); И одеты мглою и *черни*ю, Многострунные сосны Навевают думу вечернюю Про минувшие весны (М. Волошин).

Один из типов метафор основан на том, что предметное слово обозначает отвлеченное понятие. Такие метафоры или метафорические перифразы также используются как члены ряда перечислений: Труды, безвестность, *струны* — Блаженство дней моих (Н. Языков); Нет ни надежд, ни *радуг*, ни мечты В его речах (Н. Шербина); В душе — любовь — и слезы — и *перуны* (Я. Полонский); От невидимой злобы, От тайных *сетей* Я тебя ограждал, я тебя оградил (Вл. Соловьев); За *цепи* мои и заклятья твои (А. Блок); Речение, в котором все слова притерты, пригнаны и сплавлены Умом и *терпугом*, *паялом* и терпеньем, Становятся лирической строкой (М. Волошин).

В тех перечислениях, где метафоры не единичны, характер метафор не одинаков. Это могут быть однотипные метафоры, члены метафорической цепочки: Где сладкий *шепот* Моих лесов? Потоков *ропот*, Цветы лугов? (Е. Баратынский); Она покрыла крыши барок Кишашей кашей черепах, И *ковш* приморского *бульвара*, И *спуска* каменный *черпак* (Б. Пастернак). Подобные метафоры включаются в ряд аналогичных прямых употреблений: Запах мирры благовонной, Сладкий *шепот* тишины, *Лепет* струйки полусонной В освещении луны; *Голос* арфы, трель свирели, Шум порханья мотыльков Иль во дни святой недели Дальный звон колоколов (К. Случевский).

В других случаях перечисления включают в себя метафоры, основанные на разных структурных и семантических связях: Им отдал все, что я принес: Души расколотой сомненья, *Кристаллы дум*, *алмазы слез*, И *жар любви*, и песнопенья, И *утро жизненного дня* (А. Белый); Все тебе: и молитва дневная, И *бессонницы* млеющий *жар*, И *стихов* моих белая *стая*, И *очей* моих синий *пожар* (А. Ахматова); *Свинцовый свод*. Рассвет. Дворы в воде. Железных *крыш* авторитетный *тезис* (Б. Пастернак); Все глазами взять хочу я Из темнеющего сада... *Щетку* желтую *газона*, На гряде цветок забытый, Разоренного балкона Остов зеленью увитый. *Топора обиды злые*, Все, чего уже не стало (И. Анненский).

Такие перечисления могут иметь не только самодовлеющее значение, как в только что приведенных примерах, но и входить в состав троических конструкций, в частности, в состав предикативной метафоры: Воспоминанья — вечные *лампады*, Былой *весны* чарующий *покров*, Страданий духа поздние награды, Последний след когда-то милых снов (К. Случевский); Ты — тот май и та весна, *жемчуг* утр и *роз январь* (В. Брюсов).

Рассмотренные закономерности объединения слов прослеживаются и тогда, когда пары и ряды перечислений образуют прилагательные и глаголы.

Ряд определений к одному существительному может строиться как сочетание прилагательного в прямом значении и метафорического эпитета

та. В сочетаниях такого рода важно и то, что представляет собой определяемое существительное — слово в прямом значении или метафору. Возможны два разнотипных определения при слове в прямом значении: *черный бархатный шмель* (И. Бунин) и два разнотипных определения при метафоре: *на снежной бархатной пустыне* (А. Белый). Такие же асимметричные отношения складываются и между составными частями некоторых прилагательных: водоворот *фонтанно-белый* (А. Белый), *фиалкокудрый* и т. п. (Вяч. Иванов).

Одна из разновидностей разнотипных прилагательных при существительном в прямом значении — цветное прилагательное в сочетании с «психологическим», эмоциональным эпитетом [Виноградов 1976, 387]: Этот *нищенски-синий* и *заплаканный* лед (И. Анненский); Только в спальне горели свечи *Равнодушно желтым* огнем (А. Ахматова); Опять истомой дышит март, А запад *вкрадчиво-малинов* (В. Брюсов); С закатом запоздалым, И *ласковым* и *алым* (К. Бальмонт). В рядах однородных членов сочетаются не только прилагательное в прямом значении и метафорический эпитет, но и метафорические эпитеты разной семантики, в частности, антропоморфные метафорические эпитеты сочетаются с метафорами других типов: Тучки *дружные*, вешние, *жемчужные* Мчатся надо мной (А. Фет).

При изображении внешнего мира один из глаголов в паре или в ряду перечислений представляет собой антропоморфную метафору или олицетворение: *Молятся* звезды, мерцают и рдеют (А. Фет); *Шепчет* и клонится злак голубой (А. Блок); *Усмехнулся* черемухе, *всхлипнул*, смочил Лак экипажей, деревьев трепет (Б. Пастернак). От сочетания с метафорой в глаголе возрождается стершаяся образность: Перекресток, где ракирка И *стоит* и *спит* (А. Фет); Пред ним *стоит* на перекрестке, Который полузанесло, Береза со звездой в прическе И *смотрится* в его стекло (Б. Пастернак).

Глагольная метафора в части таких сочетаний распространена именной: Чуть брезжит в небе месяц светозарный, Наступит ночь и в чистое стекло *Вольет* елей душистый и янтарный; Уж звезды светлые взошли И тяготеющий над нами Небесный свод *приподняли Своими влажными главами* (Ф. Тютчев); Да легкие хлопья летают И беззвучную сказку *поют*, И белые *ткани слетают*, Созидают для смерти приют (К. Бальмонт).

Круг метафорических глаголов, входящих в состав перечислений, шире, нежели антропоморфные метафоры: Волчьи очи зеленью *дымилась*, По кустам сверкали без числа; Рубины мрачные *цвели*, чернели в нем, Внутри пурпурно-кровяные (И. Бунин).

Глагол в прямом значении сочетается с глагольной метафорой и при характеристике человека: Когда я стал дряхлеть и *стынуть*; Встала в легкой полутени, *Заструилась* вдоль перил (А. Блок); И любить, и сгорать (И. Анненский).

В некоторых глаголах конкретного действия, которые могут иметь в соответствующих сочетаниях прямое значение, реализуется метафорическое значение благодаря тому, что они распространяют именную метафору. Таковы, например, глаголы в следующих отрывках: Когда на дев цветущих и приветных, Перед тобой Мелькающих в одеждах разноцветных, Глядишь порой, Глядишь и *пьешь* их томных *взоров сладость*

(Е. Баратынский); Друзья и дружба надоели, Затем, что не всегда же мог Beef-steaks и страсбургский пирог Шампанской обливать бутылкой И *сыпать острые слова*, когда болела голова (А. Пушкин); И серый, как ночные своды, Он знал всему предел. *Цепями* тягостной свободы Уверенно *гремел* (А. Блок); Но подошла, но обожгла *Лобзаньем* пламенно текучим (А. Белый); Кое-как удалось разлучиться И постылый *огонь потушить* (А. Ахматова); И снова яблоня теряет дикий плод, И тайный образ мне мелькает, И богохульствует, и сам себя клянет, И *угли ревности глотает*; ср.: Ты вернулся сюда, так *глотай* же скорей *Рыбий жир* ленинградских ночных *фонарей*, Узнавай же скорее декабрьский денек, Где к зловещему дегтю подмешан желток (О. Мандельштам).

Как отметила Е. А. Некрасова [1975, 103—108], по-разному распределяется метафора и слово в прямом значении в конструкциях с деепричастным оборотом. Глагол-сказуемое представляет собой антропоморфную метафору, а деепричастный оборот содержит глагол в прямом значении: *Поет, краснея*, медь (А. Блок); Солнце *смотрит* и *смеется*, Гребни травок *золоты* (В. Брюсов), *Пел* «Свете тихий», *длясь*, в парчах осенних день (Вяч. Иванов). В такой конструкции используются и глаголы с другой семантикой: Тихо вечер *догорает*, горы *золоты* (А. Фет).

Глагол в прямом значении в роли сказуемого соотносится с антропоморфной метафорой в деепричастном обороте: Везут, *покрахтывая*, дроги, мой полинялый балаган (А. Блок); Солнце, *улыбаясь* в светлой дымке, перламутром розовым слепило (И. Бунин).

При характеристике людей деепричастие имеет прямое значение, глагол-сказуемое — метафорическое: Над углями *склоняясь*, *горишь* Ты жарким, ярким, дымным пылом; Устами *жглы* давно ли ты До боли мне уста, давно ли, Вся *опрокинувшись* в цветы Желтофиолей, роз, магнолий (А. Белый). И, напротив, глагол-сказуемое выражен словом в прямом значении, деепричастный оборот приобретает метафорический характер благодаря глагольным распространителям: Когда красавица, *прорвав кристальный плащ*, *Вдавила* в гладь песка младенческую ногу (А. Фет); И кругом *протоптали* тропы, *Осквернив* целомудренный снег (А. Блок).

Предложения с деепричастным оборотом — основа более сложных построений. Деепричастный оборот включает в себя разнотипные глаголы, в частности, глагол конкретного действия и антропоморфную метафору: Ручьи, журча и извиваясь, И меж собой *переключаясь*, В долину гулкую спешат (А. Фет); Вода голодная течет, Крутятся, *играя*, как звереныш (О. Мандельштам). В одном тексте совмещаются построения с деепричастными оборотами обоих рассмотренных типов. Например, в стихотворении Анненского «То и это»: Ночь не тает. Ночь как камень. *Плача тает* только лед — Но *лопочут*, даром *тая*, ледышки на голове. К тому же повторяющийся глагол *таять* имеет то прямое, то метафорическое употребление.

Рассмотренные отношения между однородными глаголами-сказуемыми, с одной стороны, и глаголом-сказуемым и деепричастием, с другой, лежат в основе более сложных построений: Вновь *причастись* души неистой, И яд, и боль, и сладость пей, и тихо Книгу *перелистывай*, *Впиваясь* в зеркало теней (А. Блок); Журавль *склоняет* шею, *Скрипит* и, *захлебнувшись* серебром, Опять *возносится* над нею (И. Бунин).

Выпадать из ряда однотипных слов могут и другие обособленные обороты. На фоне глаголов, употребленных в прямом значении, выделяется метафора: Рукавом в окно мне машет, Красным криком *зажжена*, Так и манит, так и пляшет, И ласкает скакуна (А. Блок).

На отмеченном противоречии между синтаксисом и семантикой могут быть основаны и более сложные построения. Это могут быть анафорические построения; одно из которых содержит слово в прямом значении, другое — метафору: Но нет уже *весны* в душе моей, Но нет уже в душе моей *надежды* (Е. Баратынский); О, сердце, сколько ты *любило*! О, разум, сколько ты *пылал*! (А. Блок); Ты — *солнце* моих *песнопений*, Ты — жизни моей *благодать* (А. Ахматова). Также организованы и симметричные построения: Сад весь в *цвету*, Вечер — в *огне* (А. Фет), в сердце — *истома*, в душе — *ледоход* (К. Случевский); Вижу, вижу *лунный лик* Сквозь листву густых раkit, Слышу, слышу *ровный стук* Неподкованных копыт (А. Ахматова).

Для структуры многих стихотворных текстов характерно чередование прямого и непрямого обозначений в однотипных синтаксических конструкциях. Таковы, например, определения при разных существительных, образующих однородные члены или более сложные, но однотипные конструкции: Вот *изумрудный* луг, вот *желтые* пески Горят в сиянье золотистом (А. Фет); В *жемчужных* утрах, в зорях *рдяных* Ни радости, ни грусти нет (М. Волошин); Весь город полон голосов, Мужских — *крикливых*, женских — *струнных* (А. Блок).

Атрибутивные сочетания другого типа включают в себя, с одной стороны, существительное в прямом значении, которое сопровождает метафорический эпитет, с другой — метафору, которую, в свою очередь, сопровождает метафорический эпитет: До луны *жемчужной* пеной мещут И *алмазной пылью* водометы (А. Фет).

В сложносочиненных предложениях один глагол-сказуемое имеет прямое значение, другой представляет собой метафору: Не о былом *вздыхают* розы И соловей в ночи *поет* (Ф. Тютчев); *Рассветает* над Варшавой, *Киев очи отворил*, И с Москвой золотоглавой *Вышеград заговорил* (Ф. Тютчев); Кто небо *запачкал в крови*? Кто *вывесил* красный фонарик?; Там *чернеют* фабричные трубы, Там заводские *стонут* гудки; Еще свистки *ломали* воздух, и крик еще *стоял* (А. Блок); И вот уже расплавленным алмазом *Сияют* лужи, *изнывает* лед; Чтoб степь *попынная цвела*, А ветры *пели*, как сирены (А. Ахматова).

Так же соотносятся и подлежащие в сложных предложениях: одно из них выражено словом в прямом значении, другое — метафорой: Золотисты *лица* купальниц, Их *стебель* влажен (А. Блок); *Липы* шумные и *вязы* По садам темны, *Звезд* игольные *алмазы* К Богу *внесены*; Короткое уже кончалось *лето*, Дымилось *тело* вспаханных *равнин* (А. Ахматова); *Уста* ее так алы и так горды, И *мрамор шеи* так и тепл, и бел (И. Анненский); Лежу, как мертвец, *Возница* мой гонит и воет, И лик свой то кажется, то кроет *Небесный беглец* (И. Бунин).

Неоднородны в смысловом отношении и генитивные конструкции в некоторых текстах. Например, в стихотворении Брюсова «Благословение» в одной синтаксической позиции оказываются, с одной стороны, такие сочетания, как *сиянье глаз*, *улыбка уст*, с другой — *лобзаний яд*,

объятый серп, *огонь любви*, *мрак души*. Генитивные конструкции представляют собой метафоры разных типов: Долго еще прогорит *Вespera скромная лампа*, Но уже светит с небес *девы* изменчивый *лик* (А. Фет).

Чередование прямого и непрямого способа изображения создает слоистую неоднородную структуру текста. Отрезки текста, выдержанные в разных ключах, сочетаются в строфе, сменяя друг друга: *Застыла холодная лужа* В размытых краях колен. *Целует* октябрьская *стужа* Обмерзшие пальцы мои (А. Белый); Небо мелкий *дождик сеет* На зацветшую сирень. За окном *крылами веет Белый*, белый *Духов день* (А. Ахматова). Соседние строки характеризует и перекрестное распределение прямого и непрямого изображений в соотнесенных конструкциях: Сквозь тонкие сосновые стволы — *Парча* недогоревшего *заката*. Среди *морей* вечерней *полумглы* — Нагретая смолистость аромата (К. Бальмонт).

Таким образом, несоответствие между семантикой и синтаксисом, выражающееся в том, что конструкции и члены предложения, заданные как однотипные, приобретают то прямое, то метафорическое выражение, широко распространено в поэтической речи. Его отражают даже те поэтические системы, которые, на первый взгляд, ориентированы на слово в прямом значении.

На основе рассмотренных отношений между словом в прямом значении и метафорой складываются тексты разных типов. В одних из них преобладает прямое слово, но на его фоне выделяются отдельные метафоры. В других типах текстов, напротив, преобладает не прямой способ изображения, на фоне которого выделяются вкрапления прямых слов. Между этими полюсами располагаются тексты разных типов, также совмещающие в себе прямой и не прямой способы изображения.

В результате взаимодействия разнокачественных слов возникает колеблющийся рисунок текста, который принимает самые разные формы в зависимости от того, в какой сфере и с какой целью используются прямые и не прямые обозначения.

ПОНИМАНИЕ МЕТАФОР: НА ПУТИ К ОБЩЕЙ МОДЕЛИ

Вопрос о том, каков механизм нашего понимания метафор, является наиболее фундаментальным и вместе с тем мало разработанным в современных исследованиях, посвященных метафоре. В предшествующие годы основное внимание уделялось проблемам природы и типологии метафор, особенностям их функционирования в различных типах текстов, т. е. всему тому, что мы традиционно относим к сфере употребления языка. И только с появлением «работающих» систем автоматической обработки естественного языка возник теоретический интерес к построению процессуальных моделей понимания метафор. Значимость таких исследований сегодня объясняется прежде всего их междисциплинарным характером, где связываются воедино социально-психологические, лингвистические и когнитивные аспекты, что позволяет надеяться на получение принципиально новых результатов в теории метафоры.

Согласно наиболее распространенной в 70-е годы точке зрения, процесс понимания метафоры включает в себя три этапа. На первом устанавливается буквальное значение выражения, на втором — это значение сопоставляется с контекстом. И, наконец, на третьем, если имеется несоответствие между буквальным значением и контекстом, начинается поиск небуквального, и в частности, метафорического, значения [Ortony et al. 1978].

В свою очередь, эти этапы, образующие многоэтапную модель понимания, влекут за собой два важных следствия, которые активно обсуждаются в литературе 80-х годов [Gibbs 1985]. Эта последовательная трехфазная модель предполагает, во-первых, что понимание небуквальных значений требует больше времени и усилий, чем понимание буквальных значений, и во-вторых, она подразумевает принципиальное различие между буквальным и небуквальным значением. Обсуждение этих проблем имеет принципиальный характер, поскольку решается вопрос о том, где проходит линия раздела между буквальным и метафорическим значением, и что такое в конечном счете метафора?

Чтобы понять истоки гипотезы о решающей роли буквального значения в понимании метафор, следует вспомнить о господствующем в 60-е годы подходе, согласно которому следует четко разделять вопросы языковой компетенции и вопросы, относящиеся к сфере употребления языка. Хотя в 70-е годы этот подход был подвергнут в целом суровой и справедливой критике, многие частные концепции, базирующиеся на его основных посылах, остались без изменений. Именно такой теорией и является трехэтапная модель понимания метафоры.

В соответствии с чрезвычайно популярной в 60-е годы теорией Дж. Катца и Дж. Фодора, семантическая компетенция проявляется в том, что идеальный носитель языка оказывается в состоянии распознать значение предложения, не располагая при этом никакой информацией о его контексте [Katz, Fodor 1963].

Представьте себе, что вы получаете конверт, внутри которого находится лист бумаги с одним предложением: *Сова Минерва вылетает ночью*. При этом вам ничего неизвестно ни о причинах посылки этого письма, ни об обстоятельствах его доставки, ни какой-либо иной информации, существенной для понимания этого предложения. Дж. Катц и Дж. Фодор полагали, что теория языковой компетенции должна объяснять механизм понимания предложений в рамках «контекстно-свободных» ситуаций.

Указанное жесткое разделение языковой компетенции и сферы употребления языка предполагает и строгое разделение буквального (собственно семантического) и контекстуального (прагматического) значения выражений. В соответствии с таким подходом, различие между буквальными и метафорическими выражениями есть различие в сфере употребления, но отнюдь не в области внутренних механизмов языка. Поэтому процессы, участвующие в создании и восприятии метафор, имеют исключительно прагматическую природу.

Такой взгляд на метафору как на чисто прагматическое образование поддерживается во многом и нашим здравым смыслом. Мы склонны предполагать в силу влияния культурной среды, образования и воспитания существование у слов и отдельных выражений жестко закрепленных

за ними значений, полагая их первичными, базисными. В новых ситуациях употребления эти «закрепленные» значения изменяются, но несущественным образом, и как результат такого изменения возникает прагматическое значение. Хотя уязвимость подобного подхода к проблеме генезиса метафор была очевидна еще в контексте критики идей Дж. Катца и Дж. Фодора, он по-прежнему считается теоретически приемлемым.

Следует также иметь в виду, что тезис об определяющей роли буквального значения важен не только для адекватного представления механизмов понимания метафоры. Решение многих проблем зависит от того, что считать «исходной клеточкой» языковой коммуникации — выражения со строго фиксированным и определенным значением или выражения, подобные метафорам. Каким образом структурируется и организуется семантическая память, каковы основные этапы логического вывода, осуществляемого индивидами в реальной практике, с помощью каких средств языка индивид получает новое знание — вот далеко не полный перечень вопросов, решение которых связано с выбором ключевого понятия языковой коммуникации.

В последнее время появляется все больше и больше аргументов, свидетельствующих о несостоятельности гипотезы о буквальном значении. Так, Дж. Серль убедительно показал, что буквальное значение может быть установлено только на основе некоторого общефоновое знания [Metaphor and Thought 1979]. Возьмем, например, предложение: *Кошка лежит на циновке*. Дж. Серль считает, что буквальное значение данного предложения можно определить только в случае принятия некоторых дополнительных допущений — что кошка и циновка не плавают свободно в космическом пространстве, что существуют силы гравитации и т. д. Тем не менее, принятие этих допущений не снимает первоначального различия между буквальным значением предложения и значением высказывания говорящего, а только детализирует процедуру вывода небуквального значения.

Дж. Серль формулирует семь принципов перехода от буквального к метафорическому значению. При этом конечная цель его исследования состоит не в выделении сущностного интенционального компонента метафоры, а в снятии семантической неоднозначности аналогии, лежащей в основании метафоры. Пример Дж. Серля *Салли — это глыба льда* убедительно демонстрирует его приверженность к традиционному пониманию метафоры, прагматическое значение которой выводится на основе контекста и общефоновое знание. Однако вряд ли можно отождествлять проблемы понимания метафоры и снятие семантической неопределенности аналогии, лежащей в основе этой метафоры. На наш взгляд, можно утверждать, что Дж. Серль в определенном отношении только развил идеи Дж. Катца и Дж. Фодора относительно приоритета семантики над прагматикой языка, но отнюдь не противопоставил им нечто радикальное. Современные исследования проблем понимания метафор, проводимые в рамках психологии, не дают оснований утверждать приоритет буквального в сравнении с небуквальным значением. Как следует из трехэтапной модели понимания метафор, на их обработку должно затрачиваться больше времени, чем на обработку тех же предложений, но употребленных в буквальном значении. Однако результаты проведенных экспериментов

показали, что на понимание метафорических выражений уходит не больше времени, чем на понимание предложений с буквальным значением [Gluckssberg et al. 1982]. При этом существенно важным является объем привлекаемого в процессе обработки контекста — при недостаточной контекстуальной поддержке на обработку предложений, требующих метафорической интерпретации, необходимо больше времени, чем на понимание предложений в их буквальной интерпретации.

Эти результаты указывают на то, что выражения как с буквальным, так и с небуквальным значением обрабатываются практически сходным образом. Возможные трудности в обработке вызываются не небуквальностью выражения, а тем, насколько тесно интерпретируемое выражение связано с предшествующим контекстом. Такая связанность с контекстом может быть более или менее сильной как для буквальных, так и для небуквальных случаев употребления языка. В подобных ситуациях оказывается полезным привлекать дополнительные процедуры вывода, и, в частности, многоэтапную модель понимания. На наш взгляд, многоэтапная модель не является в целом некорректной — просто она представляет не общий процесс понимания выражений с небуквальным значением, а только некоторые его варианты.

Полученные данные психолингвистов указывают на то, что во многих ситуациях понимания метафорических выражений определение их буквального значения не является обязательным этапом процесса понимания. При наличии соответствующего контекста индивиды обычно способны понимать метафорические значения высказываний непосредственно.

Таким образом, данные, представленные психолингвистикой, убедительно свидетельствуют, что слушающие далеко не всегда строят особый уровень представления знаний, включающий только буквальное значение предложений. Действительно, мы часто используем прагматическую информацию на самых ранних стадиях обработки предложений, и этот тезис сегодня не вызывает больших возражений. Более того, с позиций современной психолингвистики вряд ли вообще корректно говорить о прагматически «ненагруженной» семантике естественного языка. Семантическая компетенция носителей языка с этой точки зрения не может рассматриваться как знание особого рода, принципиально отличное от знания всех нюансов употребления языка. Соответственно и модели понимания языковых выражений, в рамках которых обработка информации начинается с фонетического уровня и последовательно доходит до уровня прагматики, представляются некорректными. Вместо поэтапной модели понимания предлагается рассматривать концепцию параллельной интерактивной обработки языка, включающую одновременное взаимодействие знания на уровне синтаксиса, семантики и прагматики [см. подробнее НЗЛ 1988].

Однако из одинакового механизма обработки буквальных и небуквальных выражений (хотя и с разным объемом привлекаемой для этого информации) совсем не следует, что метафорические высказывания ничем не отличаются от буквальных высказываний. В реальной языковой практике мы не различаем эти высказывания до тех пор, пока не сталкиваемся с явно творческим, оригинальным употреблением языка, как, например, у В. Маяковского: *А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?*

На наш взгляд, можно сформулировать следующую дилемму на современные представления о природе метафоры и процессы ее понимания. С одной стороны, существуют весомые доказательства, что обработка, т. е. понимание метафор осуществляется посредством того же механизма и требует в принципе тех же усилий, что и обработка буквальных высказываний. И это верно в том случае, когда обработка метафор представляется не как рассмотренная выше задача реконструкции, а как процесс распознавания конкретных случаев типовых метафор [Лакофф, Джонсон 1988]. С другой стороны, в соответствии с общепринятой моделью метафоры как неявной аналогии для ее обработки должно потребоваться значительно больше усилий, чем это подтверждают данные психолингвистических экспериментов. Закономерно возникает вопрос — как совместить два подхода.

Здесь следует иметь в виду еще и то обстоятельство, что предлагаемые многочисленные концепции метафоры являются по существу семантическими — объединение метафор в конкретные классы основывается на определенных типах соответствий между первичным и вторичным объектами метафоризации. Как убедительно показал Дж. Карбонелл [Carbonell 1980] посредством метафорического соответствия происходит «перенос» целей, стратегий планирования, каузальных структур, функциональных атрибутов, социальных ролей, структурных отношений, конкретных характеристик. И как бы этот список метафорических соответствий ни был расширен и модифицирован, в каком бы контексте он ни рассматривался в любом случае в его основе лежит базисное семантическое отношение между первичным и вторичным объектом метафоризации.

Отсюда следует, что сугубо семантический подход к метафоре как неявной аналогии не может служить основой для психолингвистических моделей понимания метафоры. Необходимо новое, более широкое толкование природы метафоры, согласующееся, в частности, с психолингвистическими исследованиями. Мы по-прежнему очень мало знаем о природе метафор — слишком мало для того, чтобы с уверенностью сказать, каким образом и благодаря чему мы их понимаем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда рукопись данной монографии уже готовилась к печати, в г. Москве прошел VIII Международный конгресс по логике, методологии и философии науки (17—22 авг. 1987 г.), на котором было представлено шесть докладов, посвященных метафоре и прочитанных на разных секциях. Тем самым этот Конгресс подтвердил все возрастающий интерес к метафоре как способу получения нового значения средствами языка. Метафора — «это риторическая фигура, которая путем аналогии наводит на мысль о ... сходстве» (Г. Селье. От мечты к открытию. М., 1987, с. 256).

После завершения работы над данной монографией вышла в свет книга Г. Г. Кулиева «Метафора и научное познание» (Баку, 1987), в которой место и роль метафоры в языковом оформлении нового знания рассматриваются в контексте философских проблем, связанных с изучением процесса вербализации концептуального содержания.

Обсуждение феномена метафоры в методологическом аспекте свидетельствует об осознании той роли, которую метафора выполняет в ходе познания как лингвистическая модель, используемая как инструмент для когнитивной обработки данных. Путь для решения многих вопросов, связанных с «технологией» метафоры, который предложен авторским коллективом предлагаемой книги, может способствовать прояснению ряда проблем, которые для специалистов, не принадлежащих к носителям лингвистического знания, остаются «загадочными» в силу самой языковой специфики метафоры как модели.

В любом случае сотворения метафоры «мерой всех вещей» выступает сам человек, умудренный делами и наделенный страстями, который и производит текст. Говорить о том, что набор стереотипов, известный реципиенту, — это и есть гарантия прочтения метафоры, — это почти что банальность. И тем не менее еще никто не пытался описать эту стереотипную картину мира, которой владеет «рядовой» носитель языка, как некую систему знания (точнее — видения мира). Только орнаментально-художественная функция метафоры удовлетворяется не стереотипной, а индивидуально-авторской картиной мира. Поэтому такая метафора — достояние художника, по-особому видящего и рисующего мир.

Итак, одной из наиболее интересных и перспективных задач в решении проблемы метафоры является выявление и описание антропометричной картины мира, единицами которой являются стереотипы и квазистереотипы, создающие некое «мироздание». Только на основе антропометричной картины можно проводить типологические исследования метафоры как языкового феномена.

Тот «ренессанс», который уже несколько лет переживает метафора, — это ренессанс человеческого фактора в познании и в описании языка как динамического инструмента познания и общения. Авторы монографии надеются, что читатели увидели в метафоре не только фигуру речи, выполняющую орнаментально-риторическую функцию, но и универсальную модель преобразования уже имеющегося в языке значения имени в новое знаковое содержание — номинативную модель, которая обслуживает все ярусы языковой способности и проявляется на всех уровнях анализа речевой деятельности и ее продукта — текста.

В. Н. Телия

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова Н. В. Математические термины. М., 1978.
- Амосов Н. Книга о счастье и несчастьях // Наука и жизнь. 1983. № 9.
- Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л., 1947.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Аристотель. Поэтика // Античные теории языка и стиля. М., 1936.
- Аркин А. Е. Ребенок в дошкольные годы. М., 1968.
- Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1978. т. 37. № 4.
- Арутюнова Н. Д. Языковая метафора: (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Арутюнова Н. Д. Тожество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
- Батыришин И. З., Шустер В. А. Структура семантического пространства словесных оценок поступков // Принципиальные вопросы теории знаний: Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1984.
- Бахилина Н. В. История цветообозначения в русском языке. М., 1975.
- Бирюков Б. В., Тростников В. Н. Жар холодных чисел и пафос бесстрашной логики. М., 1977.
- Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бранский В. П. Философское значение проблемы наглядности в современной физике. Л., 1962.
- Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л., 1973.
- Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.; Л., 1940.
- Виноград Т. К. Процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983.
- Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Воскресенский Д. Комментарии // Ли Юй. Двенадцать башен. М., 1985.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 2; Проблемы общей психологии. М., 1982.
- Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Гинзбург В. Л. Какие проблемы физики и астрофизики представляются сейчас особенно важными и интересными? (Десять лет спустя) // Успехи физических наук. М., 1981. Вып. 3.
- Графова Т. А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова. Дис... канд. филол. наук. М., 1986.
- Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.
- Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Губанов Н. И. Чувственное отражение. М., 1986.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
- Гусев С. С. Наука и метафора. Л., 1984.
- Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. М., 1985.

- Демьянович Н. И. Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках (сопоставительный анализ). Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
- Дорфман Я. Г. Всемирная история физики с начала XIX до середины XX в. М., 1979.
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клиненберг Ж.-М. и др. Общая риторика. М., 1986.
- Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- Жирмунский В. М. Теория литературы: Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
- Жоль К. К. Мысль, слово, метафора. Киев, 1984.
- Забелин И. Человек и человечество. М., 1970.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. (ГСРЯ).
- Запорожец А. В. Действие и интеллект // Запорожец А. В. Избр. психологические труды. М., 1986. Т. 1.
- Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970.
- Каганов М. И., Лифшиц И. М. Квазичастицы. М., 1976.
- Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Караулов Ю. Н. На уровне языковой личности // Караулов Ю. Н., Федотов А. Л., Чулкина Л. Н. Между семантикой и гносеологией. Предв. публикации Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 164. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. М., 1985.
- Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971.
- Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М., 1983.
- Кон И. Открытие «я» // Новый мир. 1977. № 8.
- Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.
- Кондильяк Э. Трактат об ощущениях // Соч. В 3 т. М., 1982. Т. 2.
- Крымский С. Б. Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974.
- КРСЛ — Китайско-русский словарь-минимум // Сост. А. В. Котов. М., 1974.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Язык и проблемы социального взаимодействия. М., 1988.
- Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X.
- Левин Ю. И. Структура русской метафоры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. II.
- Лезметс Х. Сложные слова как способ номинации эстонского языка и их лексикографическое оформление в эстонско-русских словарях // Вопросы сопоставительного изучения лексики и грамматики: (на материале эстонского и русского языков). Таллин, 1982.
- Ливанова А. Ландау. М., 1983.
- Литвиненко А. С. Термин и метафора // Уч. зап. МГПИИЯ. 1954. Т. 8.
- Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. 1980. № 3.
- Ломов Б. Ф., Беляева А. В., Носуленко В. Н. Вербальное кодирование в познавательных процессах. М., 1986.
- Лосев А. Ф. Знак, символ, миф // Труды по языкознанию. М., 1982.
- Луков Г. Д. Об осознании ребенком речи в процессе игры. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1937.
- Лукьянова Н. И. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
- Моисеев Н. Н. Математика ставит эксперимент. М. 1979.
- Налимов В. В. О некоторой параллели между принципом дополнительности и метафорической структурой обобщенного языка // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. М., 1976.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., 1974.
- Некрасова Е. А. Метафора и ее окружение в контексте художественной речи // Слово в русской советской поэзии. М., 1975.
- Николаева Т. М. Качественные прилагательные и отражение картины мира // Славянское и балтийское языкознание: Проблемы лексикологии. М., 1983.
- НЗЛ — Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. Вып. XIX.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. 1981.
- Остин Дж. Р. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986. Вып. XVII.
- ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорского языка. М., 1974.
- Павилёнис Р. И. Понимание речи и философия языка: (вместо послесловия) // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII.
- Паскаль Б. Мысли // Библиотека Всемирной литературы. М., 1974.
- Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: Исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петров А. Скрытая математика и нейнатура роль в физике // Философская мысль. 1980. Кн. 7.
- Петров В. В. Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982.
- Петров В. В. Научные метафоры: природа и механизмы функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985.
- Поддьяков Н. Н. Развитие допонятийных форм мышления в дошкольном детстве. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.
- Поддьяков Н. Н. Мышление дошкольника. М., 1977.
- Пойа Д. Математическое открытие. М., 1970.
- Пойа Д. Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1975.
- Полани М. Личностное знание / Пер. с англ. М., 1985.
- Попович М. В. Понимание как логико-гносеологическая проблема // Понимание как логико-гносеологическая проблема: Сб. науч. трудов. Киев, 1982.
- Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1892.
- Пяль Э., Тотцель Э., Тукумцев Г. Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка. Таллин, 1962.
- Рабинович Д. И. К продуктивной природе естественного языка // Экспериментальные исследования по психологии установки. Тбилиси, 1970. Т. IV.
- Розов М. А. Пути научных открытий. Вopr. философии. 1981. № 8.
- Ротенберг В. С. Слово и образ: проблемы контекста // Вopr. философии. 1980. № 4.
- Рубинштейн С. Л. К психологии речи // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1941. Т. 35.
- Селли Дж. Очерки по психологии детства. М., 1909.
- Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII.
- Сименон Ж. Я диктую // Звезда, 1983. № 1.
- Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
- Слобин Д. Языковое развитие ребенка // Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.
- Сохин Ф. А. О формировании языковых обобщений в процессе речевого развития // Вopr. психологии. 1959. № 5.
- Степанов Г. В. Послесловие // Хименес Х. Р. Платеро и я. М., 1981.
- Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
- Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI.
- Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.
- Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М., 1981.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц языка. М., 1986.
- Телия В. Н. Метафоризация как основной прием создания лексических и фразеологических средств языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1987.
- Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
- Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959.
- Уемов А. И. Аналогия в практике научного исследования. М., 1970.
- Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. V.
- Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных //

- Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 2.
- УСС — Учебный словарь сочетаемости слов русского языка // Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1978.
- Уфимцева А. А. Лексическое знание. М., 1986.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986.
- Фрейдентберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978.
- Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984.
- Фрумкина Р. М. Игры в классификацию // Знание — сила. 1984. Ноябрь.
- ФС — Философский словарь. М., 1981.
- Хоменко К. Е. Понимание художественного образа детьми младшего возраста // Уч. зап. Харьков. гос. пед. ин-та. 1941. Т. 6. (На укр. яз.).
- Хоменко К. Е. Возникновение наглядно-действенного мышления у ребенка // Труды Республиканской конференции по психологии и педагогике. Киев, 1941. Т. IV (На укр. яз.).
- Хофман И. Активная память. М., 1986.
- Чейф У. Л. Значение и структуры языка. М., 1975.
- Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII.
- Черданцев Т. З. Язык и его образы. М., 1977.
- Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976.
- Шарден П. Т. Феномен человека. М., 1987.
- Шахнарович А. М. Мотивированность языкового знака в онтогенезе речевой деятельности // Проблемы семантики. Калининград, 1978.
- Шахнарович А. М. Психологические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
- Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: (Учебное пособие по спецкурсу). Волгоград, 1983.
- Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // ВЯ. 1984. № 6.
- Шкловский В. Б. Теория прозы. М., 1925.
- Штерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Пг., 1915.
- Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Эйзенштейн С. Избр. произведения: В 6 т. М., 1964. Т. 4.
- Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. М., 1966. Т. 2.
- Юдин Б. Г. Объяснение и понимание в научном познании // Вопр. философии, 1980. № 9.
- Юрueva Н. М. Функционирование производного слова в онтогенезе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- ЯН — Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Alfieri G. Lettera e figura nella scrittura de „I Malavoglia“, Firenze; 1983.
- Alfieri G. Processi sociocomunicativi e tosto narrante SLV Linguistica e antropologia // Atti del XIV Congresso internazionale di Studi. Lecce 23-25 maggio 1980 a cura del Gruppo di Lecce Bulzoni. Roma, 1983.
- Allik J. Metafoorist psühholoogi pilgu-ga // Looming. 1981, № 1.
- Berggren D. The use and abuse of metaphor // The review of metaphysics, 1962. Vol. 16. № 2.
- Berko J. The child's learning of english morphology // Word. 1958. № 14.
- Black M. Models and metaphors: Studies in language and philosophy. N. Y.; Ithaca, 1962.
- Black M. More about metaphor // Metaphor and thought. Cambridge, etc., 1979.
- Bloch O., Wartburg W. v. Dictionnaire étymologique de la langue française. P. 1968.
- Carbonell I. Metaphor: A key to extensible semantic analysis // Proceedings of the 18th Meeting of the Association for computational linguistics. Prague, 1980.
- Closs T. E. „Conventional“ and „dead“ metaphors revisited // The ubiquity of metaphor: Metaphor in language and thought. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Dauenhauer B. P. Ricoeur's metaphor theory and some of its consequences // Southern J. Philosophy. 1983. Vol. 21. № 1.
- Delamarre X. Le vocabulaire indoeuro-péen // Lexique étymologique thé-matique. P., 1984.
- Devoto G., Oli G. C. Vocabolario illustrato della lingua italiana. Milano, 1967.
- Elert C.-C. Den geometriska metaphoren: Bilder och diagram i sprakvedenskapen // Symposium in memoriam János Lotz (1913—1973). Stockholm, 1985.
- Erelt M. Eesti adjektiivide süntaks. Gradatsiooni. Tallinn, 1977.
- Gentner D., Gentner D. R. Flowing waters or teeming crowds: Mental models of electricity // Mental models. N. Y., 1982.
- Gibs R. On the process of understanding idioms // J. Psycholinguistic Research., 1985. Vol. 14, № 5.
- Gluchsborg S., Gildea P., Bookin H. On understanding nonliteral speech: Can people ignore metaphors? // Y. Verbal Learning and Verbal Behaviour, 1982. Vol. 21.
- Gourmont R. de L'Esthétique de la langue française. P., 1905.
- Greimas A.-J. Sémantique structurale. P., 1966.
- Help T. Metafoor ja keeleained // Ars grammatica. Tallinn, 1985.
- Hesse M. The explanatory function of metaphor // Logic, methodology and philosophy of science. Amsterdam, 1965.
- Jakobson R. Essais de linguistique générale. P., 1963.
- Jensen J. V. Metaphorical constructs for problem-solving process // J. Creative Behavior. 1975. Vol. 9. № 2.
- Katz J., Fodor J. The structure of semantic theory // Language, 1963. Vol. 39.
- Karbrat-Orecchioni C. L'énonciation: de la subjectivité dans le langage. P., 1980.
- Lakoff G., Johnson M. Conceptual Metaphor in everyday language // J. Philosophy. 1980, Vol. 77. № 8.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London; 1980.
- Lakoff G., Johnson M. Les métaphores dans la vie quotidienne. P., 1985.
- La Métaphore // Langages. 1979. № 54.
- Lapucci C. Per modo di dire. Firenze, 1969.
- Leino P. Mielikuvat kielikuvien takana // Virittäjä. 1983. I.
- Loewenberg I. Identifying metaphors // Foundations of language. 1975. Vol. 12. № 3.
- Maccormac E. Metaphor and myth in science and religion. Durham, 1976.
- Macloskey M. A. Metaphors // Mind. 1964. Vol. 73, № 290.
- Marcus S. The metaphors of the mathematical language // Revue Roumaine des sciences sociales. 1970. Vol. 14. № 2.
- Matoré G. L'Espace humain. P., 1962.
- Metaphor and thought. Cambridge; London, 1979.
- Metaphor: Problems and perspectives. Brighton, etc., 1982.
- Mihkla K., Rannut L., Rükoja E., Adman A. Eesti keele lauseõpetuse põhijooned I. Lihtlause. Tallinn, 1974.
- Molino J. Métaphores, modèles et analogies. dans les sciences // Langages. 1979. № 54.
- Molino J., Soublin F., Tamine J. Presentation: Problèmes de la métaphore // Langages. 1979. № 54.
- Ortony A., Schallert D., Reynolds R., Antos S. Interpreting metaphors and idioms // J. Verbal Learning and Verbal Behavior. 1978. Vol. 17.
- Puntila M. Nominien superlativissuuden ilmaiseminen. Helsinki, 1985.
- Richards I. A. The philosophy of rhetoric. Oxford, 1936; N. Y., 1965.
- Saari H. Verb ja tema moodustuspesad eesti oskuskeeles // TRÜ Toimetised. Vihik 574. Tõde eesti filoloogia alalt, VIII. Tartu, 1981.
- Searle J. R. L'Intentionnalité. Trad. de l'américain. P., 1985.
- Soskice J. M. Metaphor and religious language. Oxford: Clarendon press, 1985.
- Turbayne C. M. The myth of metaphor. New Haven, 1962.
- Vakk F. Miks just nõnda? Peotäis tekkelugusid ja uudistavaid lühimatku eesti fraseoloogia redadelt. Tallinn, 1984.
- Valgma J., Remmel N. Eesti keele grammatika. Tallinn, 1968.
- Vare S. Omadussõnaliited tänapäeva eesti kirjakeeles. Tallinn, 1984.
- Vianu T. Problemele metaforiei si alte studii de stilistică. Bucuresti, 1957.
- Wierzbicka A. Lingua Mentalis: The semantics of nature language. Sydney; Academic Press, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ

Метафора: универсальное и специфическое (<i>В. Г. Гак</i>)	11
Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция (<i>В. Н. Телия</i>)	26
Метафора и оценка (<i>Е. М. Вольф</i>)	52
Концептуальная метафора (<i>Е. О. Опарина</i>)	65
Метафора и символ во фразеологических единицах (<i>Т. З. Черданцева</i>)	78
Компаративность и метафоричность в языках разных систем (<i>Х. Д. Леметс</i>)	92
К проблеме понимания метафоры (<i>А. М. Шахнарович, Н. М. Юрева</i>)	108

МЕТАФОРА В НАУЧНОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Упорядоченность научной теории и языковые метафоры (<i>С. С. Гусев</i>)	119
Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) (<i>Э. А. Лапина</i>)	134
Метафора в поэтическом тексте (<i>Н. А. Кожевникова</i>)	145
Понимание метафор: на пути к общей модели (<i>В. В. Петров</i>)	165
Послесловие	170
Литература	171

Научное издание

МЕТАФОРА В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Утверждено к печати Институтом языкознания Академии наук СССР

Редактор издательства *Л.М. Гаврилова*

Художник *Б.М. Рябышев*, Художественный редактор *Л.В. Кабатова*
Технический редактор *И.И. Джигоева*, Корректор *И.Г. Мартынова*

ИБ № 38299

Пошпано к печати 16.09.88. Формат 60 X 90/16.

Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура Литературная (фотонабор). Печать офсетная

Усл.печ.л. 11,0. Усл.кр.-отт. 11,4. Уч.-издл. 14,0

Тираж 4300 экз. Тип. зак. 1504. Цена 1р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

2-я типография издательства "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6